

Олег Борисенко

ЗВЕЗДЫ НАД УРМАНОМ

16+

Олег Борисенко
Звезды над урманом

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Борисенко О. А.

Звезды над урманом / О. А. Борисенко — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

ISBN 978-5-5321-1428-9

Из рабства бегут четыре раба. Их нелегкий путь лежит из Средней Азии в сказочную страну Шыбыр, где нет князей и бояр. Вогул Угор уводит беглецов от погони, а в далекой Сибири уже оканчивается царство Кучума, и вот-вот туда придут люди Ермака. Увлекательные приключения героев романа-эпопеи на платформе исторического времени.

ISBN 978-5-5321-1428-9

© Борисенко О. А., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Звезды над урманом	7
Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	36
Глава 13	38
Глава 14	41
Глава 15	43
Глава 16	45
Глава 17	46
Глава 18	48
Глава 19	49
Глава 20	51
Глава 21	52
Глава 22	54
Глава 23	56
Глава 24	59
Глава 25	62
Глава 26	65
Глава 27	68
Глава 28	71
Глава 29	73
Глава 30	75
Глава 31	77
Глава 32	79
Глава 33	81
Глава 34	83
Глава 35	86
Глава 36	89
Глава 37	91
Глава 38	94
Глава 39	96
Глава 40	98
Глава 41	100
Глава 42	102
Глава 43	104
Глава 44	106

Глава 45	108
Глава 46	110
Глава 47	113
Глава 48	115
Глава 49	117
Глава 50	119
Глава 51	121
Глава 52	124
Глава 53	126
Глава 54	128
Глава 55	130
Глава 56	134
Глава 57	137
Глава 58	140
Глава 59	143
Глава 60	146
Конец ознакомительного фрагмента.	147

От автора

Опираясь на платформу исторических событий, я попытался преподать данные вехи нашего прошлого в более мягком приключенческом, мистическом и фантастическом стиле, рассчитывая на аудиторию юного читателя.

Мой роман не историческая догма. Он предназначен зажечь искорку заинтересованности у старшеклассников для последующего изучения одной из славных страничек истории нашей Родины.

Из рабства, убив хозяина, бая Узун Бека, бегут четыре раба. Надежду на спасение от преследования вселяет товарищам неунывающий возул Угор, обещая Рай на земле без бояр и князей, если, конечно, они уйдут от погони и доберутся до урманана, что находится в неведомой стране под названием Шыбыр.

Звезды над урманом

*Моему прадеду Михаилу Санину, предки которого
пришли в Сибирь с охочими людьми боярина-воеводы
Афанасия Пашкова, я посвятил этот роман*

Пролог

Старый шаман подбросил хвороста в чувал. Отблески огня осветили его глубокие морщины. Вытащив уголек и перебросив его с ладони на ладонь, шаман раскурил трубку.

– Совсем прогорела, однако, – посетовал он.

– Дедушка, я шиповник с толстым стволом на берегу Атлымки присмотрел, могу из него тебе новую люльку вырезать, – предложил мальчик лет двенадцати, сидевший на корточках неподалеку.

– Нет, не нужна мне новая трубка. Это, Угорка, память о предках наших, что великими шаманами пребывали, кои испокон веков хранили тайну Золотой Бабы. Придет время, и я уйду в страну духов, а тебе предстоит хранить эту тайну далее. Я научу тебя ведать будущее и возвращаться в прошлое. Ты найдешь верных попутчиков и проживешь долгую трудную, но прекрасную жизнь.

– Расскажи, дедушка, мне еще о ведуне Никите, о Ванюшке, маленьком лекаре, о князе Гостомысле, о прапрадеде моем шамане Угоре. Ты так хорошо рассказываешь, и я верю, что и на самом деле живут многие из них да здравствуют доселе.

Дед, с любовью глянув на подросшего внука, улыбнулся.

– А то как же. Жительствуют и ныне ведуны. Ибо должен же кто-то наставлять народец на путь истинный. Ведь если не будет у нас умного вожака, то превратимся мы в стадо безмозглых оленей. Ну а ежели вожак зазнается, то и его поставить на место надобно, ибо поведет он народ на погибель верную. Вожак-то – от слова «вожжи», а вожжами управлять тоже кто-то должен.

Старый шаман выпустил несколько колечек дыма и продолжил:

– Много-много лет прошло и еще пройдет, сколько воды утечет, никто не ведает. Солнце взойдет и снова зайдет множество раз. Хорошие времена пройдут и наступят тяжелые. Но появляются в самую трудную годину ведуны и пестуют народ наш, направляя на путь истинный. Слушай, внук, сказ про пращуров наших.

Глава 1

БЕГЛЕЦЫ

Волхв бесшумно вошел в опочивальню Узун Бека. Шелковые занавески слегка качнул теплый южный ветерок.

– Как ты прошел сюда? Стража, ко мне!

– Не кричи, не услышат. Ты спишь и зришь меня во сне. Помнишь меня, Узун Бек?

– Да, помню, ты приходил ко мне во сне, когда я был еще маленьким мальчиком.

– Что я тебе сказал в ту ночь?

– Не прыгай через арык¹ и не играй вблизи него.

– Ты послушался меня, Узун Бек?

– Нет. Я прыгнул и сломал ногу.

– Ты остался хромым на всю жизнь. Завтра, Узун Бек, ты прикажешь поставить себе охотничью юрту в степи. Отзовешь всю стражу, оставишь охранять твой покой только двух пастухов. И к тебе снизойдет благодать Всевышнего. Ты станешь вновь здоровым.

– Я сделаю, как ты сказал, уважаемый. Но как тебя звать? И кто ты?

– Имя мое – Гостомысл. Я ведун с Жаман Тау. Хранитель Славянской веры. Князь, дед князя Рюрика.

– Зачем же беспокоишься обо мне?

– Не о тебе гребта моя. Ты мне нужен для славы моей Руси.

– А если я вновь ослушаюсь?

– Ты не поступишь иначе. Это твоя доля, – произнес старец и, сделав два шага назад, растворился.

Узун Бек проснулся. Сидя на шелковых подушках, пытаясь успокоиться, он долго и глубоко вдыхал свежий предгорный воздух, который заходил через террасу дворца в его покои.

***

Исатай привстал в стременах. Угасал закат. Посреди реки вдоль гладкой водной поверхности стелился вечерний туман. Именно здесь находилось самое мелкое место, пригодное для переправы. Тут издавна переправлялись многочисленные купцы и путники. Здесь гнали полон², перегоняли скот и отары овец. Тут, в излучине, крутой правый берег реки отступал от береговой черты, образуя пологий подъем с песчаным плесом, что позволяло без особого труда подняться путникам, тяжело нагруженным арбам, волокушам и повозкам. Но переправа обычно существовала с середины лета до середины осени. Сейчас же, когда весеннее половодье наполнило русло реки по самую кромку правого берега и затопило до горизонта левобережье, только безумец мог отважиться перейти с берега на берег.

Безумцев же и разыскивал со своим десятком нукеров³ Исатай.

Ослушники ушли с предгорья горы Эйргимень, от невысокого горного массива Нияз Тау. Исатай вздохнул. И как только посмели эти четыре безмозглых русских раба поднять руку на своего хозяина, его достойного дядю? Чего им не хватало? Питались они не хуже собак, которые охраняли стада благородного Узун Бека. Прикормили неверные псов пастушских, ой при-

---

¹ Арык – искусственный ручей для орошения садов и других нужд.

² Полон – плен.

³ Нукеры – воины.

кормили. Потому и не подняла лай стая, когда беглецы прошли ночью мимо отар и скрылись на севере бескрайней Киргийс-Кайсайской степи.

Неделю назад, утром, родные нашли в летней охотничьей юрте удушенного Узун Бека, а в поле – зарезанных двух его слуг-пастухов. Пропало и оружие. Два коротких копыя, четыре сабли и один лук. Пастушьи копыя особой ценности практически не представляли, сабли же, наоборот, были сработаны Самаркандскими мастерами и стоили немало, а лук, изготовленный джунгарским умельцем из слоеного дерева, был особенно дорог. Не каждый степняк мог позволить себе такую роскошь. Он отличался от охотничьих луков особой гибкостью, упругостью и дальностью стрельбы, к нему прилагался и колчан с тяжелыми стрелами, способными пробить доспехи врага на большом расстоянии, что давало большое преимущество хозяину оружия в бою.

За такой лук не жалко было отдать и сотню рабов, которых толпами гнали в плен по степным дорогам. Гнали без пищи и воды. Гнали, надев колодки на шею или просто накиннув петли волосяных веревок. Немногие выдерживали такой путь без воды и пищи, без сна и отдыха. Особенно страдали женщины, которых тащили весь световой день на веревке, привязанной к седлу лошади стражника. А ночью использовали для развлечений. Тех, кого оставляли силы, бросали в степи на съедение корсакам⁴ или продавали местным степнякам за бесценок.

Лет пятнадцать назад в степь пришла плохая весть о падении Казанского ханства. Царь Иван, пользуясь ослабленным влиянием Польши, в третьем походе покорил Казань – вечную угрозу с востока государству Российскому, чем прекратил систематические набеги на пограничные земли, разорение поселений, грабежи и угон русских людей в рабство. Пленников и рабов на степных дорогах становилось все меньше и меньше. И они заметно подорожали. Хозяева, которые раньше относились к своим рабам хуже, чем к блохам в кошме их юрт, были вынуждены улучшить условия содержания невольников. Если раньше первый встречный нукер мог отрубить голову любому невольнику за любую мелкую провинность, то сейчас пошли в ход чаще телесные наказания. Теперь покалечить чужого раба каралось материальным наказанием. А многие мастеровые рабы вообще пользовались льготами и привилегиями. Им разрешали заводить семьи и жить в своих лачугах, только дети их продолжали считаться собственностью хозяина.

Рабы стали вести себя дерзко и иногда поднимали восстания, которые жестоко подавлялись. Побег стали не редкостью, а обыденным делом. Баи вынуждены были держать поисковые конные разъезды для выслеживания и отлавливания беглецов.

Убив Узун Бека, ушли в степь четверо мастеровых. Один – мастер железа и оружия, огромный двухметровый казак, плененный под Царицыно-волоком, а с ним – два каменотеса, крепкие и жилистые мужчины сорокалетнего возраста, пленники из средней Руси. Да прибил еще к ним вогул-самоед, в пуп им дышащий, проданный недавно в рабство своими угорскими князьками. Он занимался изготовлением украшений из серебра и золота для многочисленных жен и невольниц в гареме Узун Бека.

Беглых рабов, поднявших руку на хозяина, ждала самая ужасная смерть, которую могли только выдумать азиаты, так что сдаваться живыми для них не было смысла. Исатай со своими нукерами упорно шел по пятам беглецов, следы которых периодически терялись, но вновь и вновь отыскивались его опытными воинами, разведчиками-хабарчи.

Беглецы использовали неведомую доселе степнякам тактику запутывания следа. След то терялся в маловодных заводях Акан Бурлука⁵ и других мелких притоках да озерах, то вновь возвращался к Исил Озен⁶. С поворотом реки на запад русло становилось все шире и шире,

---

⁴ Корсак – степная лиса.

⁵ Акан Бурлук – приток Ишима.

⁶ Исил Озен (Исиль) – река в Казахстане, впадающая в нижнем течении в Иртыш.

по берегам появилась мелкая растительность. Это давало шанс беглецам уйти от погони, на что они и надеялись. Вода в Исиле еще была довольно холодна для того чтобы спастись от преследования вплавь, да и подручных средств для сооружения плота в степи не было.

Именно это место, где остановил коня Исатай, и являлось переправой на левый берег, где простирались заросли камыша и тала, местами по пояс залитые весенним паводком, что исключало конное преследование беглых рабов. Исатай решил организовать засаду именно здесь.

Вогул упрямо ночами вел беглецов вдоль русла, каким-то чудом обходя стойбища кочевников и конные разъезды нукеров, рыскавших вдоль берегов Исиля. К утру же все четверо, намазав тела жиром, перебирались на левую сторону реки, забивались в сухой овражек и там пережидали световой день. Идти же ночью левым низким берегом было опасно, можно запросто сбиться с пути, попасть в трясины или выйти в открытую степь, где их легко мог заметить первый встречный.

Вести хабар в степи разносятся быстро. Несмотря на то что беглецы, совершив недельный переход, были уже далеко, это не давало им возможности уйти от погони. Но все-таки была надежда на последний шанс, пусть небольшой – один к ста.

В начале первых дней пути беглых рабов пугало и смущало присутствие рядом небольшой стайки степных волков, которые упорно сопровождали спутников на расстоянии видимости. Но Угор, или Игорь, как все путники величали вогула, при приближении стаи к месту дневки, сложив руки ладошкой, тихо издавал звуки, похожие на сопение и чавканье какого-то зверя, и стая, испугавшись, отбегала на безопасное расстояние.

Впрочем, волки нынешней весной и не были голодны. Уже вышли из гнезд утят и прочая водоплавающая живность. Иногда днем, пока путники отдыхали, стая с шумом кидалась в воду Исиля, преследуя птенцов, не вставших еще на крыло. Вечером она рыскала справа от идущих, вынюхивая лежки зайчат и норки сурков. Но Угор внимательно следил за их поведением, ведь при приближении любой опасности волки становились пугливыми и скрывались в степи. А при удалении опасности вновь занимали место в походном строю.

В северной части степи правобережья Исиля в последнее время появились многочисленные чужие вооруженные разъезды. Это были зюнгарты, дербеты. Иногда появлялись и более южные племена – хошуты и торгуты. Кочевники Киргийс-Кайсацкой степи называли их «ойраты», «джунгары». Это была уже их территория, и Исатай, преследуя беглецов, осторожноничал, не желая встречи с джунгарами. Дома же, если он не найдет убийц своего дяди, его ждали позор и презрение соплеменников. И десять нукеров шли упорно по следам беглых рабов. Их объединяла одна цель.

Догнать. Догнать. Догнать.

Река теперь шла ровно на закат, а значит – на запад. В степи начали чаще попадаться березовые околки⁷, заросшие низкорослыми кустами боярышника и шиповника. Днем можно было в них укрыться, ну а ночью напороться на засаду.

Стая волков, внезапно остановившись, настороженно сбилась в полукруг. Волчица, идущая вслед за вожаком, нырнула к песчаному плесу на переправе и тут же помчалась назад, уводя стаю в правобережную ночную степь.

Впереди на высоком берегу испуганно фыркнула лошадь. Затопала копытами другая. У переправы послышалось еле уловимое бряцание железа о железо.

– Ну, вот и засада басурманская, – одними губами прошептал Никита-каменотес, опускаясь на землю и вынимая из-за пояса саблю.

Но Угор, положив ему руку на спину, кивнул вправо, откуда неслась обратно стайка волков. Она с шумом и плеском кинулась в воду и клином поплыла на ту сторону реки. Послыша-

---

⁷ Околки – небольшие лесные массивы.

лось движение, звон сбруи, негромкие вскрики и вскоре – удаляющийся топот копыт. Отряд Исатая, спешно оставив место засады, растворился в темноте степной ночи. А через несколько минут к переправе прибыл разъезд из сотни вооруженных людей. Их хабарчи, спрыгнув с коней, принялись изучать следы. Незнакомая речь резанула уши беглецов. Джунгары?!

Глава 2

- Хрен редьки не слаще, – леж в ивняке, прошептал Никита Угору.
- Она степь пойдет, погоню наша ловить станет, – ответил сын тайги.
- Кто – она? – не понял Никита.
- Ну, она, джунгара, однако.

И действительно, вскоре прозвучала звонкая властная команда, и сотня всадников, поднявшись на крутой берег, поскакала вслед десятку Исатая.

Топот конских копыт стих. Вновь послышался стрекот сверчков, тьяканье степных корсаков, и тысячелетняя степь постепенно зажила тихой ночной жизнью.

- Айда. Ушла джунгара, – поднявшись с земли, прошептал Угор.
- А почай воротятся? – засомневался второй каменотес по имени Аника.
- Поди нет. Куды там. Им теперича другое надобно. Одним споймать тех, кто на ихню землю незвано лукнул, а другим – унести ноги, – рассмеялся в бороду мастер по железу кузнец Архип.

– А пошто, Архип, волки-то за нами увязались, нешто задумали неладное, серые разбойники? – поинтересовался Аника.

– А ты вон у нашего лешака спроси! Он эту бестию лучше меня знает, – улыбнулся Архип, дружелюбно кивнув на Угора.

– На степь ныне много басурмана пришло, с отарой много собак ходит. Тама-ка костер палят и тута-ка палят, дым волки чувуют, нету-ка жизни в степи коскырам, вот и идут за нами новую землю искать, – спускаясь к кромке воды, пояснил Угор.

– Значимо, совсем невмочь жить тут стало, раз даже зверина от этих нехристей бежит, – согласился Архип, следуя за вогулом.

– От басурмана пойдём до урман, – глядя на сияющую полярную звезду, мечтательно пошутил Угор.

– Басурмана знаю, а про урман покамест не слыхивал, – поинтересовался Архип.

– Урман – это лес дремучая, совсем непроходимая. Там даже зверь жить не хочет. Там токмо ворон старый живет, сторожит оберег предков наших, Бабу Золотую. А округ урман озеро без дна, в нем Сорт Лунг плавает. Злой дух, который вселился в большую щуку. Сорт Лунг арбу может проглотить с человеком. Вот такой он большой, Сорт Лунг, – разведя руки в стороны, показал Угорка.

– А Баба Златая большая? – спросил Аника-каменотес.

– Все вместе еле поднимем, однако, – важно ответил внук шамана, – тяжела она шибко, много золота в ней, очень много.

– А урман – это чаща што ль? – поинтересовался Архип.

– Нет, хуже, очень густо, совсем непроходимая чаща.

– А басурман кто же тогда буде?

– Голова мохнатая, нечесаная башка, однако, – разъяснил вогул и для правдоподобности поднял свои седые мохны пальцами обеих рук кверху.

– Поди прав ты нынче, Игореша! Бас – голова, урман – чаща непроходимая, вот те и басурман нечесаный получился. А я ведь в полоне почитай осемнадцать весен пробыл и не догадался, недотепа, по какому случаю их басурманами кличут, – почесав бороду, усмехнулся Архип.

– Скидай, братья, портки, на ту сторону реки подадимся от греха подальше. Раз серые разбойники не воротились, то и нам тута, на правом берегу, нече засиживаться, – дал команду Архип, снимая одежду и заворачивая ее в узелок...

Вскоре ватага, намазав свои тела жиром, нарубив хворосту и связав его в снопы, пустилась вплавь через речку. Перед ними стояла задача не только переправиться, но и не утопить оружие, не намочить лук и тетиву, торбу с куртом и сушеной кониной, прихваченной у убитых пастухов Узун Бека. Вода спала хорошо, и только на середине пришлось проплыть метров пятнадцать, остальное прошли по воде не выше груди.

Беглецы и не догадывались, каким образом степняк Исатай находил их место очередной водной переправы. Утром, вернувшись к переправе и еле-еле уйдя от погони, главный хабарча⁸ Исатая, Мурзабек, разыскал замаскированные старой листвой срубленные стебли тальника и, показав пальцем на левый берег реки, доложил:

– Там они, собаки!

– Рахмат⁹, Мурзабек, – похвалил своего верного хабарчу Исатай, засыпая.

---

⁸ Хабарча – опытный разведчик, следопыт.

⁹ Рахмат – спасибо, благодарю.

Глава 3

БОТАГОЗ

Днем, лежа на песчаной отмели левого берега, заросшего ивняком, и наблюдая за небольшим стойбищем из двух юрт, беглецы вполголоса вели разговор.

– Это степняк кочевой стоит. От него вреда не будет, токмо ежели кому не выдаст, что мы проходили. Нам денный переход нужно сделать, братья, чтоб оторваться от наших врагов. На пяты наступают, нехристи; ежели не уйдем, споймают и на арканах поволокут на смерть лютую, – грызя камышинку, рассуждал вслух Архип.

– Я живым не дамся, лучше пусть тут зарубят, чем там в яму со змеями кинут али по кускам резать и жарить станут, – перевернувшись на спину, проговорил Аника.

– А мне куды, сиволапому, податься? Выйдем с басурман-поля – царева дыба ждет, а не выйдем – пятки подрежут, ироды. Я ведь с Ливонской войны утек, а царь Иван такое не прощает, – горько усмехнулся Никита.

– Урман ходить надо, там ни царя, ни боярина, ни татарина нету-ка. Там рыба есть, зверь есть, ягода есть. Женщина тоже есть, жена покупать буду, – оскалился в улыбке вогул.

Хитро улыбнувшись, он снял через свою косматую голову висевший на шелковой нити кожаный мешочек и, развязав, показал содержимое. В нем находились пар семь серебряных сережек, два золотых колечка и еще несколько игл и булавок.

– Ты дом свой урманый найди сначала, лешак нечесаный, сколь ден уж идем, а степи конца и края не видать. Хоть покажь, куды идти-то, – хмыкнул Архип, выплюнув камышину.

Вогул вытащил стрелу из колчана, ловко привязал к ней шелковую нить, выровнял так, чтоб стрела висела параллельно земле, а острие не перевешивало конец с оперением. Довольно долго и усердно тер наконечник о свои волосы и поднял стрелу за нить. Стрела завертелась на нитке, а через минуту вращение прекратилось.

– Там мой урман! – улыбнулся вогул, кивая на кованный наконечник, который показывал на север.

– Там ляга¹⁰ живет, которая за Иван-Царевича замуж вышла, да Кощей Бессмертный. А ты в задницу татарину не попадешь стрелой этой, вычуру¹¹ нам всякую кажешь, скоморох нечесаный, – не поверил Никита.

– На, спытай-ка, – протянул ему нить со стрелой вогул.

– Давай, но коли стрела покажет в другую сторону, не пойду за тобой!

Друзья расселись вокруг Никиты, который уже поднял стрелу за нитку. И опять стрела, повертевшись, показала в сторону севера, в том же направлении, что остановилась у вогула.

– Ну-ка, ну-ка, подай-ка, бес лесной, свою забаву, – протянул руку Архип.

– Ишь ты, чудо чудное, – воскликнул он, разглядывая наконечник, который вновь показал на север.

Вдоволь натешившись игрушкой вогула, четверо беглецов вспомнили про две юрты на зеленой поляне у кромки левого берега. Там мирно паслись бараны. Щипала траву стреноженная лошадь. Женщина в безрукавке, разукрашенной медными и серебряными кружками, периодически выходила к большому котлу, снимала крышку и, помешав варево, вновь ныряла в юрту.

---

¹⁰ Ляга – лягушка (в данном случае – Царевна-лягушка).

¹¹ Вычуры – фокусы.

– Это не джунгары, братья. Это кочевник – колыбыт. Он платит ясак и мирно живет в степи, имея охранную тамгу. Джунгары – это те же мэнголы, токмо стройней поди будут. Обычно они берут ясак оружием да сбруей разной. Но продовольствие войску тоже надобно, вот и пасет такой кочевник своих и чужих баранов. Иногда сыновей могут забрать служить или дочь забрать. А куды ему деваться-то, у него такой стрелы нету, чтоб к твоему урману податься, – внезапно закончил шуткой Архип.

– А колыбыты, Архипушка, кто таки, пошто их так кличут? – поинтересовался Аника.

– Так они куды кол вобьют, там у них и родина. Помню, до Волги придут, набьют колов где попало, а в зиму в степь уходят. Казачки наши с волока повыдергивают колы да пожгут в печах. А весной опять они колы биты начинают по всему степу, и все по-старому начинается. Они бьют, мы выдергиваем да жжем. Вот така басен. А про джунгаров я слыхивал, когда еще ковалем у басурман робил, народу-то в кузню много приходит, да со сторон разных, земля-то слухами живет, – закончил речь Архип.

– Наведаться што ль к степняку, уж больно скусно тянет шурпой, братья, – сглотнув слюну, предложил Аника.

– Ныне кони басурманские в воду не полезут, степные они. До холодной воды не охотны. Джунгарская сотня в броню одета, да и не к чему им плавать туды-сюды. Ежели прикинуть, то смекаю, что можно и наведаться. Да токмо лаской нужно аль украшением каким взять. А то подымет хай, заголосит нехристь на всю степь. Тогда уж точно не лицезреть нам сказочной стороны урманной, да рыбы и зверя, да ягод и жен дивных, – почесав бороду, рассудил Архип.

***

– Да подь ты, шельма татарская, – замахнулся черенком копья на нечесаную собачонку Никита.

Собачка, взвизгнув, забежала за юрту, из которой вышла женщина в безрукавке. Она испуганно осмотрела незваное войско. С оружием, в длинных грязных серых рубахах, шелковых и цветастых шароварах, бородатые и босые, они вызвали бы смех, появившись в наше время на улице. Но в то лихое время апашке было явно не до смеха. Эти вурдалаки могли запросто вырезать кочевье и, наевшись вареной баранины, уйти на все четыре стороны.

– Аман сыз¹², – улыбаясь, подбирая слова, поздоровался с женщиной Архип.

Он напрягал свою память, чтоб хоть что-то вспомнить с языка степняков. Женщина кивнула головой, но по-прежнему стояла как каменный идол в степи.

Вперед вышел Угор. Он снял мешочек, вытащив его из-под рубахи, развязал, протянул хозяйке пару серебряных сережек.

– Кумыс¹³, ет¹⁴, шорпа¹⁵ давай, баба старая, – протягивая ей сережки, улыбаясь, попросил вогул.

– Еркен, – громко позвала хозяйка.

– Козыр, козыр¹⁶, – ответил мужской голос, и из соседней юрты, кряхтя, вышел старик с белой бородой.

Опираясь на посох, он вопросительно взглянул на жену. Та, показав сережки, зашептала что-то ему на ухо.

---

¹² Аман сыз – добрый день.

¹³ Кумыс – кобылье молоко.

¹⁴ Ет – мясо.

¹⁵ Шорпа – мясной бульон.

¹⁶ Козыр – сейчас.

– Жаксы¹⁷, – кивнул ей дед и позвал: – Ботагоз!

Из женской юрты несмело вышла девчушка лет четырнадцати. Увидев в руках матери сережки, радостно подбежала и, схватив их, забежала в юрту.

Через несколько минут, смотрясь в дно серебряного подноса, она вновь предстала перед родителями.

– Якши, оман, клади на карман! – рассмеялся доселе молчавший Никита, блеснув глубоким познанием тюрского наречия.

Наевшись досыта мяса и напившись кумыса, путники засобирались. Вогул выторговал у деда четыре безрукавки из овчины, курдюк с кумысом и торбу с сушеными кусочками весенней конины. Не забыл он и про младших братьев своих, собрав кости в тряпицу.

Ботагоз носилась по траве с подносом и любовалась серьгами.

– Носи на здоровье, курносая, – отходя от стойбища, крикнул Никита девчушке, помахав на прощание рукой, и добавил: – Аж, гляди, нехристь вроде, а все понимает, стрекоза. Не все басурмане богато-то живут, есть и голытьба как мы. И радости, и горести переживают. Поди, и голодают так же, как мы. И баи их тоже забирают и неволят, как бояре наши.

***

Исатай проснулся от легкого прикосновения. Перед ним на корточках сидел Мурзабек.

– Я на тот берег пойду, погляжу урусов.

– Возьми с собой Аманжол, в бой не вступать, живыми собак неверных брать будем, – кивнул Исатай.

Заехав верхом в воду, осторожно пошли вброд. Кони, фыркая и выпучив глаза, испуганно смотрели на водную гладь. Но Мурзабек и Аманжол были опытными сильными всадниками. В бою они не раз разворачивали коней коленями, умели вовремя заставить их преодолеть чувство страха и подчиниться воле седоков.

Лошади, тихо фыркая, шли к середине. Джигиты направляли их к торчащим вешкам с тряпицами на том берегу. Течение на середине Исиль¹⁸ было сильнее, и всадников чуть сносило в сторону, но тут лошади начали выходить на возвышенность и остальное расстояние прошли без осложнений. Всадники замочили только шаровары. Сапоги же воины, предварительно сняв, провезли через шею на бечеве.

– Здесь они спали, – показав кнутом на примятую в ивняке траву, сказал Аманжол.

Мурзабек спрыгнул с коня и тщательно осмотрел следы на месте дневки беглецов.

– Там надо искать, – показал он на две юрты и запрыгнул в седло, – поехали.

Из юрты к ним навстречу вышла женщина в безрукавке. Она налила в пиалу кумыса и подала Мурзабеку. Тот выпил содержимое пиалы и протянул ее женщине. Вторым испил кумыс Аманжол.

– Здравствуй, женщина. Чье это стойбище?

– Еркен, муж мой, и сын Отар его хозяева. У них есть тамга охранная.

– Кто сейчас в юрте?

– Еркен, муж мой. Больной совсем.

– Урус¹⁹ проходил?

– Нет, орыса не было, да и откуда орысу тут быть?

– Бежало четыре раба, ищем их. Если придут, сына пошли за реку. А там кто во второй юрте подглядывает? Ну?

---

¹⁷ Жаксы – хорошо.

¹⁸ Исиль – река Ишим.

¹⁹ Урус (орыс) – русский.

– Дочь моя Ботагоз.

– Ну-ка выйди.

Девушка вышла и остановилась у входа юрты, чтоб при малейшей опасности нырнуть обратно.

– Так не было урусов, женщина? – еще раз переспросил Мурзабек.

– Нет.

– Хорошо, – и, развернув коней, всадники рысью удалились в левобережную степь.

Отъехав от стойбища, Мурзабек повернулся к Аманжолу и, улыбаясь желтыми зубами, смеясь, как счастливый ребенок, сказал:

– Ай, Ботагоз, ай, сережки хороши! Сам мастер взгул делал! Хороший мастер, молодец, и я его убью без мучений. Были, собаки, тут, но ушли днем. Ночью на том берегу их ждать будем. Берегом пойдут. Степь для них – смерть.

Глава 4

Когда стало смеркаться, вогул повел за собой беглецов. Он поступил иначе, нежели расчитывали их преследователи. Вновь нарубив хворосту, беглые рабы переправились на правый берег реки чуть ниже по течению.

Отойдя в степь от поймы метров на пятьсот, присели передохнуть. Угор вновь достал стрелу из колчана, потер наконечник о волосы, привязал нить и, сбалансировав центр тяжести, определил стороны света.

Взглянув на звезды, сын урманана в уме просчитал понятные только ему расчеты.

– Айда за мной, – вставая, приказал он.

– Ну, смотри, на тебя ведь вся надежда, – согласился Архип, поднимаясь.

Остальные беглецы, собрав пожитки и оружие, пошли вслед за вогулом и кузнецом.

Вскоре река осталась позади, начали появляться березовые околки и лесные продолжительные участки. Они выплывали из темноты как огромные черные горы. Вогул входил туда смело и, ловко обходя в кромешной темноте деревья, упрямо шел в понятном только ему направлении.

– Ну и куды ведешь-то, поясни нам, ведь не видно ни зги, – строго спросил Угора Архип, когда они расположились на привал посередине маленькой лесной полянки.

– К холодному морю, куды река течет, однако. Два ден, и опять речку встретим. Она петляет, мы прямо пойдем.

– Вот как утечет твоя река в другую сторону, и подохнем мы в степи, а то и нехристи догонят, – развалившись на сухих прошлогодних листьях, изрек Никита.

– Звезды-то какие, прям усыпано все. Токмо вот облака красоту портят, да месяц неполный, – рассматривая звездное небо и любуясь им, выдохнул Архип.

– Над урманом лучше, небо низко-низко, стрелой достать можно, – вздохнул Вогул.

Так и лежали эти уставшие люди. Бывшие рабы, а сегодня вольные, даже если и ненадолго, но свободные и счастливые. Лежали, закутав от ночной прохлады босые истертые пораненные ноги в овчинные безрукавки.

В темноте раздалось легкое повизгивание.

– Вот шельмы, догнали же, сучьи дети, – приподнявшись на локте, ища в темноте волчью стайку, усмехнулся Архип.

– Это не наша волка! Злой волка! Спина спиной вставай! – крикнул внезапно Угор и, схватив копьё, выставил его перед собой.

Четверо беглецов, став спина к спине, выхватили сабли и копыя, приготовившись к нападению.

Матерый вожак, оскалившись, обошел стоящих на поляне беглецов. Это был уже не мелкий степной волк, а крупный сибирский зверь. Следом, показывая клыки, проследовала и его стая, которая насчитывала особой двенадцать. Кольцо замкнулось.

Вожак повернулся к людям и замер. Замерла и вся стая.

По ночному небу плыли редкие облака. Поляну тускло освещал лунный свет, бросая зловещие тени от берез и осин.

– Как месяц закроет туча, волк нападать будет. Руби лапа, голова руби, спина, куда попадать будешь! Тока руби! А сейчас на луну не смотри, привыкай к темноте! – громко объявил Вогул.

Услышав человеческий голос, заметив, что тучка закрыла ночное светило, вожак вдруг громко зарычал и в три прыжка достиг группы людей. Но на лету напоровшись грудью на острие копыя, которое проткнуло его и вошло вовнутрь, упал, обняв лапами древко копыя,

грызя его огромными клыками. Остальная стая последовала примеру вожака, кинулась с разных сторон на беглецов, но, попав под удары сабель Никиты и Аники и потеряв трех своих собратьев, временно отступила назад.

Архип успел нанести колющие удары копьем паре молодых волков, которые с визгом отбежали. Вогул никак не мог вытащить из груди подыхающего вожака застрявшее копьё. Никита, видя, в какое положение попал Угор, сделал глубокий выпад и полоснул саблей промеж ушей вожака, который в конвульсиях продолжал грызть древко копья.

Туча ушла, и месяц вновь осветил небольшую полянку, где происходило побоище. Вогул наконец-то освободил свое оружие, и, вновь встав спиной к спине, беглецы приготовились к отражению нападения.

Сызнова, когда туча закрыла месяц, с визгом и рычанием волки бросились вперед. Никита, рубанув по ногам одному зверю, отрубил тому лапу, тут же ударил по уху другого волка, разрубив хищнику челюсть.

Аника полоснул сверху вниз своего врага. Вогул и Архип успели нанести несколько колющих ударов копьями.

Стая отошла, отползли и раненые волки. Вой, скуление и рычание наполнили лес, прокатились эхом по степи. Супротив людей осталось пять невредимых, но молодых волков, которые еще способны были нападать. Но прыть уже была не та, годовалые волки последнего помета осторожно ходили вокруг людей, опасаясь блестящих во тьме клинков.

Это противоборство шло часа два. Звери выматывали свою жертву. Они ждали, когда люди обессилят, устанут стоять, и в плотном строю возникнет брешь, которой можно будет воспользоваться.

– Матерь Божья! – вдруг взвыл Аника, увидев новую стаю волков.

Перепрыгивая кусты, со свирепым рычанием на поляну влетели, оскалив клыки, семь хищников. Вогул первым опустил копьё, увидев, как вцепились в смертельной схватке меж собой звери.

– А это наша волка, – рассмеялся он.

Чужаки, с позором покинув поле боя, бежали, а раненых лесных собратьев, не способных спастись бегством, принялись догрызать степняки.

Не обращая внимания на освирепевших зверей, рвущих бездыханные тела, вогул отогнал черенком копья двух хищников и осмотрел труп вожака.

– Саблю дай, – попросил он Никиту.

– Да я до самой смертушки ее не выпущу из рук после такой жути, – отказался Никита.

– Копье мое возьми, саблю мне давай, однако! – потребовал Угор.

Взяв саблю, он отрубил вожаку лапы по самое брюхо, а после, кинув их на землю, рубанул в коленном изгибе. Отложив саблю, пальцами быстро залез между шкурой и мясом и сорвал чулком шкуру. То же самое он проделал и со второй лапой. Вывернув чулки наизнанку, Вогул натянул их на свои босые ноги.

– Кисы²⁰, однако! – громко рассмеявшись, заявил сын тайги.

Архип, осмотрев обувь Угора, молча поднял отрубленные задние ноги.

– Надевай, пока шкура теплая, они по ноге станут, когда сохнуть начнут. Завтра мохнатый лапоть носить будешь, меня хвалить станешь, – шаркая пучком травы по свежему мясу на вывернутой коже и отделяя его до мездры, посоветовал Угор.

– Смотри-ка, и прям сапожки княжичи, – натягивая на ноги шкурой вовнутрь чулок, довольно крякнул кузнец.

Вогул достал шелковую нить, извлек из мешочка серебряную заколку и зашил носок своего сапога.

---

²⁰ Кисы – обувь народов Севера.

– Ну-ка, ну-ка, покажи, Игореша, как сробить это диво, – бросив отрубленные у другого волка ноги на траву, попросил Никита.

Пока стая волков-победителей догрызала трупы побежденных, друзья мастерили нехитрую обувь и отдыхали, ведь им придется пройти следующей ночью не менее сорока или пятидесяти верст.

Глава 5

Проснувшись к обеду, путники заприметили вогула, сидящего со скрещенными ногами и бормочущего на неведомом языке какую-то молитву. В ногах у него лежала старая волчица, а чуть далее – стая степных волков.

Закончив бормотать, Угор развязал тряпицу и раскидал кости, оставшиеся еще от трапезы у степняка-скотовода. Волки, вскочив с места, принялись расхватывать и грызть объедки, местами завязывая небольшие стычки между собой. И только волчица, положив голову на лапы, лежала, не шевелясь, глядя своими серо-зелеными глазами на Угора.

Вогул поднялся и, повернувшись к своим попутчикам, пояснил:

– Дальше волка с нами не пойдет. Она нашла своя земля. Волчица ушел от старого жожака и увел молодого мужа. Остальные дети их. Завтра все они будут одна стая. Чужая кровь мешать нужно, иначе плохой потомство будет. Слабая стая. Без нас она бы не захватила земли. Теперь мы ей вороги будем, если не уйдем с их угодя. Я просил ее разрешить нам уйти ночью. Она согласилась. Коскыры проводят нас до реки и вернуться домой. Это хорошее место, много пищи, дичи много, лес мал, мал есть.

Архип усмехнулся, подвязывая лыком самодельные сапоги.

– Глядь-ка, баба мужа бросила ради мальчишки сопливого! Ну все как у людей!

Подошел Аника и, закатав рукав рубахи, показал место укуса. Рука в предплечье посинела и чуть припухла.

– Подол от рубахи оторви и помочись на тряпицу, опосля перевяжи, – посоветовал ему кузнец.

***

– Ты почему не зарубил пастуха и старуху? Ведь эта старая карга солгала тебе! – спросил Аманжол у Мурзабека.

– Это не простой пастух, он охраняет территорию конского базара, он человек местного бая. Ты же видел множество конских привязей на поляне у кромки реки и много лежащих разобранных юрт. Когда трава станет высокая, сюда приведут лошадей на продажу. Вон и юрты гостевые для торговцев лежат. Это очень хорошее место. Широкое поле по эту сторону реки. Тут проходят караванные пути с Юга на Север и с Востока на Запад. Старуха сказала, что это место так и зовут – Ат-Базар. Конским базаром, в общем, называется. Простому человеку такой лакомный кусочек никогда не достанется, а значит, он человек сильного бая этой земли. Нам же засаду устроить здесь хорошо. Не пойдут урусы левым, болотистым берегом, а по правому берегу в Исиль всего две речки впадают. Тут-то между рек мы их и подкараулим, – стегнув камчой коня, закончил Мурзабек, и всадники поскакали к переправе. Кони перешли в галоп, с фырканьем влетев в прохладную июньскую воду.

***

Джунгарские воины не смогли догнать и разыскать десяток Исатая в ночной степи. Степняки умели уходить от погони. В настоящее время сотня Тэмуужина остановилась отдохнуть и напоить коней у мелководной речушки Керегетас.

– Я иду по пятам этих диких кыргысов уже восемь лун. Мои разведчики напали на след их коней у Таи-Табе, у белых могил, и от Караоткеля мы преследуем их до Ат-Базара. Нужно кончать их. Есть у ойратов закон: если ты с оружием на нашу землю ступил, то обязан иметь

охранную грамоту для передвижения. Если вооруженный человек ее не имеет, он должен быть предан смерти. Поэтому, Доржхуу, возьми сорок воинов и устрой засаду ниже по течению у слияния двух речек. Ты же, Туменэнбаатор, возьми три десятка и затаись на берегу Исиля за слиянием этих двух рек. Остальные останутся со мной тут, – закончив свою речь, командир сотни поднялся с тюфяка. – Я все сказал.

Поднялись и его подчиненные. Почтительно поклонившись, ушли к своим воинам.

Глава 6

Отряд Исатая медленно двигался вдоль правого берега. Впереди на расстоянии видимости шли, держа коней в поводу, два разведчика-хабарчи. Они высматривали следы беглецов, разглядывая каждую травинку, каждый куст, любую вмятину на земле. Мимо их пристального взгляда не проходила никакая мелочь.

Иногда попадались следы. Это стадо сайгаков прошло на водопой и с водопоя. Их переплетали следы корсаков – степных лисичек, волков-коскыров, сурков и тушканчиков. Отпечатки босых ног беглых рабов не попадались уже сутки.

Исатай нервничал и злился. Ведь они уже шли по чужой территории. А по джунгарским законам степняк не мог иметь при себе боевого оружия и доспехов, при встрече с ойратом обязан был сойти с коня и идти, ведя его в поводу, уйти с тропинки и пропустить джунгарина. Невыполнение закона порабощителей влекло одно – смерть.

Когда Исатай бросился в погоню за беглецами, он и не мог предположить, что поиск затянется на месяц. Испокон веков степь беглецов выдавала сразу. Сам шайтан помогает этим орысам. Исатай вздохнул. Постоянно они уходят от преследования и путают следы.

Но вот один из разведчиков заметил сломанную ветку. Далее обнаружил примятую траву и еле-еле заметный след человека перед овражком, внизу которого бурлил узкий ручей.

Это была удача. Теперь уж орысы далеко не уйдут. Световой день только начался, и хабарчи Исатая обязательно отыщут лежку этих собак. Исен поднял руку с камчой вверх, что означало «внимание!», и посмотрел на ту сторону оврага. Второй хабарчи вскочил в седло и повернул коня, чтобы доложить Исатаю о результатах поиска.

Раздался свист оперения, и между лопаток хабарчи, пробив доспехи из толстой кожи, вонзились стрелы, выйдя с другой стороны, из груди. Всадник захрипел и начал валиться из седла. Исен было бросился к своей лошади, но петля аркана уже охватила его гибкое тело, прижав руки к бокам в локтях, а неведомая сила понесла его через кусты, через бурлящий поток на другую сторону оврага. Он опомнился уже связанным, лежа у ног богато одетого джунгарского воина. Тот, пнув его, заговорил на незнакомом языке. Толмач, сидя на корточках, переводил слова начальника.

– Кто такой? Говори!

– Я Исен, слуга Исатая. Мы ищем беглых орысов, которые убили уважаемого Узун Бека и скрылись в степи.

– Сколько вас?

– Нас десять и почтенный Исатай.

– Заводные кони есть?

– Нет, мы не брали с собой вторых лошадей, господин, думая, что быстро поймаем неверных.

– Это хорошо, что не брали, – перевел толмач Исену слова улыбающегося знатного воина. – Развяжите несчастного и приготовьте к суду, – приказал воин подчиненным.

Два огромных джунгарина поставили Исена на ноги. Третий же, взяв копьё, подошел сзади и приставил древко к вытянутым в стороны рукам. Двое других, в локтях перевязав древко веревкой, опустили разведчика на колени.

– Наш тысячелетний закон никто не имеет права нарушать, – приступил к суду Туменэнбаатор. – Ели его нарушить даже один раз, то это уже не закон. Все, кто его нарушит, будут преданы смерти. Умри достойно. Суд окончен. Я все сказал!

Туменэнбаатор, взяв в руки другое копьё, вставил его древко между древком копья, привязанного к рукам и лопаткам Исена.

– Ты был хорошим воином. Там тебя встретят женщины и сад цветущих деревьев, – с этими словами сотник с силой надавил копьё вниз, спина обреченного выгнулась назад, раздался хруст позвоночника, и тело хабарчи Исена, дрожа от предсмертных судорог, завалилось набок.

Воины срезали веревки, разобрали доспехи и оружие.

– По коням! Остальные далеко не уйдут! Гоним их на засаду Доржхуу! Пошлите гонца к почтенному Тэмуужину, скажите, что один убит, другой допрошен.

Глава 7

Аника плелся позади всех. Рука невероятно распухла, пальцы онемели и отекли, резкая боль пронзала до плеча. Пот градом катился по лицу и спине. Голова кружилась, и ноги практически не слушались.

– У тебя жар. Волк слюна пустил и клыком вену проткнул. Совсем нехорошо, очень плохо, – суетился вокруг Аники вогул, промывая рану и выдавливая нагноение.

Днем, остановившись в березовом молодняке, беглецы расположились на отдых. Вогул, бормоча под нос себе то ли песню, то ли заклинание, взяв саблю у Никиты, пошел осматривать лесочек. Он ползал на четвереньках, поднимая старую листву. Срывал кору со старых деревьев, повторяя, как сумасшедший, одно и то же:

– Ёхарья-ёхарья, йохарья-йохарья.

Анику знобило, его укрыли безрукавками.

Угор, вернувшись, принес несколько комков плесени разных цветов и оттенков. Усевшись на корточки, стал их перебирать. Сорвав листочек с молодой березки и проткнув его булавкой посередине, принялся внимательно разглядывать через дырочку куски коры, грибы и листья, принесенные из леса.

– Ты чего такое деешь? – поинтересовался Никита, забирая саблю.

– Плесень-кисточку отыскать нужно, очень нужно, очень.

– А листик зачем?

– Лучше видно, – пробормотал вогул, занимаясь своим делом.

Он бесцеремонно откинул от себя принесенный кусок коры и стал рассматривать поверхность грибов.

– Нашел! Как ушки белки! Кисточки! – рассмеялся внук шамана.

Вогул собрал со шляпок и ножек грибов всю плесень на древко своего копья. Принес из котомки несколько кусков сушеного курда, размочил чуть-чуть остатками кумыса, оставшегося на доньшке курдюка, и растолок кусочки сыра, перемешав с плесенью. Третью часть полученного снадобья он нанес на рану Аники, перевязал ее, вторую дал ему съесть, а первую замотал в тряпицу.

– Завтра опять вырастет, пусть плесень пока сыр кушает, – объявил он, убирая узелок в котомку.

Никита поднял оброненный Вогулом березовый листик и, лежа на боку, запустив себе на обнаженную руку муравья, посмотрел на него в дырочку.

– О! – воскликнул он, дернув рукой, скидывая муравья. – Ну прям как баран курдючный! В жизнь бы не смекнул, что дырочка увеличить может!

– Ложись, сосни, Аника, пот прошибет, жить будешь, – приказал Угор, укрывая друга всем, что было в наличии. – Дед-шаман научил, умный мой дед был, много знал, великий шаман он, однако, был, – пояснил он, укладываясь спать.

***

Ботагоз была от счастья на седьмом небе. Серебряные серьги, да еще какие! Таких даже нет у почтенной Гулзар, жены их бая Валихана. Девушка время от времени смотрелась в поднос. Трогала украшения пальчиками. Бегала к берегу реки, глядясь в воду и любясь ими, весело хлопала ладошками, разгоняя волнами отражение. Она покажет их брату Отару, когда он придет с выпаса. Ему тоже понравятся! Ведь старший брат любит ее и всегда балует, принося из степи сладости и подарки, которые выменивает у проезжих людей. В прошлый раз брат

привез ей шелковый платок, выменянный у купца-уйгура, ехавшего на север в район озера Шелкар, что у предместья Кокшетау – синих гор, которых Ботагоз никогда не видела.

Схватив кувшин, девчушка вприпрыжку побежала к речке, напевая песню о весенней бабочке:

– Кобылек, кобылек...

Но допеть весеннюю песенку девушка не успела. Она внезапно остановилась, разглядев у кромки воды тело человека, голова и плечи которого находились на берегу. Незнакомец лежал вниз лицом. В правой лопатке торчала стрела. Стрелы так же впились в левое плечо, пробив его насквозь, и в левую ногу чуть выше колена.

Девушка тихонько попятилась и, уронив кувшин, начала было отходить от берега, но вдруг услышала слабый стон...

Исатай, теряя сознание, вместо девушки пригрезил сидящего на корточках у кромки воды незнакомого старца в белой до пят рубахе.

– Руку давай, племянник Узун Бека, не пришло еще время твое, – скомандовал ведун.

Подтащив воина к берегу, убедившись, что речная волна не заливает ему лицо, Гостомысл, мельком глянув на не видящую его девушку, отошел на два шага и растворился.

Ботагоз присела на корточки и с опаской тронула плечо раненого воина.

– Эй, ё?

Глава 8

В неполные тридцать девять лет своим мужеством и отвагой Исатай успел добиться уважения соплеменников. В войне против Бухары он командовал большим отрядом. И его тысяча отличилась в боях, правда, не все воины вернулись из-за Сырдарьи, многие навеки остались лежать за рекой. Но нукеры, оставшиеся в живых, готовы были отдать жизнь за своего начальника. Его слово было для них законом.

Командир практически не применял наказание к своим подчиненным, личным примером мужества и отваги вел в бой своих людей. Многие военные начальники, выходцы из богатых родов, завидовали его авторитету. Старались всячески унижить и оскорбить. Но благодаря дяде Узун Беку Исатай в войске занимал высокое положение. И вот теперь, когда дяди не стало, его ждет опала, как, впрочем, и всех полководцев, не имеющих богатых корней. И если он не поймает, не приведет на арканах этих урусов, то его воинской карьере и благополучию настанет конец. Все его недоброжелатели обязательно воспользуются этим случаем. Исатаю останется только найти жену и окунуться в семейные заботы. Да вот только подходящих невест нет. Он сын небогатой женщины, и жениться на богатой и родовитой девушке ему никто не позволит. Хотя по материнской линии он является чингизидом. Исатай – дальний потомок хана Мира.

Но времена изменились, сейчас все решают деньги, а не родословная.

Из раздумий Исатая вывел громкий крик Мурзабека:

– Джунгары! Засада!

Вражеские всадники галопом поднимались из оврага, их было не меньше сорока.

– Уходим! – скомандовал Исатай, поворачивая коня.

Он не испытывал чувство страха, просто боялся за своих людей. И не напрасно, джунгарская разведка не оставляла шансов на выживание.

Мурзабек и Аманжол, стараясь прикрывать по бокам Исатая, пустились вскачь. Остальные воины, понимая, что от свежих джунгарских лошадей не уйти, развернувшись в редкую шеренгу, остались прикрывать отход своего господина.

Сорок тяжеловооруженных всадников буквально смяли воинов Исатая. Но и на земле, кроме павших нукеров, оказались четверо убитых и трое раненых джунгар.

– Беги, Исатай! – показав саблей на другой берег реки, крикнул Мурзабек и, развернув коня, встал у кромки правого берега переправы.

Аманжол достал лук и вложил стрелу. Подъехавшие джунгарские всадники остановились, опустив копыя. Вперед выехал на арабском скакуне богато одетый джунгарин. Рядом гарцевал конь толмача.

– Бросайте оружие!

– Я умру как воин, – крикнул Мурзабек и, держа в обеих руках сабли, подгоняя коня коленями, поскакал на Туменэнбаатора.

Воины, окружившие полукольцом Мурзабека, подняли его на копыя.

– Господин, ты уже на середине реки, – прохрипел, умирая, его верный нукер, потухающим взглядом глядя на водную поверхность.

Исатай плыл рядом с конем, держась с левой стороны за седло. Но их снесло с переправы на глубину, поэтому жеребец развернулся мордой против течения, невольно оголив всю левую сторону, за которой и укрывался Исатай.

Рой стрел, выпущенных с правого берега, буквально накрыл плывущих. Конь захрипел, забил передними ногами и начал уходить под воду, увлекая за собой хозяина. В это время вторая партия стрел накрыла седока. Исатай, два или три раза махнув рукой, пропал в пучине.

Джунгары кольцом окружив Аманжол, ждали приезда своего господина. К полудню послышался топот копыт. Со свитой подъехал Тэмуужин.

– Брось оружие, – перевел приказ господина толмач.

Аманжол бросил лук наземь.

– Спешься!

Последний слуга Исатая слез с коня.

– Ты не ослушался и будешь за это награжден! – объявил Тэмуужин, усаживаясь на положенный подле него тюфяк.

Молодой воин стоял со связанными руками. Он за свои девятнадцать лет ничего не успел сделать. Он не успел жениться, сходить в поход. Зато зверски убил четырех рабов. А вот теперь Аманжол сам оказался в роли жертвы. Что приготовили ему джунгары, про какую награду они говорили?

– Я дам тебе столько серебра, сколько ты сможешь выпить! – рассмеялся Тэмуужин и махнул рукой.

Один из воинов принес от костра железный ковш, в котором дымилось и играло на солнце расплавленное серебро. Двое заломили голову Аманжолу, насильно разжав саблей рот обреченному.

Крик отчаяния захлебнулся в бульканьи и шипении плоти.

– Ты войдешь в цветочный сад богатым и счастливым, – устало вздохнул Тэмуужин, поднимаясь с тюфяка и отряхивая халат от песчинок.

Глава 9

Местный бай Валихан полулежал, облокотившись на подушки и рассуждая вслух:

– Племянник сибирского хана Едигера, Сейдяк, просит отдать ему имеющихся у нас рабов для возврата на Московию. Сибирское ханство просится под опеку русского царя Ивана, так как опасается притеснения со стороны Кучум-хана и продвижения джунгаров на север Сибири. Если раньше джунгары хозяйничали только на юге, то теперь нам и нашему Киши джузу приходится на севере терпеть их присутствие. Эти пришельцы устанавливают свои законы. Мои люди донесли о появившейся неделю назад в нашей степи сотне конных разведчиков джунгар. Они преследовали малый конный отряд от святых могил и, организовав западню у Ат-Базара, вырезали всех. Но главная их задача – собрать сведения о численности наших вооруженных отрядов, установить места их сосредоточения. Я полагаю, что джунгары готовятся к масштабному набегу. Отошлите полоненных москвитян хану Аблаю, он решит, как переправить их Сейдяку. Собирайте воинов, закупайте оружие. Джунгары нападут ранней осенью, когда трава в степи будет еще зеленая и кормить своих лошадей можно будет выпасом. Если продержимся до снега, то они в зиму без кормов не пойдут в поход. И мы выиграем время до новой травы. А там уже и подготовимся к главной битве.

Присутствующие в юрте знатные степняки в знак согласия закивали головами.

– Дочь моего соглядатая за Ат-Базаром Еркена нашла раненого воина. Он очень тяжел. Но за ним ухаживают хорошо, жар почти прошел, и пробитое легкое заживает, – отпив кумыс из пиалы, Валихан продолжил: – Я передал Еркену сурковый жир, смешанный с тибетским корнем. Он хорошо заживляет раны и восстанавливает дыхание. А как батыр начнет выздоравливать, нужно с ним поговорить. Нам ведь нужны опытные воины. Через нового правителя Казанского, князя Шуйского-Горбатого, и его помощника Василия Серебряного будет подписан договор о мире Сибирского ханства с Московией, а нам с ханом Сейдяком ссориться незачем, значит, и с орысами тоже. Смотреть нужно на юг, в сторону Бухары, – вот где опасность.

Степная знать, собравшаяся у Валихана, наевшись поданным бешбармаком, напившись кумыса, разъехалась по своим владениям.

***

Анику лихорадило, опухоль хоть и спала, но синева и гноение раны не проходили, начался жар. Угор колдовал над его раной днем и ночью.

– Плоха дела, плоха. Сыр кончился совсем.

– Арба догоняет, – показывая на юг, предупредил Архип.

– Сейчас моя басурману глаз попадет, как векше²¹, – беря лук в руки, спокойно, как на охоте, прошептал Угор.

– Погодь, Угор, убить мы его всегда успеем, а допросить не помешает. Это не воин, у него нет оружия и доспехов, окромя кнута, – остановил вогула Архип.

Отар, сын Еркена, третьи сутки ехал по следу беглецов. У его бая Валихана не было рабов. Но вспомнив о беглецах, они решили нагнать их и рассказать, что орысов забирает русский царь.

Он и не сообразил, как оказался на земле. Связать его было нечем. Поэтому держали под саблями. Да и Отар не сопротивлялся. Трое учинили допрос, а вогул, подойдя к старой кляче,

---

²¹ Векша – белка.

снял хомут. Положив его на землю, стал внимательно рассматривать его внутреннюю сторону, которая соприкасалась с кожей животного.

– Есть зелень! – радостно воскликнул он.

Ножом Отара вогул принялся соскребать ее себе на ладошку. Хомут был старым, потертым, видимо, перешедшим в наследство от отца сыну и пережившим за свой век не одну клячу. На внутренней стороне вместе со столетним конским потом была найдена и нужная Угору плесень.

– Я ему не верю, – покачав головой, заявил Никита.

– Сестра послал, – продолжал уверять Отар, показывая сережки, подаренные вогулом.

Глава 10

Тэмуужин взглянул на серое небо. Нежданный обложной дождь рушил все его планы. Нужно было перейти Исиль и разведать обстановку вплоть до земель, населенных в основном пятью-семью племенами башкир, ведущими кочевой образ жизни. После падения Казанского ханства эти земли оставались свободными, и люди не платили ясак ни русскому царю, ни сибирскому хану. Расширить влияние на западных рубежах и захватить как можно больше северных земель как раз и входило в планы их повелителя Голдана Бошокту, который решил обложить ясаком земли, богатые мехами и рыбой, вплоть до владений хана Кучума. Ведь чуть промедли, и сюда придут орысы. А вытеснить уже осевших и построивших укрепления людей всегда трудней, чем не допустить их расселения.

Московский же царь заявил послам Сейдяка, что он должен вернуть из полона своих людей до трех тысяч душ, и только после выполнения этого условия боярская дума будет решать вопрос о взятии Сибирского ханства под царскую опеку и об оказании помощи в войне с Кучумом и Бухарой.

Вести в степи распространяются со скоростью ветра. И слухи о возвращении рабов уже дошли до южных каганатов. Вот и побежали невольники с юга в надежде добраться до северных ханств, где их уже начали собирать для возврата. Воины Тэмуужина выследили, догнали и уже убили более десятка беглецов. Ведь чем дольше будет собирать рабов Сейдяк, тем дольше не состоятся переговоры с царем Иваном. Если же Иван возьмет под крыло Сибирское ханство раньше джунгар, то о захвате земель и обложении их данью не сможет быть и речи.

Дождь рушил все планы. Степь превратилась в сплошную непроходимую глиняную массу. Ноги у коней увязали, и лошади не могли идти. Одежда воинов намочила, а кожаные доспехи, впитав в себя воду, становились с каждым часом тяжелей и тяжелей. Старая прошлогодняя трава вперемешку с глиной прилипали к копытам лошадей, отрывая подковы.

Разведчики-хабарчи, посланные в степь, вернулись. Они доложили Тэмуужину о скупке оружия местными баями, что означало подготовку к вооруженному сопротивлению. А русский царь одерживает одну победу за другой. Не успела пасть Казань, а уже Астраханское ханство начало разваливаться, как созревший халат. Хан Дервиш-Али бежал в Азов вместе со всем своим войском, сдав Астрахань без единого выстрела небольшому отряду казаков. Ускоренным темпом провел царь российский и военную, и судебную реформы.

О результатах разведки необходимо было быстро доложить.

– В первый сухой день уходим домой, – объявил Тэмуужин своим подчиненным.

***

– Нет, братья, не пойду я на Русь, туды путь мне заказан. Прямая дорога на цареву дыбу. Я уж лучше звезды над урманом смотреть до конца света стану, чем с вывернутыми руками качаться, – почесав бороду, заявил Никита.

– Я тоже как-то не шибко желаю в приказе изгинуть, – согласился Архип.

– А я, братцы, поеду со степняком. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Плохи мои дела – рука болит и озноб бьет. Не дойду я, токмо обузой вам буду, – глядя под ноги, принял решение Аника.

– Я проведу вас через Сибирское ханство, много вогулов на татарках поженились. Много татар в жены вогульских женщин брали. Я последний из племени шыбыр, мне нужно идти домой. Только один я знаю тайну, которую мне дед доверил. Кондинские князья продали меня в рабство, думая, что сгинет Угорка в рабстве. Я один знаю, где хранится каменная стрела, что

укажет, где сыскать Золотую Бабу, которая приносит людям счастье и свободу, – сказал вогул и затянул заунывную песню.

Пел он довольно долго, раскачиваясь в такт музыке.

– Ты вот што, милай, давай-ка растолкуй нам, про што поешь. Ведь от твоего воя-то волки и те проснулись да на луну завыли, токмо мы ничего не понимаем, – подойдя к сидящему вогулу и положив ему на плечо руку, потребовал Архип.

– Пою я о богатырях Эмдера. Между богатырями Эмдера и Карипоспад-Воша началась битва. Она продолжалась так долго, что пришли в негодность кольчуги, были выпущены все стрелы. Тогда стали они драться еловыми и листовными дубинами. Старший эмдерский муж схватился со старшим из трех кондинских братьев. Упав в реку, они продолжали поединок. И тут кондинский богатырь принял облик ерша, а эмдерский – щуки. Только щука хочет схватить ерша, он становится к ней хвостом и выпускает колючки. А когда снова они вышли на сушу, кондинские богатыри вымолили у божества-покровителя металлическую плоть. Однако младший не успел обрасти этой плотью и был повержен мечом. На месте, где он стоял, осталась только кочка. Тогда оба оставшихся в живых брата вознеслись к небу и, заручившись поддержкой божества-покровителя, обрушили на эмдерских богатырей громовые каменные стрелы. И поразили их. И кто имеет громовые каменные стрелы, того ждет удача. И будет он счастлив всю жизнь, и принесет счастье своему народу, – окончив рассказ, вогул замолчал.

– Так это же ядра пушечные, – догадался Архип.

– Нет. Стрелы это. Куда гром ударит, там через семь лет они и вырастают, – не согласился с ним вогул.

Вечером, усадив совсем уже ослабевшего Анику на арбу Отара, друзья расстались. Он уже еле-еле сидел...

Сын Еркена повернул лошадь в обратную сторону. За время проживания у Ат-Базара он привык и к джунгарам, и к орысам. Ведь купцы, ночевавшие в юртах старого Еркена, стекались сюда со всего мира.

На стойбище Валихана в загоне для овец уже собрали нескольких рабов, привезенных из степных поселений. Они ждали отправки к сибирскому хану, откуда их потом доставят в Казань. Вскоре там появится однорукий звонарь. Будет ли это наш Аника или другой совсем человек, мы никогда не узнаем.

А под проливным степным дождем, меся глину, шли трое беглецов навстречу поджидающим их опасностям.

Глава 11

– От нашего рода шыбыр пошло и название Сибири. Большое племя было, от великой черной реки Эртиса до холодной Сосьвы простирались владения племени. Хорошими воинами, хорошими охотниками были наши пращуры. Но пришли злые люди с юга и выгнали они мой народ в великий урман. Ушли шыбыры в лес, в топь до реки Воды – Об, – на ходу рассказывал Угор своим попутчикам. – Поселились они в лесу дремучем, город Эмдэр на реке Ендыр построили. Не один год жили, рыбу ловили, зверя добывали. Но добрались и сюда воины князей кондинских, побили людей, разрушили город и увели женщин.

– А ты-то как в живых остался? – поинтересовался Архип.

– Меня нельзя убить, я внук великого шамана. Горе будет великое тому, кто посмеет поднять на мужа нашего рода руку. Вот и продали Угора в рабство Бухарскому Хану. Думали, сгину. А я кольца, сережки лил, пряжки мастерил, вот и выжил. А после, как кыргысы на Бухарское царство пошли войной, меня и во второй раз заплонили, да убежал я с вами, – и тут вогул в первый раз за всю дорогу от души рассмеялся.

Рассмеялись и его попутчики беспечно и весело, может быть, впервые за все время пребывания в рабстве.

***

ДВОРЕЦ КУЧУМ-ХАНА.

Двадцать лет назад

– Мы будем пока дружить с русским царем, – развалившись на подушках, попивая ароматный чай, молвил Кучум, – сын хана Муртаза Едигер поднесет царю еще тысячу шкур и другие дары, которые он, минуя наш запрет, получил с остяков и вогулов. Но не уйдет от кары Аллаха Всемогущего и Милостивого Едигер. Его брат Бекбулат уже подумывает поступить к царю Ивану на службу. А сам Едигер хочет лечь под урусов, принять вассальскую участь и платить им ясак, что нельзя назвать дружбой. Придет время, я захвачу власть и стану великим ханом Сибири. Я убью Едигера и Бекбулата лично. Мы готовим поход и выйдем против Едигера, как только подойдут ногайцы и узбеки, – окончил говорить Кучум, посмотрев на своего племянника Маметкула.

Тот почтительно кивнул в знак согласия и уважения.

– Дядя, а может, пока отправить царю Ивану грамоты о дружбе? – заискивающе спросил Маметкул, заранее зная намерения Кучум-хана.

– Я уже подумал об этом. Нужно убедить Ивана, что злых намерений у нас нет, – и Кучум хитро улыбнулся.

– Да, дядя, пока мы не покорим Едигера и не захватим его столицу Искер, с русскими ссориться нам незачем. Я позабочусь, чтоб грамоты и дары были посланы Ивану.

– И собери рабов тумен да тоже пошли в знак примирения. Царь Иван любит, когда возвращают его подданных, и даже платит деньги за бояр и князей, – расхохотался Кучум.

***

Исатай медленно приходил в сознание. Ботагоз не отлучалась от раненого ни на минуту. Всегда свежая вода из притока Исилы находилась в медном тазу под рукой. И девушка тряпицей периодически обтирала тело воина, спасая его от июньской жары и духоты в юрте.

– Где я? – одними губами спросил Исатай.

– Дома у Еркена, а я дочь его. Тебя, раненного тремя стрелами, нашли на берегу. Джунгары ушли после дождей к святым могилам²². Мы очень боялись, что они придут на этот берег и убьют нас всех. Но Всевышний помог нам, и ойраты ушли в глубь степи. Они сейчас у белой могилы на стоянке Ак Мола. Уйдут к себе, так как в августе не будет корма лошадям, потому что трава высохнет от жары. А у нас же через три луны начнется конский базар, и придут купцы с украшениями.

– А чем кормить лошадей, если трава засохнет? – пошутил Исатай.

– Не засохнет, у нас Исиль разлился весной, и только сейчас вода упала, так что травы хватит не на один табун...

– Выйди, дочка, – попросил Еркен, войдя в юрту, усевшись рядом с выздоравливающим. – Воин, а к тебе разговор есть.

---

²² Святые могилы – район, где ныне находится Астана (Акмола, Целиноград).

Глава 12

Проснувшись раньше всех, Угор взобрался на яр и исчез в лесочке. Вскоре, нарубив тальника, он спустился с охапкой веток к месту стоянки и сел мастерить морду²³. Когда его товарищи встали, вогул уже доплетал ее, мурлыкая заунывную песенку.

– Опять поешь про щуку и ерша, лешак? Соснуть не даешь, неугомонный ты наш! – проворчал, просыпаясь, Архип.

– Нет, мать-реку прошу рыбу дать, говорю ей, что коли бы кушать мы не хотели, то не брали бы ее дары, – доплетая снасть, загадочно улыбнулся вогул.

– А ветки когда рубил, тожа у леса позволения просил?

– Да. Я сказал дереву, что нам морда нужна, поэтому и рублю.

– Странные вы люди. А просто ветки рубить нельзя?

– Нет, нельзя! Мать-природа обидится и помогать нам не станет, – уверенно заявил Угор, вставая с песка.

– А волков ты тоже просил с нами до речки идти?

– Да, волчица согласилась. Но они ушли уже назад в степь. Дальше не их угодья. Дальше пойдем одни. Айда рыбу ловить. Хватит спать, – предложил Угор.

Раздевшись донага, он полез в ручей к завесе и, выдернув пару колышков, установил морду горловиной в образовавшуюся брешь.

– А нам что робить? – спросили его Никита с Архипом.

– Ступайте вверх и от поворота идите по ручью ко мне. Топайте, плещите. Гоните рыбу.

Так и сделали. Вогул остался у колышков, а они ушли по берегу ручья за поворот. И, войдя в воду, с шумом и плеском ринулись вниз по течению.

Когда Никита и Архип подбежали к запруде, вогул уже вытаскивал мордушку на берег. В ней, блестя чешуей на солнце, плескалась и билась рыба.

– Доставай огненный камень, Архип, жарить рыбу будем, – обрадованно закричал Никита, спешно собирая хворост для костерка.

– Сухой собирай, – подсказал ему Угор и добавил: – дым меньше будет.

Кузнец снял веревочку с деревянным крестиком на нитке, вместе с которым висел кремль размером с голубиное яйцо. Осмотрев свою саблю, он нашел место у рукоятки с мелкой насечкой и, приложив кусок трута, принялся высекать искры. Вскоре трут дал дымок, и Архип, раздув огонек, подклат сухие листья.

Развели маленький костерок. Большой разжигать остерегались, дабы дымом не привлечь внимание непрошенных гостей. Вскоре все трое, насадив на веточки двух щучек и несколько десятков окуньков, принялись жарить на огне рыбу.

Вдоволь наевшись, Никита с Архипом развалились на берегу. Вогул же вытащил колышки и посадил черенки по берегу ручья.

– Пусть сызнава растут. Спасибо тебе, мать-природа! Спасибо вам, река и лес, за пищу поданную! – обратился он к облакам, плывущим в небе, и омыл руки в воде.

Архип присыпал мокрым песком костерок.

– Пойду в лес, на изрекающий гриб гляну. Он скажет, какой дорогой идти спокойнее будет, – сказал Угор и, взяв лук с колчаном, поднялся по склону на крутой берег, вдоль которого раскинулся березово-осиновый лесочек.

---

²³ Морда – мордушка (ловушка для рыбы).

– Совсем зашаманился наш леший, кабы разумом не пустился со своими грибами. Гляди-ка, Никита, он уже говорить по-людски стал. А то все «я пошла», «она пошел», – улыбнувшись вослед другу, усмехнулся кузнец.

– Ну, с кем поведешься, от того и наберешься. Пока доберемся до его урманна, так лучше нас гутарить будет, – согласился каменотес.

***

– Кенжеболат, я вижу дым! Это, наверно, пастухи, – показав нагайкой на далекий берег реки, синееющей на горизонте, доложил дозорный Зайнулла.

– Бери двух нукеров и убей всех. Никто не должен видеть нас и знать, куда мы идем. Но сначала допроси, дабы не упустить свидетеля, – приказал Кенжеболат своему подчиненному.

Отряд ногайцев численностью в триста человек тайно двигался на встречу с другими отрядами, которые шли на север к хану Кучуму для оказания помощи в войне с ханом Сейдяком. А случайные свидетели его передвижения по югу Сибирского ханства могли осложнить ситуацию.

– Скорее всего, это действительно пастухи. Если на пути стоял бы аул или находилось стойбище, дымов было бы больше, – решил Кенжеболат и послал на разведку всего трех воинов.

Всадники, перейдя с места в галоп, повернули влево к реке. Остальной отряд размеренной рысью двинулся далее.

– Вставай, урус, собака! – ткнув тупым концом копья спящего Никиту и не слезая с коня, приказал Зайнулла. – Где твой хозяин? Где его стойбище?

– Зайнулла, погляди! Тут сабли! – показал ему, приподняв одежду копьем, спрятанное оружие второй нукер.

Третий всадник, прыгнув с коня, взяв сабли в руки, стал производить незамысловатые движения, развивая скорость и усложняя упражнения. Остальные, рассмеявшись, сидя верхом, начали хлопать в ладоши, причмокивая и щелкая языками.

А спешившийся всадник, радуясь находке самаркандских сабель, крутя ими в воздухе, сверкая клинками, пошел на Архипа с Никитой.

– Ас! Ис! Ас! Ос! – издавая звуки, приближаясь к обреченным в танце, похожем на брачный танец журавлей, он готов был с ходу срубить головы неверным.

«Фить!» – прозвучало в воздухе, и один весельчак, забывший про осторожность, выпучив глаза, захрипел, завалившись на лучку седла. Архип, смекнув, что это стрела вогула попала в цель, с силой толкнул коня Зайнуллы, и конь, фыркнув от неожиданности, завалился вместе с седоком на землю.

– Аааа! – в бешенстве заорал танцор и кинулся на Никиту, размахивая саблями.

Последний пируэт журавлиного танца, чем-то напоминающего современную лезгинку, закончился падением на спину со стрелой в груди.

Зайнулла попытался выбраться из-под коня, но мощный удар копья намертво пригвоздил его к прибрежному песку.

– Уходить надо, – собирая вещи и обшаривая убитых, сказал Никита.

Глава 13

Архип остановил вогула, когда тот попытался вытащить стрелы из тел убитых ногайцев.
– Оставь, Угореша, пусть ногайцы думают, что их людей убили богатые воины. Коней тоже не трогай! Оружия никакого, кроме ножей, не брать, пушай полагают, что это джунгары их побили. Лук-то со стрелами ойратские. Да следы своих ног заметите, демоны! Мордушку в реку! Чего встали? Мертвяков не видали!? По колено в воде идти! Чтоб и следа не оставить!
И беглецы бросились вниз по течению.

Кенжеболат, не дождавшись лазутчиков, послал в сторону реки десяток воинов с напутствием в бой не вступать, а разведать, куда пропал Зайнулла с двумя нукерами. Через час воины нагнали отряд, приведя в поводу трех лошадей с перекинутыми через седла телами убитых.

Кенжеболат, подъехав к телу Зайнуллы, с силой выдернул стрелу.

– Джунгарская, – осмотрев ее, объявил он.

– Две луны назад, благородный, сотня джунгар прошла к белым могилам, они не ушли далеко, – склонив голову, напомнил ему его правая рука Кылышгерей.

– Смерть! Смерть монголам, нарушившим обет пропустить нас через степь и убившим наших братьев! – подняв копья, вскричали воины.

Кенжеболат дождался тишины:

– Нас не простит великий предок Эмир Эдиге, если не отомстим за кровь наших сородичей! Похороним с честью павших воинов и через час выступаем! А хан Кучум подождет! Мы настигнем ойратов и вырежем всех до одного! Их сотня, нас три сотни! Я все сказал!

И гром восторженных криков заглушил последние слова его.

***

Исатай вопросительно посмотрел на Еркена.

– Ты воин. Твоих нукеров убили джунгары. Наш бай Валихан интересуется, не вождеешь ли ты выступить в восстании против них? Оно будет весной, когда вновь монголоиды вернутся на наши земли.

– Я согласен, отец. Нет мне дороги домой, пока не пролью кровь хоть одного ойрата, – прошептал Исатай.

– Валихан желает тебе выздоровления и передает тебе сурковый жир, настоящий с тибетским алтын-корнем. Это поможет пробитому легкому, которое у тебя медленно заживает.

– А что за девушка ухаживает за мной?

– Моя дочь Ботагоз!

– Я женюсь на ней, – просто и чистосердечно молвил Исатай, как будто вся степь уже была согласна с его решением.

– Мы бедные люди, не спеши принимать решение.

– Я тоже небогат.

– Давай поговорим об этом, когда ты вернешься с победой. А пока обещаю, что не выдам ее замуж до твоего приезда. Сам потом примешь решение, – закончил разговор Еркен, вставая.

– Жаксы, отец, – прошептал Исатай и стал погружаться в сон.

Он был еще слишком слаб, чтоб разговаривать так долго.

***

Когда пыль в степи, поднятая удаляющимся отрядом Кенжеболата, осела наземь, вогул поднялся с травы и, хитро прищурившись, сказал:

– Ты, однако, Архипка, великий шаман! Большая хитрая лиса и умный муж, как росомаха. Ты победил Астраханских татар, потеряв всего две стрелы.

– Злоба затмила их разум. Я ведь коваль и знаю, сколь стоит кованный с нанесенным орнаментом наконечник. Ни один воин даже в мыслях себе не допустит, что в нищей степи найдется скоморох, который, выпустив такую дорогую стрелу, не заберет ее назад. Да и стрелы таких в степи не сыскать днем с огнем.

– Пойдем, братья, далее, а то совсем мы тут засиделись, – предложил Никита.

– Нет, мне нужно пообщаться с духами предков и увидеть будущее, чтобы определить наш путь, – отрицательно кивая головой, возразил вогул, доставая из мешочка порошок сушеного изрекающего гриба, который приготовил еще днем.

– А мне можно узнать наперед, что со мною станется? – поинтересовался Никита.

– Тебе не нужно это знать. Ежели со мной не пойдешь, то дыба царева будет, а пойдешь – я сам смотреть дорогу буду, – ответил вогул, беря двумя пальцами малюсенький, с булавочную головку, камушек изрекающего гриба.

– Дай попробовать, бес ты шаманский. Жуть как на дыбу свою одним глазком глянуть хочется.

– Хошь, пробуй. Вогулу не жалко. Вогул добрый. Тока шибко много не бери, а то не на ту дыбу попадешь ненароком, – пожав плечами, согласился вогул и проглотил свой комочек.

Глаза его закатились, и он, сидя на траве, закачался в такт какой-то заунывной песне, которую загудел в трансе.

– Архипушка, уж дюже хочется. Можно и я взгляну на дыбу царскую? – взмолился Никитка.

– Да пес с тобой. Грызи свои грибы. А я покараулю вас, покудова подметки у волчих сапог правлю. Уж раз тебя совсем Господь ума-разума лишил, то поступай как знаешь, – неожиданно согласился Архип, разглядывая грязный палец правой ноги, торчавший из протертой волчьей шкуры.

Никита схватил мешочек, лежавший подле вогула, и зачерпнул из него целую осьмушку.

– Э! Э! Э! Ты так много не ешь! – закричал Архип, но каменотес уже проглотил порошок, облизав ладонь.

Глотнул, икнул и, закатив глаза, плюхнулся на спину, раскинув ноги и руки в разные стороны.

Солнце катилось к закату. Ветерок игрался с листвою. Архип ивовой корой мастерил и чинил обувь. Вогул качался из стороны в сторону. А Никитушка стонал, охал, корчился и дергался, как будто и впрямь висел на царской дыбе.

Угор вышел из транса первым. Сходив к речке, умылся, подошел к Архипу.

– Вон, глядь на него. Твоего гриба испробовал, дурень, – кивнул Архип на Никиту, продолжая как ни в чем не бывало точить обувь.

– Тошно там ему. Ой, тошно! Куды ж ты попал-то, Никитушко? Неужто хуже есть на земле место, чем изба приказная? – присев на корточки и разглядывая мучительные судороги каменотеса, запричитал Угор, качая нечесаной головой.

Никита вскоре начал приходить в себя.

– Подпишусь! Подпишусь! Ей-Богу! Как на духу! – кричал он в бреду, извиваясь на земле. – Во всем каюсь! Токмо снимите меня с дыбы, опричники дражайшие...

Каменотес очнулся. Сел. Вытер холодный пот со лба. Осмотрелся по сторонам.

– Ух, робыты, ну и ну. Такого и ворогу не восхочешь. Оказался я в стороне неслыханной, в подвале каменном. Лампады горят, а дым от них не идет. Музыка играет, а дударей не видать. И кабы-то сия музыка со стены из коробочки доносится. А пытал меня боярин-

опричник. Холеный такой, важный. Шаровары синие с лампасами. Кафтан зеленый. В ремнях скрипучих весь да в сапожищах заморских. Усов, бороды нетути, скобленный, стало быть. Ну прям как ливонский пан. Подвесил меня на дыбу и рвет за бороду: «Признавайся, мышь старообрядная, как супротив народной власти игитировал!».

– Говорил я тебе, дурень, не ешь гриба много! – расхохотался Архип, надевая починенную обувь. – Придумал тоже! Боярин и без бороды!

Через час начало темнеть, и беглецы двинулись в путь...

Глава 14

Дозор доложил о стоянке джунгар, разбиших бивак в ложбине между двух небольших сопок вблизи белых могил. Это место степняки называли Ак Мола. Оно всегда притягивало путников тем, что тут можно хорошо передохнуть и попить чистой воды из реки и колодца.

– Кенжеболат, наши люди и кони устали. То, что воины рвутся в бой, – это лишь душевный порыв. Монголы все-таки опытнее наших воинов. И не стоит с ходу ввязываться в драку, – обратился к нему Кымышгерей.

– Я сам знаю, что мне делать, – рявкнул Кенжеболат и, повернувшись к отряду, крикнул: – Накажем джунгар за дерзость и кровь наших сородичей!

Рев трехсот глоток заглушил его слова, и лавина всадников, обнажив сабли, ринулась в ложбину.

Тяжелые стрелы монголоидов тучей накрыли скачущих ногайцев. В итоге человек тридцать людей и десяток коней в предсмертных судорогах забились на земле.

Их ждали. Разведка у джунгар была образцовой. Следующий боковой залп со стороны сопки выбил еще большее количество всадников.

Проскочив засаду лучников, уж менее трехсот нагайцев оказались в полукольце джунгар. В отличие от астраханцев, ойратские воины были экипированы лучше. Веками, собирая дань, они предпочитали брать ясак оружием или снаряжением.

Битва длилась минут сорок. После того, как степная пыль осела, взору предстала страшная картина. На поле боя лежали порубленные, проколотые тела. Многие из них бились в предсмертных судорогах, иные громко стонали. А между ними ходили победившие джунгарские воины, снимая доспехи, добывая копьями умирающих и раненых людей. Порой еще живой повергнутый воин чувствовал, как обшаривал его победитель, а после ударом ножа хладнокровно избавлял его от мук.

Кенжеболат на коленях со связанными сзади руками предстал перед Тэмуужином.

– Зачем ты напал на нас?

– Вы убили моих людей.

– Мы не убивали людей из Астраханского ханства. Между нашими повелителями заключен мир. Вы должны пройти через Калмыкское ханство и Киргизское поле. Вы же идете на помощь Хану Кучуму, а он тоже пока наш друг. Почему вместо того, чтоб идти на север, вы повернули на восток и напали на нас?

– Это была ошибка, господин. Разум затмила злоба, – пролепетал Кенжеболат.

– В битве я потерял девятнадцать воинов. Это очень большая потеря для сотни.

– Это было ошибка. Разум затмила злоба, – осознав свою вину и почтительно поклонившись, вновь повторил Кенжеболат.

– Хорошо. Я верю тебе, – кивнул головой Тэмуужин и, обращаясь к своим подчиненным, приказал: – Развяжите его. Подайте нам самой жирной баранины! – хлопнув в ладоши, улыбнулся джунгарин и ласково продолжил: – Кушай, айналайн²⁴. Ты мой гость! Пока не отведаешь моих угощений, я не могу отпустить тебя.

На большом блюде принесли свежееотваренное мясо.

– Кушай, кушай, а то обидишь хозяина, – показав на блюдо, попросил Тэмуужин.

---

²⁴ Айналайн – дорогой.

Кенжеболат ел, ел, а ему подавали еще и еще. Когда же он не смог больше проглотить и маленького кусочка, Тэмуужин ему лично преподнес большую пиалу родниковой холодной воды.

– Пей до дна и уезжай. Я тебя отпускаю.

Ногаец залпом выпил полтора литра студеной воды. Ему налили еще.

– Пей.

После пяти поднесенных чашей, поклонившись, он отошел к своему коню. Доржхуу вопросительно посмотрел на своего командира.

– Я бы убил его.

– Я тоже. Но лишать жизни данного человека не имею права. Иначе нарушу закон и договор. Он умрет сам, не проехав и полверсты. Скоро мясо застынет у него в брюхе. Это будет мучительная смерть, – усмехнулся Тэмуужин, откидываясь на подушки.

Действительно, сев на коня и проехав полверсты, Кенжеболат почувствовал сильную резь в желудке. Холодная вода сделала свое дело, заморозив баранину и остановив желудок. Застонав, он выпал из седла и, извиваясь на земле, забился от болевых судорог.

Полуживой Кенжеболат почувствовал, как с него снимают доспехи два подъехавших джунгарских воина, потом они столкнули его в овраг. Но он уже не испытывал боли.

Глава 15

Река теперь текла строго на северо-восток и достигала порой ширины до сорока-пятидесяти косых саженей. Все выше и выше становился правый берег. А пойма, наоборот, раскидывалась на несколько верст, порой до горизонта.

Если левый берег был покрыт в основном тальником, то по правому расстилались березовые леса. Путники пару раз чуть-чуть не нарвались на татарские разьезды. Но вовремя вогул останавливал группу, и они пережидали опасность, лежа в траве или кустах. Днем в основном спали. Шли ночью.

В один из переходов на берегу реки Угор заметил следы волочения лодки. Осмотрев прибрежные кусты, он там ее и обнаружил. Лодка вполне могла выдержать двоих человек.

– Подмогнуть?

Все от неожиданности вздрогнули. До чего тихо и бесшумно подошел хозяин челночка. Одет человек был в белую до пят рубаху. Такая же белая борода с усами украшала его лицо.

– Куды путь-дорогу держим?

– На север.

– Вижу, что не на юг.

– В городище Искер, там полоненных собирают для возврата домой.

– Степь изменилась нынче. Два хана зачали войну между собой. Конные разьезды рыщут везде. Непокойное время настало.

– А ты, отец, как тут оказался? С виду-то русич, а говор старый.

– Ушли мы из Руси. Давно ушли. Как веру греческую вводить стали, так и ушли. Перевалили камень²⁵ и подались куды очи глядят.

– Татары-то вас не трогают?

– А что нас трогать. Татары своих чад к нам носят. То грыжу заговорить, то еще чего. Хворь снимаем, а они нам еду за это приносят. Но изменились времена. Кучум-хан силу набирает. Жестокие времена настают. Набеги на Русь чинит. Хочет один Сибирским ханством управлять. Недавно два отряда прошло на помощь Кучуму. А по прошлому месяцу узбеки шли, около пятисот душ. Война завязывается между ханом Сейдяком и Кучум-ханом. Так что возвращать вас на Русь скоро некому станет.

– Так что ж, нам век скитаться?

– Найдете вы свое царство в лесу дремучем, где зверя немеряно и рыбы полным-полно, ягод да грибов через край. Это тебя Никитой кличут? – спросил старец, глянув на каменотеса.

– Так и нарекли, – удивился Никита.

– Вот что, Никитушка, дар в тебе есть. Видения видеть разные. Место твое здесь. Далее тебе дыба царская, а тут жизнь тихая. Смена нам, старикам, нужна, ветхие мы стали. А обучать некого. Оставайся, тут твоя судьба.

– Так как же я от веры-то истинной откажусь? Хрещенный я ведь.

– Царю изменил? С войны ушел? Крест боярину целовал? Ты уже ей изменил. А вера наша испокон веков идет. Деда и прадеды верили в Перуна.

– Погодь, погодь! – было вступился за товарища кузнец.

Но ведун его перебил:

– А ты, Архип, сотника сын, ступай себе с миром. Тебе другое на роду писано.

– Отец, откель и мое имя ведаешь?

---

²⁵ Камень – Уральские горы.

– Я все знаю, Архип. И как ты в рабство попал, и как Узун Бека порешили сотоварищи. Иди, дойдете вы вдвоем до урманана. И предназначение в мире этом ты исполнишь.

Старцы дали Угору и Архипу теплую одежду. Уже начинался сентябрь, и ночевать в лесу становилось холоднее и холоднее. Наскоро обнявшись, путники расстались с Никитой.

– Сквозь сибирское ханство пройдем – и дома, – говорил на ходу вогул, мерно шагая на север.

Утром вышли к устью Ишима.

– Эртыс, однако, – проговорил вогул, остановившись.

Перед ними расстилалась картина слияния двух рек. Исиль впадал в Эртыс, и далее уже широкая река уходила за горизонт.

Глава 16

Исатай медленно выздоравливал. Слишком большая была кровопотеря. Он уже мог выходить и сидеть подле юрты. Иногда прибежала Ботагоз. Занятая делами по стойбищу, она нет-нет да и уделяла время для Исатая. То гостинец принесет, то просто придет и посидит рядышком. Исатай любовался девушкой, ее гибкостью и жизнерадостностью. Много ли нужно воину, чтоб хоть чуть-чуть почувствовать себя счастливым?

Наступил сентябрь-месяц. Трава выгорела, и теперь степь стояла рыжая. Дождей тоже давно не было. Спасала только прохлада внутри юрты, войлок которой не пропускал жару вовнутрь и согревал ночью. Джунгары ушли на юго-восток. В такое время года трудно прокормить лошадей, и они двинулись к горам, где есть зеленая и сочная трава. Несколько раз приезжал Валихан и справлялся о здоровье Исатая. Привозил ему сурковый жир, перемешанный с тибетским корнем.

Конский базар закончился, и купцы разъехались по своим улусам. А в память о нем остались только вытопанное поле, привязи и, естественно, юрты Еркена. Впереди была зима. Чем порадует она воинов? Что принесет следующая весна, когда в степи опять объявятся джунгары?

***

Вогул присмотрел пару деревьев. Они свисали над берегом и еле держались на корневищах. День ушел на разделывание бревен и сборку плота.

– Дальше рекой пойдем, левым берегом. Тут топко, и верховые татары нас не достанут, – заявил Угор.

– Ночью, конечно, сподручней сплавиться. А днем спать, как и раньше, – согласился с ним Архип.

Кузнец проснулся еще до заката. Вогула рядом не было. Не было и лука. «Значит, промышлять подался», – решил Архип.

И действительно, через несколько минут зашуршали под ногами листья, и Угор показался из-за кустов. Он нес на плече заячью тушку.

– Плохой охота. Совсем зверя нет, – бросив около ног Архипа тушку, присел вогул. – Если так пойдет, то от голода пухнуть начнем.

– Не плохой, а плохая, – поправил друга кузнец.

– Вот и я говорю: плохая, худая ныне зверя.

Вогул принес корешки камыша, которые положил рядом с зайцем.

– Разводи огонь, Архипушка, будем мясо жарить. Хлеб кушать.

– Какой хлеб? Я окромя лепешек бусурманских уже годков двадцать хлебушка не видал, – вздохнул, раздувая костерок, кузнец.

– Сейчас пожарю.

И Угор принялся жарить корешки камыша.

– Гляди ты, вкусно! – изумился Архип. – А мы в отрочестве только кидались рогозником да шишки раздували по ветру. Оказывается, его и кушать можно.

– Ешь, Архип, зубы не будут выпадать. Как бобер будешь! – рассмеялся Угор.

Глава 17

Вечером, оттолкнув плот от берега, они двинулись дальше. Левый берег почти весь был покрыт ивняком, и, отойдя метров на десять, беглецы пустили самодельное плавсредство по течению.

Вогул изредка направлял движение плота вырубленной длинной ветвью. Архип сидел на корточках и смотрел вперед. Река становилась шире и шире. Порой мимо проплывали острова, которые возникали из темноты как огромные айсберги, а потом вновь исчезали в ночи. Да и правый берег становился все выше и выше.

Архип заметил, что чем дальше они двигаются на север, тем раньше наступает утро и позже темнеет.

– Светлые ночи уже прошли, но еще рассвет наступает рано. Когда же выпадет снег, наступят темные ночи, солнце станет вставать позже, а садиться раньше, – разъяснял Угор своему другу.

С продвижением на Север все чаще и чаще стали попадаться стойбища и поселения. Костры пастухов были видны издалека, поэтому путники замолкали, ложась на бревна, и тихо проплывали мимо левым берегом реки. Для надежности Угор клал на плот ветку, которой управлял, и издалека плот становился похожим на оторванное от берега дерево, плывущее по течению.

– Это татарская вотчина. Нужно идти тихо. Скоро городище Искер будет, а там уже и урман близко, – пояснял вогул.

И впрямь, по левую сторону реки к утру показалась широкая река Тобол. На высоком берегу виднелись стены городища.

– Лежи тихо, нас выносит на середину. Слева сильное течение впадает, – прошептал Угор, ложась и прикрываясь веткой.

Так их и несло серединой реки. Плотик крутился на стремнине, поворачиваясь к городищу то одним боком, то другим.

Со стен окликнули. Но было не понять, кто кому кричит. То ли перекликается стража, то ли пастухи на берегу общаются друг с другом. А может, кричали и им. Они проплывали мимо стен, и река уносила беглецов дальше на Север.

– Утром плот надо бросать. Будет погоня, – решил за двоих Угор.

– Ну, бросать так бросать, нам не привыкать, нам бы токмо поясок подтянуть, – согласился Архип.

И действительно, отпустив плот дальше и разместившись на дневку, вскоре беглые рабы заметили большую лодку, которая спускалась по течению. В ней находилось около восьми гребцов и человек пять воинов.

– Они думают, что мы китайские купцы, провозим железо. Железо и оружие запрещено возить остякам и вогулам. Это после восстания, которое было пятнадцать лет назад. Тогда татары победили и запретили нам иметь оружие даже для охоты. Запретили и купцам привозить его нам, – прошептал Угор, наблюдая за лодкой из кустов.

– А почто они возьят, ежели запрещено?

– А пушнину где китайца возьмет? Токмо на стойбище охотников. Там даром. В Искере дорого. Купец хитрый. Если не заберут татары, то он наменяет много. Вот и плывут воины отобрать оружие, а мы тоже хитрый, пойдем берегом ночью.

– Не хитрый, а хитрые, – поправил друга Архип.

Дозорная лодка возвращалась уже под вечер. Воины всматривались в левый берег в надежде найти тех, кто, бросив плот, сошли на сушу. Они все еще надеялись разжиться на купцах. Но беглецы в этот день огонь не разжигали.

Глава 18

Исатай первый раз после болезни поднялся в седло. Необходимо было встретиться с баем Аблаем, который проживал на севере степи у синих гор. Исатаю предложили командовать тысячей конных воинов, так как уже все знали, что он в этой должности ходил в Бухарский поход. Нужно было приступить к обучению своего отряда. Весной предстояла решающая битва за судьбу этой земли, которую топтали много веков чужие кони. И Исатай дал согласие выступить в поход. Теперь он уже не принадлежит самому себе. Люди выходили его полумертвого, приютили, сохранили его доспехи и оружие. А самое главное – он обожал Ботагоз. И эта степная роза все чаще и чаще одаривала его вниманием.

– Я привезу тебе платок, какой не носит жена хана, – погладив по руке девушку, которая, держась за подпругу коня, стояла, провожая воина, пообещал Исатай.

Кони его и Отара двинулись крупной рысью на север.

У Исатая сохранились золотые монеты и кое-что из драгоценностей, украшающих пояс и его доспехи. А далее Аблай возьмет его и Отара на службу.

Бай Аблай принял его радушно, пригласив отужинать с ним в его жилище. Поданный гостю бешбармак с обилием мяса говорил, что встречают Исатая как дорогого гостя. Богатство бая Аблая позволяло держаться на равных с чингизидами, Исатаем и Валиханом. Законы степей, выработанные столетиями, постепенно оставались в прошлом. Нынешние времена любили богатых и состоятельных баев, перебежавших из стана в стан при первой же опасности.

Отар отделился ужином в гостевой юрте. Он привык к своему жизненному статусу и скромно покушал с другими воинами, прибывающими из степи в стан Аблая.

– Я бился с джунгарами в урочище Каркыра-Санташ, что переводится «Камни Тамерлана». Их было триста, нас полтысячи. Ойраты прекрасно вооружены и защищены железными доспехами. Джунгары – опытные воины и с детства дружат с оружием, не расставаясь с ним даже ночью, – поклонившись, произнес Исатай, глядя в глаза Аблаю.

– Наши джигиты не хуже и не трусливей монголов. Они будут сражаться не хуже их.

– Чтобы сражаться, почтенный Аблай, нужна не только храбрость, но и умение.

– Поэтому ты здесь, – кивнул, отпив кумыса, Аблай.

– Я готов.

– Через три дня соберутся остальные воины. Их приведут баи и вверят тебе. Ты назначишь сотниками сыновей уважаемых людей. Десятников можешь назначать сам.

– А если сотник не способен командовать? Или Аллах не дал ему ума для этого?

– Это закон степи. Сын бая не может подчиняться безродному воину, а безродный воин не может командовать сыном почтенного человека. А теперь иди и отдохни после долгой дороги...

Глава 19

Нет, это был медведь не такой, какого водят по ярмарке на цепи. Это был огромный зверюга, который встал на пути беглецов. Роня из пасти на траву капли слюны, хозяин тайги остановился, перекрыв дорогу. Понюхав воздух, он уставился на Угора и Архипа.

– Медведь – это покровитель нашего рода, и его нельзя убивать без нужды, – шепнул вогул и, подняв руки вверх, разведя их чуть в стороны, смело пошел на зверя.

Косолапый отошел в сторону и рыкнул.

– Поднимай руки и иди мимо, – крикнул вогул Архипу.

Кузнец поднял руки вверх и пошел за Угором. Зверь, пропустив путников и еще раз обнюхав воздух, пошел своей дорогой.

– Ты зачем руки поднимал, Игореша? – вытерев со лба холодный пот, поинтересовался Архип.

– Хозяин не нападет на того, кто выше его, я поднял руки и стал выше.

Архип расхохотался:

– Ты бы еще подпрыгнул.

– Медведь не голодный нынче. Ягода есть, грибы есть, рыба в реке есть. Он идет своей дорогой, мы идем своей, – говорил на ходу вогул, уходя от места встречи со зверем. – Наши предки были медведями, мне дедушка рассказывал, и бояться их не нужно. Он не зря здесь: рядом стойбище остяков, а они рыбу ему в дары приносят, чтоб скот не трогал. Видел же, что морда в чешуе была.

– Какая морда!? Тут маманю родную забудешь, не то что морду у мишки разглядывать, – догнав вогула, все еще с опаской оглядываясь назад, усмехнулся Архип.

Действительно, к полудню выйдя из осинника, они наткнулись на стойбище из пяти юрт. То были остяки – рыболовы. На столбиках загона для скота висела нехитрая рыболовная снасть, в основном это были плетенные из тальника мордушки. Тут же сушилась и рыба. Лайки, выскочившие навстречу, пару раз тьякнув, убежали по своим делам.

– У нас собаки на человека не бросаются, мы убиваем тех, кто человека не любит. В тайге только на зверя, белку, птицу можно лаять.

– Там, в рабстве, бусурманские собаки дурные, за пятки кусают, – вспомнив неволю, вздохнул Архип, – и поди пни какую, так плетей огребешь, хуже, чем у собак, наша жизнь была.

Навстречу им из ближайшей юрты вышел человек непонятных лет. Опираясь на посох с костяным наконечником, он вопросительно посмотрел на пришельцев.

– Мы идем мимо, на реку Эндра, в городище Эдем, – пояснил вогул хозяину.

– Вы одеты, как татары, – произнес остяк, рассматривая их шаровары.

– Мы идем с юга степи, были в полоне татарском, теперь уже почти дома. Хан Сейдяк объявил, что хочет отдать рабов русскому царю.

– Хану Сейдяку ныне не до вас, на него пошел войной Кучум-хан. И кто победит, не известно. Заходите в юрту и отдохните. Одного-то признаю как русича, а вот ты с какого племени и роду?

– Я из племени шыбыр, я правнук сотника Пама, который, потерпев поражение от Стефана Пермского, ушел за камень и поселился в районе Атлымских юрт. Еще я праправнук Шамана Пынжи, – усаживаясь в юрте на сосновый чурбак перед растопленным чувалом, объяснил Угор.

– Я верю тебе, – кивнул хозяин юрты. – В отрочестве слышал я об этой битве. Знаю и Атлымские юрты, куда ушли ваши сородичи, оно в десяти днях пути по реке и двадцати по

суше. Но чем могу помочь вам я? Разве что накормить и дать обувь? – показывая на рваные чулки кузнеца, спросил остяк.

– Я дам тебе золото для твоей жены. И один нож для сына, если он у тебя есть.

– Что ты хочешь взамен? – разглядывая гладь острия ножа, поинтересовался хозяин стойбища.

– Нам нужен обласок²⁶, тот, который сушится на берегу, и еще два весла. И, конечно, сапоги и одежда. Скоро заморозки, а путь долог.

– Я не могу отдать тебе обласок. На днях ведь пойдет Муксун, а после и Нельма, и если я останусь без челнока, то останусь без рыбы и не смогу заплатить ясак.

– У тебя два обласка. А на это ты можешь купить еще и бударку, – протягивая еще одну брошь, продолжил торговаться Угор.

– Хорошо. Я дам вам обласок, но обувь у меня одна.

– Ладно, посмотри вот это, – протянул вогул еще один нож и золотые украшения.

– Я дам вам сушеной рыбы, мяса и две старых малицы, – обрадовался удачному мену остяк.

– Шубы – это хорошо, – рассматривая и трясая малицы, обрадовался Архип.

В ночь, по яркому лунному мареву на воде, работая двумя веслами, беглецы заскользили по водной глади. Архип быстро привык к неустойчивому верткому суденышку. И уже после первого поворота ловко загребал со своей стороны веслом. Долбленка ходко пошла по течению, все дальше и дальше унося беглецов от Сибирского города Искера, последнего заслона хана Кучума. Теперь, кроме китайских купцов, промышляющих пушниной, и остяков-рыболовов вряд ли кто им встретится. Да и со стороны, одетые в малицы, друзья выглядели местными жителями и не привлекали особого внимания.

---

²⁶ Обласок – небольшая лодочка.

Глава 20

Исатай неустанно тренировал воинов. Каждый день с утра, пока утренняя прохлада не спала, он заставлял их разбиться по парам в конном или пешем строю и рубиться саблями с надетыми на них полосками из конской кожи. Опасное занятие давалось сразу не всем. Но опытный воин был упрям. Ведь в настоящей сече никто не спросит, умеешь ты биться на саблях или нет. Он шаг за шагом учил рубить сверху, сбоку, колоть прямо, разворачивать коня с помощью ног, если руки будут заняты, и за полтора месяца обучения его занятия дали свои результаты.

Командиров сотен ему помог подобрать Аблай. Десятников Исатай подбирал сам, учитывая силу, ловкость, а не происхождение. Отар был рядом. Передавал его поручения на тактических занятиях по охвату, свертыванию тысячи в боевой и походный порядок, обходе условного противника. Две сотни отобранных лучников тренировал сам Валихан. Учебная стрельба с места постепенно заменила стрельбу на скаку.

Единственной проблемой была экипировка небогатых воинов. Баи не сильно-то и желали раскошелиться на дорогое снаряжение. Местные богачи считали, что им достаточно поставить людей для отряда, а покупать им доспехи необязательно.

К середине осени прибыла еще и сотня батыров – профессиональных воинов. Она тоже формально вошла в тысячу Исатая. А к весне ожидали подход других тысяч из среднего и старшего джузов, которые должны были встретиться с Исатаем у Ат-Базара перед выступлением навстречу джунгарам. На зиму Аблай отпустил обученных воинов домой...

Первая заметила приближение к стойбищу двух всадников Ботагоз.

***

СИБИРЬ

– Дядя, разведка донесла, что южнее Сибирского ханства зреет восстание и неповиновение. Этим может воспользоваться Сейдяк, приобретя себе союзников. А три сотни ногайцев, пройдя Калмыкское ханство, бесследно исчезли в степях, – почтено поклонившись Кучуму, доложил Маметкул.

– Знаю, Маметкул. Этот Аблай – настоящий баран, он никак не может определиться, кому ему служить. После падения Казани многие, как трусливые шакалы, стали вилять своими погаными хвостами перед царем Иваном. После того, как я лично зарезал Едигера, мы ходили походом на Пермский край, поднимали восстание чувашей, которые были недовольны порядками, учиненными царскими слугами. Сейдяк же постоянно нападал на наши окраины, мстя за отца и дядю. Я думаю, что мы можем пришедших к нам ногайцев послать потрепать Сейдяка и склонить на свою сторону Аблая, – рассуждая вслух, проговорил хан Кучум, принимая у слуги пиалу с чаем. – Найди свидетеля, Маметкул, и пусти слух, что их сородичей перебили люди Аблая и Сейдяка. Пусть мстят, – улыбнувшись гениальности своего коварного плана, поставив недопитую пиалу на достархан и откинувшись на подушки, закончил разговор Кучум.

Племянник, поклонившись, вышел из юрты.

Глава 21

– Был ты, Никитушко, в стороне дальней. Ой, и далеко, соколик, слетал. Хорошо, что нить жизни не оборвалась, да не остался тама-ка на веки вечные. Унесло тебя в дали дальние, времена студеные. Но многое и нам, старцам, ясно стало чрез тебя, сиротинушку. И про веру славянскую, и про веру греческую, и про русское царство от моря до моря, и про дальние странствия вплоть до звезд дальних. Да про мытарство народа русского, победы да поражения сынов земли нашей, – помешивая варево в котле, говорил вышедшему из гипнотического сна Никите старец Гостомysl.

Каменотес осмотрел своды шалаша, в котором находились четыре волхва. Он немного потряс головой и, почесав бороду, справился:

– Иж много ли я спал, люди непорочные?

– Да, почитай, три дня и три ночи, отрок, кричал во сне, бился с силами темными. Все порывался со товарищами уйтить. Токмо ушли они уже далече. Нагнать их трудно теперь. Да и не по пути с ними тебе покамест. Тобе Велесом силы дадены в будущее зреть. И наше окончание подхватить, когда не сдюжим мы нести на земле слово прежнее, – поднимаясь с корточек, наливши ушицы Никите в деревянную миску, отозвался Гостомysl.

Остальные старцы, слегка кивнув головами в знак согласия, по очереди начали наливать себе трапезу.

– Это Стоян, – показав на крепкого старца лет восьмидесяти, продолжал толк Гостомysl, – он у нас за младшего. Выучит тебя Стоян грамоте нашей. Научит разбирать и скифские вязи, и руны ариев. Ты, отрок, каменотес, тебе и письма на веки вечные. Чтобы те письма попали к внукам и правнукам нашим. Дабы знания пращуров, собранные по крупичам многими веками, перешли к последующим поколениям. А когда возродится вера истинная и прекратится гонение последователей веры нашей, выйдут волхвы к людям и понесут они, ако огонь, истину в люд наш, согревая сердца славянские.

– Так как же я от веры-то отрекусь, отче? Душу язычеству отдам? – перестав хлебать, спросил Никита.

– Ты уже от нее, от веры своей, отступился, когда с Ливонской войны утек на хлеба вольные. Пошто, не помнишь? Как боярину своему крест целовал? Как божился живот свой отдать в ратном поприще? Нет тебе назад туда ходу, – шевеля под котлом огонь веточкой, изрек Гостомysl, – токмо здесь тебе и пристанище. А не по душе твоей христианской станет жизнь с нами, уйдешь весной. В аккурат, на праздник пробуждения Велеса-медведя и уйдешь, держать тебя силой не станем.

– Что за праздник такой, отче? Не ведаю.

– Это, по-новому, день святого Власия будет. Нарядятся люди в тулупы и радуются весне-красавице да пробуждению Велеса-медведя. Блины пекут, как сейчас на масленицу. Греки-то хитрые, они не ломают через колено веру старую, а перекраивают на свой ляд обычаи наши. Вот токмо волхвов изводят повсеместно. Поэтому и не на Руси мы ныне, а в степях кыргызских жительствоуем. Тут нет гонений нам. С местными под одним небом уживаемся, знахорствуем и скот лечим. То грыжу чаду какому зашепчем, то скотины падеж остановим.

– Так вы что, тут и живете в шалаше?

– Нет, живем мы на сопке каменной, в пещере Жаман Тау, Жаман сопкой степняки ее окрестили. Плохой, стало быть, сопкой, колдовской. Поверье у них наличествует: кто с мечом или с другим оружием на сопку взойдет, тот каменным идиолом враз станет и на века им и останется. Два дня пути пешим ходом до нее и до пещеры нашей. А здесь мы рыбу на зиму в Исиле ловили и вялили да грибы, ягоды сушили всю весну. Коренья всякие от хвори да от

напастей собирали. Веревки конопляные плели и лык на лапти резали. Вечером приедет на арбе дальний родственник Аблая и отвезет всю поклажу нашу к сопке. И мы пойдем с ним. Благодарен Аблай нам, все сына не могла жена ему принести. Так помучился, поколдовал с ней Истислав, и родился у Аблая бала, то есть мальчонка.

Старец по имени Истяслав, лет под девяносто с виду, кивнул головой в знак согласия.

– Ну, а это наш Вторак, – показав на старца, сидевшего в глубине шалаша, пояснил Гостомысл. – Ему одному дадено прошлое помнить и будущее зреть. Он-то тебя и усыпил травами настоящими, да три ночи летал ты на нити богов, куда ему потребно было, для познания мира насущного.

Гостомысл, посмотрев на горизонт, вдруг стал собирать пожитки в узелки и корзинки. Появился легкий ветерок. Зашелестела листва на деревьях. В воздухе повеяло свежестью.

– Вот и Перун радуется тебе, Никита, что ублаготворил нас своим присутствием. Коли дождь да молнии к вечеру будут, то знать, Перун знак дал, что благоволит тебе и велит оставаться.

Степняк появился после полудни. На арбу с огромными колесами сложили пожитки и заготовки. Сами же пошли следом...

Вечером их нагнала гроза. Проливной дождь шел всю ночь, небо громыхало, освещая сопку, появившуюся из темноты как изваяние страшных сил. Не зря степняки называли ее Жаман сопкой, не зря...

***

СИБИРЬ

– Слышь, Угор, а ты что зрел, когда грибы давеча ел? – спросил Архип, укладываясь спать у костра на охапку нарубленного лапника.

– Никиту в белых одеждах видел, старого совсем, с бородой до пояса и усами длинными. Видел городище свой, разрушенный и заброшенный. Тебя в кузне, сабли изготавливающего, и мальчонку рядом дуже смышеного. Много видел. Войну видел. Златую Бабу в пещере каменной зрел. Спать ложись. К рассвету пробужу, ты опосля стеречь сон и огонь будешь. Росомаха вокруг ходит, поганый она зверь, подлый зверь. Если стая, то и напасть могут на сонных, – ответил вогул, подкидывая в костер хворост.

В небе горели звезды, и были они низко-низко. Звезды над урманом. Впереди путников ждало обустройство на зиму и промысел.

Архип и не предполагал, что через несколько лет сюда придут люди Ермака.

Глава 22

Когда рассвело, Архип легонько толкнул древком копьа Угора.

– Разбудить просил, как солнце встанет, – напомнил он вогулу.

– Сегодня переплывем на высокую сторону. Пора к зиме готовиться, – поднимаясь с постели из еловых веток, объявил Угор.

– А что, дальше-то не пойдём?

– К зиме готовиться надобно, – вновь повторил вогул, – лабаз строить станем. Землянку копать будем. Юрту ставить. Морды плести на зиму, чтоб в загар рыбу заготовливать.

– Какой такой еще загар?

– Ну, это когда вода тухнет, горит, значит, подо льдом. Рыба на родники идет дышать, тут ее и ловить надобно. Прозеваешь загар, голодным останешься. А далее, коль не понравится место, на север мы с тобой весной тронемся. Нынче уж вода малая, да и снег скоро выпадет. Не пройдем сейчас, сгинуть можно. Весной много воды придет, и мы пройдем. А пока зиму тут зимовать станем да заготовливать снедь начнем. Скоро китайцы приспеют, шкурки менять примутся на посуду разную да вещи всякие. На больших ладьях приплывут. Они всегда приходят поздно осенью, когда шкура крепкая у зверя станет.

– А назад как же они супротив течения по холоду и воде малой?

– Вода, перед тем как лед станет, поднимется. Вот они где на греблях, где под парусиной и возвращаются к себе.

– А татары что? Не трогают разве купцов их?

– Грамоты охранные от хана джунгарского у них. Ясак платят, вот и ездят по всему свету.

Собрав свои немногочисленные пожитки в обласок, беглецы погребли к правой, горной стороне реки. Дружно работая веслами, они, перескакивая небольшие гребешки волн, направили челнок поперек течения. Вогул, когда вышли на стремнину, вновь заголосил песню:

– Лодка мой, весла мой, я иду к себе домой!

– Ой, и веселый ты, Угорка, человечина! Что видишь, то и поешь, – усмехаясь в бороду, крикнул кузнец, стараясь перекричать шум ветра.

Но вогул его не слышал, так как уже подбирал новый куплет к своей песне...

В одном из логов с небольшим журчащим ручьем они и решили обосноваться, чтобы перезимовать. Вогул быстро нашел четыре сосны, растущие правильным четырехугольником.

– Лабаз будем ладить на столбах, чтоб зверь запасы не растащил. Высоко поднимем. Не достанут, – сказал вогул и сделал копьем отметку на стволе одной из сосен.

– А сами как туды лазить будем?

– Бревно приставим с зарубками, когда нужно туда попасть, а опосля класть его на землю будем, чтоб зверь не зашел.

– А сами-то как? Где жить станем?

– Юрту поставим, землянку выкопаем, не пропадем. Камень есть на берегу, глина в ручье для чувала. Такой изба из шкур сделаем, боярин позавидует! – улыбнулся вогул, заточивая ножом очередную палочку. – Я за шкурами в юрты Атлымские схожу, тут недалече.

– А палочки на кой ляд тебе сдались?

– Гвозди это будут. Нижний ряд лабаза держать станут.

– На Беломоре их нагелями называют, ладьи и струги с их помощью собирают, нужная вещица, – рассматривая деревянное изделие, согласился Архип.

До настоящей зимы оставалось месяца два. Архип с Угором рассчитывали успеть обжиться на берегу реки. Работа кипела. Хоть и не хватало топора, но самаркандское сабельное железо рубило сосенки не хуже. Очищали бревна от коры ножом и острием сабли.

– Под корой личинка жить будет, бревно съест к весне совсем, – пояснил Архипу вогул, когда тот заупрямился и наотрез отказался обдирать кору на бревнах.

Лабаз собрали за две недели, макушки деревьев срубили, чтоб ветер не раскачивал столбы, на которых он стоял. Вогул правильно выбрал место. В логу было довольно тихо. Холодный северный ветер практически не попадал в ложбину. Зато весь северный склон, на котором обосновались путники, практически целый световой день обогревало солнце.

С обустройством юрты хлопот было поменьше. В ход пошли макушки срубленных сосен и березок. Установив их шалашом и связав верхушки, друзья получили в подарок крышу над головой. Архип так вошел в ритм стройки, что останавливаться на достигнутом и не собирался. Натаскав от берега камней, он принялся мастерить печь. Да не простую, а кузнечного дела. Срубил навес над ней и взялся за стены.

– Ты, Архип, смотри, ночуй в лабазе, пока я хожу к осякам на стойбище. Не то, гляди, зверь какой придет. Одному не справиться тебе. Особенно росомахи если придут, то станут они тебя караулить, пока не устанешь и не уснешь. А опосля загрызут, – наставлял перед дорогой вогул кузнеца.

Необходимо было выменять шкуры для юрты. А в верховьях ручья через гору находились юрты остяков, туда и собрался Угор.

– Купцов к лабазу не води. Если плыть будут, меняйся и торгуйся на берегу. Хотя и торговать-то у нас нечем пока. Разве что саблю одну выменяешь на вещи, какие нужные в хозяйстве. Да про соль не забудь. Ее с верховья Тобола возят на Обдоры, на меха меняют, но и саблей не побрезгуют. Только смотри цену ломи. Торгуйся долго. А лучше меня дожись, а то не ровен час и на татар нарвешься.

Вогул ушел на рассвете, взяв с собой лук и копье.

Глава 23

Пройдя за старцами в пещеру и помаленьку привыкнув к полумраку, Никита осмотрелся. В каменных стенах были высечены ниши для спальных мест. Уложенные шкуры в несколько слоев служили ведунам и перинами, и покрывалами. Посередине жилища из бутового камня имелся искусно сложенный длинный стол и лавки. Наличествовал и очаг, также выложенный из плоских камней, с пятьюколодочным дымоходом, выходящим сверху через вход в пещеру. В одной из ниш лежали каменные и глиняные дощечки, на которых виднелись какие-то надписи. Никита аккуратно взял одну из них. Рукавом смахнул пыль и по слогам вслух прочел:

У ора-тая ко-бы-ла со-ло-вая,
Гу-жики у него шелко-вые,
Со-шка у ора-тая кле-но-вая,
Оме-ши-ки на со-шке бу-ла-ные,
При-со-шек у со-шки се-ре-бря-ный,

А ро-га-чик-то у со-шки крас-на зо-ло-та,
А ора-тая куд-ри ка-ча-ю-тся,
Что не ска-чен ли жем-чуг рас-сы-па-ется,
У ора-тая гла-за ясна со-кола,

А бро-ви у не-го да черна со-боля,
У ора-тая са-пож-ки зе-лен са-фьян,
Вот ши-лом вост-ры, но-сы вост-ры,
Вот под пята во-ро-бей про-ле-тит,

Око-ло но-са хоть яй-цо про-кати;
У ора-тая шля-па пу-хо-вая,
А каф-тан-чик у не-го черно бар-ха-та.

Никита повернулся к стоящему позади его Гостомыслу и рассмеялся:

– Уж иде, отче, такого пахаря найтить-то? Чтоб соха золотом да серебром подбитая была, да сапожки княжечи, да ашо гужики шелковыя? Обычно у пахаря портки дырявые да лапотки дедовы... Сказка это, ложь несусветная...

– Былины – это сказания наши древние. А Микула-пахарь, стало быть, герой опричный. Особенный, сказочный. Ведь знамо – сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок. В сих сказаниях история и уклад Руси нашей, и мы призваны сберечь сие наследство. А люд, который не помнит и не чтит корней своих, обречен на исчезновение, – растолковал мудрый старец каменотесу.

Никита бережно положил табличку на место.

– Тут много чего схоронено от попов греческих да от слуг царских, кои рыщут аки волки в поисках сих записей и колотят таблицы прилюдно, не думая о сохранении наследия бесценного, – хрипло проговорил Стоян, незаметно подойдя к Гостомыслу и Никите. – Тут и про Святослава Храброго и про Игоря, сына Сокола. А вот это про Солнечного царя Дажьбога и Громовержца Перуна, – перекладывая таблицы, рассказывал Никите старец. – Есть и скифские письма, но неведомо нам, что писано в них, хотя храним и их, может, кто и разыщется, способный прочесть письма давнишние.

– Я тюркскому и фарси немного обучен, – разглядывая таблички, проговорил Никита. – Видел и китайские, и джунгарские вязи. Ведь каменотесил, почитай, два десятка лет в полоне. Надписи на каменя могильные наносил да на стенах резал фрески всякие. Учителей много среди старых мастеровых было. Царь Тимур Хромой в свое время довольно умельцев в Самарканде собрал. Кого полонил, кого купил или заманил хитростью. Вот только вход туды – полушка, а выход – рубль серебряный. Многие в неволе так и сгнули на работах тяжких да от ласки басурманской, – тяжело вздохнув, присел на край лавки каменотес.

– Ничего, малой, поучим и мы тебя трохи, – ласково похлопав Никиту по плечу, заверил Гостомысл, – от нас выход тоже не прост.

– Так какой же я малой, почитай, сорок пять годин справил нынешней весной, – попытался возразить каменотес.

– Кха-кха-кха, – раздался хриплый кашельный смех из дальней ниши. – Кха-кха-кха, напужал ты нас годами своими!

Это столетний Вторак, ласково улыбаясь и склонив седую голову чуть набок, как мальчишка, веселился над словами Никиты.

***

Архип с досадой бросил взгляд на сабельку, так опрометчиво повешенную им на ветку сосны. Оставалась надежда на копье, которое стояло кверху острием, прислоненное к столбу лабаза. Ведь наказывал же вогул, чтоб был осторожен без него! Нет, увлекся он строительством кузни своей.

Кузнец взял по большому камню в каждую руку и тихонько двинулся в сторону лабаза, единственному месту, где можно было укрыться от зверя. Росомахи, окружив в полукольцо добычу, медленно надвигались, стараясь оттеснить человека вглубь тайги и не допустить его к своему убежищу. Самая ретивая из них, пытавшаяся подобраться ближе всех к жертве, получила голышом в голову и, заскулив, отскочила.

Этим и воспользовался Архип, в два прыжка оказавшись у бревна, служившего лестницей. Но подставлять хищникам спину он не мог и, схватив копье, стал медленно взбираться по бревну задом. Такое восхождение было неудобным, но более безопасным. Вторая хищница, получив легкий укол копьём, визгнув, отскочила.

Кузнец наконец-то окончил подъем и, открыв наощупь дверь лабаза, закатился задом в него, на ходу заперев за собой дверку. Тут же снаружи дверь царапнули когти третьей росомахи.

В малюсенькое оконце пробивался лучик света. Архип осмотрелся.

– Плохи дела, – горько усмехнулся коваль, вспомнив, что он впопыхах не скинул бревно-лестницу на землю. Чем и открыл доступ тварям на крышу лабаза.

И действительно, в подтверждении его опасений по крыше мягкой поступью прошла одна хищница, обнюхивая щели и ища место для проникновения вовнутрь. Вскоре уже все три хищника принялись бродить по крыше, обнюхивать щели и лапами царапать бревна перекрытия.

Архип подтянул к себе копье и тут же ужаснулся. Копье-то длинное, и размахнуться он в маленьком лабазе им не сможет.

Сверху на голову кузнецу посыпалась свежая стружка. Это один из хищников, разыскав маленькую щель между бревнами, принялся когтями и клыками ее расширять. Архип попытался о колено сломать древко копья, но буковая древесина не поддавалась. В щели между бревнами показался мокрый нос росомахи. Кузнец вспомнил про кремь, висевший на шнурке рядом с крестиком, и, быстро сняв его через голову, ткнул в пятак острием.

Наверху, взвизгнув, фыркнули и, опасаясь очередного укола в нос, отчаянно заработали лапами.

– Да уж, попал как кур во щи, – присев на корточки, невесело усмехнулся кузнец, посматривая на входную дверь лабаза, нижний угол которой грызла другая россомаха...

Понимая, что долго он без воды и пищи тут не протянет, кузнец приготовился к худшему...

Глава 24

Вогул, напевая себе под нос очередную песенку, которую сочинил на ходу под такт шага, возвращаясь домой, спустился в лог. Встречей на стойбище с земляками Угор был доволен. Кое-что выменял, а что-то и в долг взял, пообещав рассчитаться к весеннему ледоходу. Товар, нужный для зимовки, он отправил по речке с остяками, которые спускались на Обь для заготовки рыбы. Сам же двинулся через сопки напрямик.

За ним увязались две лайки. Вогул и не противился новым спутникам. Прокормить он их прокормит, а в охоте это незаменимые помощники. И зверя облают, и лабаз постерегут, пока рыбу ловить будет на реке. Да и незваных гостей заранее встретят. За боевой лук наменял Угорка товару немеряно, в две лодки кое-как скраб поместился.

«Не нужны в тайге мне боевые тяжелые стрелы. Если доспехи у воина насквозь пробируют, значит и глухаря да птицу насквозь прошьют, а с белкой и вовсе улетят в дали дальние. Не сыскать мне потом стрелу. А их-то всего двенадцать и осталось, стрел-то, – думал вогул, бодро шагая к своему жилищу. – Зато шкуры для юрты выменял. Котел добыл медный, лук охотничий, топорик, да мелочь всякую для жизни необходимую. Как раз на Атлымских юртах купцы-менялы были, они-то и похватили, почитай, все, что у меня на обмен было приготовлено», – продолжал рассуждать Угор.

Вогул остановился.

– Ветер с реки дует, а дымом не тянет. Огонь прозевал Архипка? Или случилось что? – насторожился Угор.

Лайки тоже, перестав путаться под ногами, с визгом ринулись вниз по логу в направлении лабаза.

Архип уже находился шестые сутки без воды и пищи. Без еды еще можно было бы потерпеть, но вода уже начинала мерещиться. То дождь вроде как пойдет, то речка зашумит под лабазом. Прислушается Архип, а это сосны шумят, да россомахи по лабазу рыщут. Он уже и кору-то всю, какую не сняли при зачистке бревен, ободрал да изжевал. И березовые лаги ковырять кремнем принялся. А эти твари лезут да лезут по перекрытию. И знай себе грызут бревна в надежде добраться до добычи.

– Хоть бы, стервы, наземь спрыгнули. То уже полегче бы было. А то сидят на крыше и ждут, когда человек из двери покажется, чтоб на спину прыгнуть. Да здоровые две какие, как медведи маленькие. А с ними малая, видать, помет их, везде, зараза, нос свой засунет, как ключник боярский. И под дверь норовит, и в оконце заглянет, – рассуждал в полузабытьи Архип.

Услышав визг и лай собак, кузнец даже не удивился, а просто прошептал пересохшими губами:

– Ну, токмо звон колоколов и осталось услышать. А так уже все пригрезилось. И где этого лешего носит? Может, зазимовал Угорка с рыбоедами да бросил своего сотоварища на погибель жуткую. Эх, сабельку-то я проворонил. Так бы порубил в капусту этих шавок вонючих.

Архип в бреду, лежа на бревенчатом полу, слышал, что снаружи шла какая-то борьба. Визг и рычание переходили порой в скулеж и вой. Сквозь щели бревен двери появилась огромная мохнатая тень.

Кто-то с силой нажал на дверь. Архип попытался удержать ее своим телом, прижавшись к ней спиной. Но дверка лабаза медленно открывалась вовнутрь все шире и шире. Кузнец из последних сил развернулся и, теряя сознание, уколоч кремнем в нос мохнатому чудищу.

Пересохшие губы ощутили благословенную влагу. Он судорожно начал хватать струйку воды, текущую ему откуда-то с небес.

– Сейчас еще принесу, – услышал он голос вогула.

– Угорка, ты что ль? – прохрипел кузнец не своим голосом.

– Ты зачем мне камнем нос разбил? – не отвечая на вопрос, спросил вогул, приложив отжатую в рот коваля мокрую тряпицу к своему распухшему носу.

– Это я со зверем невиданным сражался и, видать, тебя с ним попутал.

– Нет зверя больше. Одного я из лука снял. Другого, маленького, собаки на дерево загнали. А один ушел.

– Ух и взяли же они меня в оборот. Ну, чайл, сожрут, ироды.

– Наглый зверь росомаха. Совсем безобразница. Продукты ворует. С дерева на спину прыгнуть может. А вот чтоб кидаться на человека открыто, не слышал. Видать голодная шибко. Или свой удел защищала.

– Вот живи и бойся. Вдруг вернутся, – пробурчал, приподнимаясь и присаживаясь, Архип.

– Не вернутся. Теперича у нас две собаки есть. Почуют сразу. Одну вон росомаху уже таскают по поляне, грызут. Другую сторожить будут, пока она с дерева не упадет. А третья не придет. Вот и стаи нет. Теперь это наше угодье. Мы хозяйева здесь.

Лайки, бросив растерзанную росомаху, прислушались. И с визгом кинулись к берегу, где были слышны голоса и шлепанье весел о воду. Это пришли лодки с товаром, который выменял вогул у купцов и остяков.

Молодая росомаха, пользуясь случаем, спрыгнула с дерева и опрометью метнулась в тайгу. Прочь от людей и собак. Лог теперь принадлежал не ей.

К Архипу подошел остяк, протянув острогу, показав на зазубрины и погнутый край.

– Ну-ка, погодь, – рассматривая наконечник, прикинул кузнец, подходя к своей самодельной печи.

Развел в ней огонь. Подождал, когда поленья разгорятся, и пошел по кладке из камней ниже по логу.

– Горна нет, силы пламени не будет. А ежели наподобие дымохода подвод воздуха из камней соорудить да тягу в печь пустить, может, что и выйдет, – рассуждал Архип сам с собой.

Росомахи ему не дали испробовать свое изобретение. Теперь же кузнец, подойдя к началу каменного колодца, отвалил заслонку из круглого камня. Тут же на другом конце из чрева печи пыхнули фейерверком искры. Кинутое перышко улетело с потоком всасываемого воздуха.

Печь была готова.

Нагрев на огне до нужной температуры железный наконечник остроги, Архип отковал обухом топорика острие, используя в роли наковальни огромный речной валун. Вогнав раскаленный наконечник в грязь, закалил сталь.

– Жир нужен или масло, а грязь слабый закал дает, – попробовав ногтем наконечник, пояснил остякам кузнец и подал острогу хозяину.

Вокруг собрались остальные рыбоеды. Принялись по очереди пробовать пальцами острие и, кивая на Архипа, довольно закивали головами.

– Медвежий жир опосля привезем, еще ковать мал-мал нужно, – заверил его остяк.

– Что за древко такое дивное на остроге? Совсем не горит, – подойдя к Угору, поинтересовался коваль.

– Это кость слона северного. Когда-то жили они тут. Но ушли в Индию. Я видел в детстве рисунки в пещере у большого камня. Совсем как слон, какого я в Бухаре видел, только нос маленький и шерсть как на буйволе. Эти кости река нам отдает, вымывает на берег. Иногда огромные клыки вымывает, мы из них полозья для нарт мастерим. Богатый человек будет тот, кто найдет эти клыки. Из мелких же костей наконечники для стрел мастерят, древко к острогам

или копьям ладят. А эта острога, кою ты ковал давеча, с железным наконечником, двадцать оленей стоит. Ей царь-рыбу бьют, когда она в завесу попадет.

– Осетра что ль? – смекнул Архип.

– Ну да, царь-рыбу, в которой икры много, а шкура толстая, на обувку и ремешки идет.

– Да уж, шершавого костяной острогой не возьмешь, тут железная пешня надобна, – согласился Архип, вспоминая былую вольницу на Волге и икру осетровую в бочонках, которую отбирали разбойным промыслом у купцов армянских.

Глава 25

Отар тихонечко тронул за плечо спящего Исатая.

– Вставай, айналайн. Плохой хабар пришел, со стороны Искера идут три сотни ногайцев. Их видели восемь лун назад на слиянии Исиля с Эртысом. Ныне они встали лагерем у Жаман Тау. Нужно поднимать джигитов, посылать гонцов по всей степи, собирать всех, кто может носить оружие. Они уже сожгли большой аил, побили дозорный отряд на слиянии Исиля с Эртысом.

– Какая цель у астраханских татар? Мы не вступали с ними в войну? – разгоня остатки сна, поинтересовался Исатай.

– Аблай говорит, что их послал Кучум-хан наказать наш народ за преданность племяннику Едигер-хана.

– Но Сейдяк является единственным наследником на престол хана Сибири. Его назначение на ханство определено потомственными чингизидами. А Кучум – узбек, стоит ниже по сословию покойного Едигера. Его и в Бухаре мало кто празднует, хотя он и сын хана, – возразил Отару Исатай, окончательно проснувшись.

– Кучум постепенно захватывает власть. После падения Казани и Астрахани ослабло влияние Крыма на наши земли. А Бухара отдать русскому царю Сибирское ханство с его богатствами не желает, – подавая пиалу кумыса Исатаю, рассудил Отар.

– И что ты еще мыслишь, Отар, по этому поводу?

– Я маленький человек, и голос мой будет услышан только тобой, но считаю, что только один русский царь может оградить нас от набегов монголоидов. Ни Сейдяк, ни Кучум не станут отдавать жизни своих нукеров за наш маленький народ. Так было и сто, и триста лет назад, так будет и впредь, – поднимаясь с кошмы, рассудил Отар.

– Твой глас – глас народа. Отар, ты мне как брат. И я не хочу, чтоб ты погиб в стычке с взбесившимися ногайцами. Поэтому со мной не поедешь. Подготовь мне заводного коня. Заверни джунгарские стрелы, которые извлекли из меня. Я поеду навстречу этим недоумкам. Я думаю, что их натравил Кучум в связи с гибелью отряда у святых могил. Меня же они не тронут, так как я племянник достойного Узун Бека, а он прямой потомок шибанидов²⁷. Мой дядя является родственником ногайских чингизидов по материнской линии, – рассказывал Отару Исатай, надевая доспехи. – И еще, брат, береги мою невесту Ботагоз, я оставляю ее на тебя, потому что только ты можешь до последней капли крови защищать ее жизнь и достоинство. Я вернусь и весной стану тебе зятем.

Названные братья вышли из юрты. Огромное небо североказахстанской степи украшали миллионы звезд, бисером рассыпавшиеся по небосводу. На траве уже лежал редкий первый хрустальный снежок.

– Ботагоз не буди, не люблю смотреть на девичьи слезы, – попросил Исатай.

Отар пошел за заводной лошастью, которую вскоре привел в поводу. К седлу были приторочены курдюк с кумысом и сума с продуктами. Сбоку от лошади сенила Ботагоз.

– Я не буду плакать, Исатай. Я просто потрусь щекой о твою ногу, – проговорила она, прижимаясь к ноге воина, уже сидевшего в седле.

Исатай укоризненно глянул Отару в глаза.

– Я ее не будил. Она сама поднялась и собрала тебе в дорогу еду. Ведь топот коня востого поднял всех на стойбище, – виновато пожав плечами, оправдался названный брат.

²⁷ Шибаниды – одна из ветвей рода Чингисхана.

Исатай наклонился, погладил девушку по распущенным волосам и, слегка коснувшись камчой крупа своего коня, размеренным шагом направил его на север. За ним последовал вестовой.

Батыр не оглянулся. Нельзя. Плохая примета. Ботагоз это знала.

Девушка долго еще стояла, глядя вслед своему возлюбленному, пока тьма не поглотила очертания всадника.

***

Гостомысл снял рубище, переодеваясь в чистую, отороченную старославянской вышивкой понизу и вороту, рубаху. Никита, глянув на спину старца, невольно ужаснулся:

– Так кто ж тебя, отче, так изувечил? У кого рука-то поднялась?

– Есть сердечные люди на белом свете. Постарались на совесть от всей души государевы прихвостни-опричники, – натягивая через голову рубаху и прикрывая исполосованную глубокими рубцами спину, вздохнул ведун.

– За что ж такие муки стерпел? За какие грехи земные?

– За душевность свою, отрок, за добросердечие. За заботу о люде нашем. А было это так. Нашел мор под Суздалью. Косила, как косой, смертушка народишко. По всем избам прошлась. Почитай каждого третьего прибрать поспела. На улицах пусто стало. Избы нетопленые стоят. Замерший скот по проулкам да по стайкам лежит. В церкви и звонить-то уж некому, все звонари преставились. Решил последний дьякон молебен отслужить, да народ, какой остался, созвать. А я просил людей, в ноги кланялся, чтоб не ходили. Не лобызали образов. Не омывались водицей общей. Кто не пошел, тот жив и остался. Ну а кто не расслышал меня из-за уверования своего темного, тот заразу поймал, да и ушел из жизни со своими чадами и родителями немощными. Ведь недаром пословица гласит: «Заставь дурака Богу молиться, он лоб и разобьет». Так и тут получилось. И дьякон преставился Господу, и народ за ним на тот свет потянулся. Опосля же мора, весной, слуги государевы понаехали да принялись бить кнутами, ересь выгоняя из тех, кто икон не лобызал и в живых остался. Меня принародно перед церковью и запороли. Думали насмерть, да отходили Гостомысла люди добрые и после тайно вывезли с купцами в Пермские края. А далее я с Новгородским отрядом через камень перешел. По пути с братьями моими повстречался. Туточки мы вместе и оказались. Ранее ведь здесь пращурьы наши в сих пещерах обитали, веру берегли, укрывшись от князей Киевских. Как говорится, подальше от ласки да плетей княжеских. Хотя и сам я не простого сословия и выше нынешних по вельможности, опосля как-нибудь поведаю, кто я такой.

– А куды, отче, сейчас прихорашиваешься? Вознамерился ли кудой? Али так в пещере погарцевать собрался? – улыбаясь, справился Никита.

– Татары астраханские войском встали у озера. На сопку они, конечно, не полезут ночью. Тут для них у нас сторожок приготовлен. А вот днем, поднявшись по тропе, могут и заглянуть. Вот тогда белая рубаха и сгодится. Боятся они пророков и людей непорочных трогать. Мы ведь для них колдуны. Стало быть, неприкасаемые люди. Да и дурная слава о нашей сопке ходит. Покрыта сия гора густым вековым лесом. А для степняков лес всегда страшен был. Ну-ка, возьми, Никитушко, в углу тыкву сушеную на черенке да подай мне.

Никита сходил за тыквой. Разглядев ее, рассмеялся как ребенок.

– Чучело! Так мы же в детстве на масленицу баб пужали. Глаза да рот зубастый вырежем и свечу вовнутрь поставим. Старую рубаху наденем. Визжат, коль наткнутся на тропке ночью! Умора, да и только!

– Вот и мы спужаем вояк диких, коль ночью сунутся их хабарчи на тропинку, – отозвался Вторак со своего ложа.

***

Два ногойских разведчика бесшумно продвигались по тропе. Обнажив сабли, они с опаской шли, озираясь по сторонам. Темная стена хвойного леса зловеще дышала по бокам тропы. Ветви, как костлявые руки злых колдунов, дрожа, тянулись к лицам джигитов. Но вековое послушание приказам и повиновение командирам, привитое с молоком матери, было выше животного страха. И разведчики бесстрашно продвигались вперед.

Где-то заскрипело дерево. Пронзительно закричала птица, оглушительно захлопав крыльями. Ноги воинов пригнулись в коленях. Но оправившись от приступа минутного страха, бесстрашные разведчики двинулись дальше.

Лунный свет хорошо освещал тропу. Были видны следы на примятой траве от арбы, которая совсем недавно проезжала наверх и спускалась обратно. Оба разведчика считались старыми и мужественными воинами. Не один поход за их плечами, не одна битва. Вот только лес, скрипящий стволами да ухающий птичьими криками, вызывал у выросших в степи нукеров небольшое опасение.

Внезапно идущий спереди воин остановился, почувствовав, как у него окаменели ноги. Тропу медленно перешел призрак в белом одеянии. В рубахе до пят, белой бородой до пояса, он бесшумно исчез между сосновыми лапами на другой стороне тропы.

Озноб пробил мужественных воинов, но, поборов страх, они сошли с тропы и осторожно раздвинули хвойные лапы.

И тут нос к носу столкнулись с чудищем, у которого светились глаза, а из клыкастой пасти вырывалось пламя.

– Ааа! – взревел первый хабарчи. – Это огненный Самурхан!

Но его напарник уже не слышал товарища по оружию, так как на зависть всем беговым скакунам ногойской степи мчался вниз по тропе доложить о результатах разведки своему начальнику. Он упал у шатра и, изрыгая хлопья пены, выпучив безумные глаза, нес ахиною не менее перепуганному командиру.

– Огненный Самурхан! Огненный Самурхан! Он живет там! Он совсем злой, Самурхан проглотил нашего Нурмета вместе с доспехами! О, мой господин!

Нурмет в виде побитого пса приплелся позже. Без шлема и сабли, с расцарапанным лицом и изодранными доспехами. Он долго дрожащими руками пытался испить кумыса из поднесенной ему пиалы. Отважный хабарча, обливаясь и плескаясь напитком, перед тем, как упасть в обморок, стуча зубами, выдавил из себя:

– Жаман сопка! Ходить нельзя! Огненный Самурхан очень, очень сердился...

Глава 26

Исатай встретил рассвет вблизи озера Челкар, воды которого были настолько чисты, что на глубине десяти сажень были видны камни и валуны. Выбрав пологий спуск, он напоил лошадей. Отвел их на полянку под деревья, где не дул холодный осенний ветер. Ему оставался один переход до Жаман Тау. Там встали лагерем ногайцы. Валихан должен был прислать к озеру проводников.

– После падения Астрахани ногайцы в основном ушли на Каспий и Крым. Но, будучи прирожденными воинами, участвовали и в вооруженных конфликтах. Выступив против остатков войск Едигер-хана на стороне Кучума, они невольно вступили в конфликт с русским государством. А ведь совсем недавно ногайские всадники принимали участие в Ливонском походе и были на стороне урусов, – рассуждал Исатай, сидя между береговых валунов напротив разгорающегося костерка, шевеля прутиком хворост. – Отряды под начальством мурз Тахтара, Темира, Бухата, Бебезяке, Уразлы, оказавшие немалую помощь русскому государю в той войне, теперь идут против урусов. Хоть Кучум и имеет меньше прав на ханство, зато союзников он собрал много. К нему пришли и подходят все новые и новые воины. Действительно, старый мир переворачивается с ног на голову. Если раньше право на ханство было только у потомков Чингисхана, то теперь власть может захватить любой, стоит только объявить, что этого желает Всевышний, да собрать побольше сил и союзников для поддержки, – подбросив хворост в костер, вновь вздохнул Исатай. – О Боже, царь царей! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть у кого пожелаешь, – вспомнил он строки из Корана. – Бай Аблай, безродный жирный сурок, разбогатевший на своих соплеменниках, тоже ведет себя странно. Будто мечется он между огнями, выискивая выгоду.

На полянке фыркнули лошади. Вдалеке раздалось ржание. Исатай поднялся с коврика и, обходя береговые камни, прошел к лошадям.

На дым костра двигались два всадника. Одеты они были в лисьи малахай и овчинные полушубки – тоны.

– Свои, – обрадовался Исатай.

То были люди Валихана, чей улус находился в полудне пути. Перед встречей с ногайцами Исатаю необходимо было отдохнуть и посоветоваться со старшими. Оба проводника уважительно поклонились, приложив плети к груди.

– Аман сыз таксыр, – поздоровался старший.

Исатай кивнул головой в ответ и направился к лошадям. Пора было ехать.

Он не боялся встречи с ногайцами, на него не смел поднять руку ни один кара-суек, то есть простой человек, у которого не текла в венах кровь чингизида. При встрече с равным существовал неписанный пароль, который произносили исключительно аркары, потомки Хана Мира. Встретившись в степи, один из воинов произносил слово «Уран» – это означало, что перед путником не простой человек. Черный человек не имел права называть аркара по имени, обязан был подчиниться и выполнить любое его распоряжение, обращаясь к нему «таксыр», то есть «господин».

Исатай закрыл глаза и, сидя в седле, вспомнил себя ребенком, который наизусть мог назвать всех прямых наследников великого хана. Эти знания прививались ему с рождения путем зубрежки и хворостяной ветки бабушки, которая ей огуливала спины нерадивых учеников-внуков.

– У Тэмуужина и его первой жены Бортэ было четыре сына: Джучи, Чагатай, Угэдей, Толуй. Только они и их потомки наследовали высшую власть в государстве. У Тэмуужина и Бортэ также были дочери: Ходжин-бэги, жена Буту-гургэна из рода икирес, Чичиган, супруга

Иналчи, младшего сына главы ойратов Худуха-беки, Алангаа, вышедшая замуж за нойона онгутов Буянбалд. Когда Чингисхан выехал на войну с Хорезмом, он поручил ей государственные дела в свое отсутствие, поэтому ее называли также Тору дзасагчи гунджи – принцесса-правительница. Тэмулэн, жена Шику-гургэна, сына Алчи-нойона из унгиратов, племени ее матери Бортэ, Алталун, вышедшая замуж за Завтар-сэцэна, нойона хонгирадов. У Тэмуджина и его второй жены меркитки Хулан-хатун, дочери Дайр-усуна, были сыновья Хулугэн, Кулкан и Харачар; а от татарки Есугэн, дочери Чару-нойона...

– ...Сыновья Чахур и Хархад, – хором кричали маленькие ученики, опасаясь бабкиной хворостины.

Исатай улыбнулся. Почесал рукояткой камчи спину, по которой когда-то гуляла бабушкина хворостина. Все-таки бабка сумела ему вдолбить всю родословную, теперь знание которой было так необходимо в переговорах и важных встречах.

– Все ханы раньше являлись потомками великого хана, и даже говорят, что русский царь Иван по бабкиной линии тоже чингизид. Но рушится старый мир. По всему свету безродная чернь рвется и захватывает власть, упиваясь кровью знатных людей с вековыми родословными. И не только мусульманский мир постигло это, но и Европу захватила полоса прихода к власти безродных. Вон у Ивана тоже опричники без рода и племени всю знать к ногтю прижали. Ему, военному человеку, конечно, лучше, чтобы приказы отдавали начальники, которые пришли к должности путем военных заслуг и побед, а не глупые, но родовитые самцы, – рассуждал Исатай по дороге к Валихану.

***

– Смотри, Угорка, какие я шишки с нашего кедра сбил! – похвалился Архип, поставив у лестницы лабаза полную корзину полуспелых шишек.

– Вот теперь и долби скорее остальные! А то ронжа²⁸ их до утра все перетаскает.

– Почему? – удивился кузнец.

– Она только приметит, что человек шишку начал бить, так сразу и летит долбить. Ронжа – птица жадная и глупая. Прячет шишку, а потом забывает, где ее схоронила. Находит чужую шишку, а другая кедровка ее запасы отыскивает. Так зиму и живут, – добавил Угор, спускаясь с лабаза, где развешивал вялиться чебака и сорожку.

Архип взглянул на кедрач и ахнул:

– Ух, шельмы! Кыш, разбойники!

На ветках кедра прыгало около семи птичек, которые, схватив очередную шишку, скрывались в лесу, а после возвращались за следующей.

Угор не терял драгоценного времени. Нужно было запастись едой на зиму. И пока Архип занимался заготовкой сушняка, вогул успел сходить на болото, где набрал клюквы. Сбегал с лукошками в лес, набрал переспелой черники и брусники. Уже штук семь плетенки стояли в лабазе, доверху наполненные ягодой. Архип же, занимаясь заготовкой дров на зиму, попутно собирал грибы, резал их и сушил. А вечерами поселенцы дружно плели лукошки и морды.

Зима приближалась. Пару раз пролетал легкий снежок, иногда утром блестел на траве иней. Упавшая летом в Оби вода вновь поднялась. Китайские купцы не появлялись. Зато северяне ждали по зимнику новгородские обозы, которые проходили через Уральский хребет и Пелым на Северную Сосьву, а далее – на реку Таз к торговому городищу Мангазея. Обозы приходили и к Котскому городищу да к стойбищам, находившимся по берегам Оби.

---

²⁸ Ронжа – кедровка.

Архип заказал через остяков, которые подались на Урал сдавать и менять пушнину, инструмент для кузнечного дела. Водными путями можно было пройти до рек Лозьвы и Тагила и, перейдя пешком, иногда и волоком, спуститься на Чусовую. Это уже был край, обжитый русскими, богатый железными изделиями и украшениями, а главное – оружием, чего практически не привозили китайские купцы.

О рукомеле кузнеца уже распространились слухи. То один, то другой вогул или остяк приезжал отковать наконечник остроги или нож смастерить. А чтоб не обидеть мастера, несли железа побольше, с лихвой, так что на черный день у Архипа в мастерской уже были припрятаны заготовки и запасы. Вогул повертел поднятое с лавки незнакомое изделие из изогнутых дугой двух пластин, разжал их в разные стороны, отпустил.

– Западня что ли какая или кулемка²⁹ железная?

– Капкан пытаюсь отковать. Вроде, получился. Ну-ка, пруток принеси, а я взведу его.

Вогул сбегал за хворостиной. Осторожно пошевелил ею капкан и от неожиданности отскочил. Дуги со звоном захлопнулись, прищемив ветку.

Архип взял в руки свое изделие, потянул веточку и покачал головой:

– Нет, пружина слабовата, перекалить нужно. Вари кишки рыбы на костре, Угор. Надобно хоть рыбий жир натопить, коль медвежьего нет. А без жира не закалить мне пружину.

---

²⁹ Кулемка – деревянная ловушка, капкан.

Глава 27

Гостомысл шел впереди, а за ним, словно мальчишка, приплясывал Никита, неся на плече шест с чучелом-тыквой. Поперечная ветка, изображавшая руки чудовища, за спиной каменотеса игралась рукавами белой рубахи, которые свисали чуть ли не до земли. Опаленная тыквенная морда Огненного Самурхана, улыбаясь, смотрела в предрассветное небо.

Они поднялись практически на самую вершину сопки, поросшую хвойным и лиственным лесом. Никита был удивлен, что посередине бескрайних степей имеются участки с вековыми лесами, с высокими возвышенностями и огромными озерами.

Когда рассвело, каменотес влез на большую березу и оглядел прилегающую степь.

– Вон они, татарушки! У озера встали лагерь. Лошади пасутся без седел. Походных юрт три десятка будет. Поди, надолго пришли, раз так вольно ведут себя, – докладывал он волхву, сидя на ветви.

– А от костров куды дым тянется?

– От нас ветерок, отче. Но не шибко дует. Не стелется оземь, а вверх идет.

– Ну и ладно. А коли они думают, что великан тута-ки живет, то мы им еще одну потешку устроим. Айда-ка, слезай, милой. Будем Самурхана Огненного им казать. Собирай пока хворост да наруби лапнику поболее. Вот глянь, тама-ка камни с валунами очагом сложены, сноси ветки туды. А я пока могилу безгрешного человека приберу да траву выполю на ней, крест поправлю, ведь скопился весь.

– Ты же ведун, отче? Пошто за христианскими могилками-то ухаживаешь?

– Так ведь люди-то, отрок, токмо одни на земле существа разумные. Кто на восток крестится, кто на запад молится, а все одно, все мы под одними богами ходим. А этот святой человек дюже памятный делами своими. Токмо вот сказ про него долгий, – поправляя крест из лиственницы, отозвался каменотесу Гостомысл.

– Так сказывай, отче, а я пока хворост пособираю да тебя послушаю.

– Ну, тоды слухай, может, опосля потомкам мой сказ передашь о святом человеке из Царьграда.

Гостомысл присел возле древней могилы, выложенной бутовым камнем, и, пропалывая траву в расщелинах между могильных камней, начал свое повествование:

– Издавна в сих местах народы жительствоваали. И было у них государство дюже сильное. И расстилались границы энной державы от Байкала синего до реки Ра, от моря студеного до моря Хвалисского. Жили дружно, на вы не ходили. Последнюю рубаху другу отдавали. Орали³⁰ и сеяли, жали и скот держали, рыбу удил да зверем и пушниной промышляли. Была послана на тот народ благодать Богов наших. Но пришла напасть великая. Колыхнулось море студеное, опустила земля плодородная. Озлел муж к ближнему своему, деля сушу и плодородные земли. И чем поганее становилось, тем злоба возрастала. А как до самого Египиту пришла стужа великая и потопы страшные, так и рассорилась подбожная челядь наша, да и подались Арии куды глаза глядят. Кто на Запад со своими родами двинулся, а кто в иудейские земли ушел. Многие в Китай Тибетский и Дравению³¹ подались. Токмо пророчество волхвов было, что вернуться арии когда-то, ласки не познавши в землях чужих, и образуют вновь великое царствие на землях здешних. А наступит сия пора, когдой на востоке звезда опричная ярким вспыхнет пламенем. То бишь знак это Боги подадут люду плутающему. Тогда и сын Богов должен народиться, который объединит род людской. Да сизнова заживут люди в благодати,

---

³⁰ Орать – пахать землю.

³¹ Дравения – Индия.

как и ранее в согласии жили, и будет это до конца веков. Вот и следили волхвы за ее, стало быть, звезды, появлением тысячу лет, а может стать, и более. Со всех мест земных наблюдали, дабы не проглядеть знамение энта. И на тутошних сопках, где мы с тобою, Никитушко, сейчас находимся, блюли так же волхвы стражу бессонную. Но коротко слово сказывается, да не скоро дело ладится.

Шли годы, века менялись. Многое чего в миру изменилось, и только старцы непорочные все на небо глядели, передавая свои знания пестунам другим. Сколь лет минуло, неведомо мне. Сколь воды утекло, никто не помнит. Токмо позже явился на Жаман сопку святой человек из Царьграда во времена, когда турки позарились на город сей. Дары ведунам подал. Молвил, что шел он многие лета исполнить апостола Матфея давний завет. Одарить дарами братию здешнюю за великую услугу люду христианскому. И поведал он волхвам тутошним историю про золото волхвов, которое с ладаном и мирой три волхва принесли в место, где Иисус родился. А шли они долго на звезду яркую, которая катилась по небу и токмо остановилась там, где младенец в колыбели должен лежать. Обратились они к царю Ироду, мол, укажи, где Царь наш родился. А Ирод жук еще тот был. Отослал он волхвов, а сам всех младенцев и побил, чтоб власть свою не упустить. Алчен да жесток шибко был тот царь иудейский. А потому с тех времен давних всех нелюдей иродами и кличут. Ну как теперича на Руси Иванушку Коломенского* величают. Ведь ирод – он и есть завсегда ирод. Волхвов всех побил. Богу сам молится, лбом бьется, аж пол в евоных палатах трещит, а старца Филиппа удавил со своей верной собакой Скуратовым. Челобитную же к царю, которую старец Божий отписал, что он кровью Русь заливают, обозвал филькиной грамотой, – горько усмехнулся Гостомысл, подымаясь с колен, отряхивая рубаху от травинки и сосновых иголок, и продолжил: – Так вот тут как раз, говорят, проживал энтот волхв, который первым нарощение сей звезды заветной на небесах усмотрел. Передали волхвы нам по наследству знания давнешние да премудрость вековую, а вот дары-то те не сохранились. Зато вот могилка того святого ходока осталась, теперича мы с тобой, Никитка, присматриваем за ней. Да вот еще очаг каменный сохранился, куды ты хворост сносил давеча. Сказывали мудрецы, что дымом с горы нашей и обозначили волхвы заветной звезды появление. Увидали дым другие волхвы и жрецы, принялись дымы с сопки и курганов скифских пущать. Вот так и дошла до Персии и Аравии весть благая. А оттуда уж вышли вослед за звездой волхвы с дарами искать младенца.

Старый ведун обозрел натасканный каменотесом хворост и хвойные лапы. Снял курдюк с тесьмы, которая подпоясывала его рубаху, полил хворост какой-то тягучей зеленой жидкостью. Остальную жидкость оставил в курдюке. Открыл маленький пузырек, всыпал в горловину курдюка серебристый порошок. Положив свое колдовское зелье на еловый лапник, уложенный по верху хвороста, старец отошел в сторонку.

– Отче! Всадники направляются к стану татар. По виду местные, – вдруг шепнул Никита, показывая на восток.

Трое верховых выехали из ложбины, которая разделяла северное подножие сопки с другой маленькой возвышенностью длинным каменистым хребтом, полого спускающимся к берегу озера.

– Ну-ка, погодь, отрок. Давай-ка обождем да глянем, с чем пожаловали к астраханским татарам наши кыпчаки, – решил Гостомысл, откладывая в сторону огниво.

***

Исатай утром встретился с Валиханом, который проживал у сопки Сырымбет. К полудню, объехав огромное озеро Сауманкол по западному берегу и преодолев до рассвета расстояние до Жаман сопки, наконец-то прибыл на место. Проехав по дороге, которая вела через

ложбину между сопками, он выехал на широкое степное пространство. Справа появились очертания озера, и на берегу показались несколько десятков юрт. Рядом паслись сотни четыре лошадей. Дымились костры.

Навстречу всадникам выдвинулись галопом два десятка воинов. Рассыпавшись полукольцом, ногайские аскеры приближались. Исатай и его сопровождающие с достоинством двигались навстречу размеренным шагом. Когда всадники, окружив непрошенных гостей, остановились, Исатай натянул поводья.

– Я, аркар Исатай, приехал говорить с вашим господином, – важно произнес племянник Узун Бека.

Воины, приложив правые руки ладонями к груди, поклонились и, развернув коней, окружив путников, поехали в сторону лагеря.

Глава 28

– Отче, много неведомого ты мне сказывал давече, да мало чего уразумел я.

– Спрашивай, Никита, а я отвечу тебе, коли что неясно. Ведь порой лучше лишний раз спросить, чем невеждой прослыть, скоморохом или шутком пред людьми себя выставить, – согласился старец, внимательно рассматривая происходящее действие у ногайских юрт.

– Вот про Байкал синий ты поутру сказывал.

– Озеро есть такое в стороне восточной. Вода в нем чистая и светлая, прям как очи голубые у красной девицы. Шибко большое и широкое оно. Такое огромное, что с одного берега только полосочку другого берега и видно. Глубину его измерить не хватит воздуха, коль нырять, но дно видно сквозь его воды, как на ладони горошину. А нарекли его люди байским, то бишь богатым. Бай – это, стало быть, богач. А слово «коль» – «озеро» переводится. Вот и нарекли сие озеро Бай-коль. По-нашему, Богатое Озеро будет. Большое и главное, так я разумею.

– А про реку Ра что растолкуешь? – не унимался Никита.

– Да энто проще пареной репы, отрок. То и есть река великая Волга наша. А Ра – ее исконное название, только нынче на татарский ляд перелажено. Ведь у нас изъясняются как? «Направо», «налево» глаголят. А у них талдычат: «солгА», «волгА». То бишь отмежевали татары с ливонцами границы Руси нашей от реки Салка на Балтии до реки Волги. И не смей, русич, далее границ сих соваться. Вот вам граница слева, а вот вам граница справа. Обложили ироды Русь Великую. Но пала ныне Орда да Казань с правой сторонюшки. По другую, левую руку Ливонский орден развалился. Вот вам и солгА-волгА. И дойдем мы теперича, ариев правнук, до озера синего, до самого Байкала. Как и предрекали нам волхвы, прашуры наши, которые звезду опричную в древнем небе разглядели и предсказали возрождение царствия великого.

– Ответь, дядя Гостомысл, и на последний вопрос. А что это за море такое – Хва, Хвал, Хвалское? Али как его? Будь оно неладно! Язык поломаешь, покуда вымолвишь название моря неведомого.

– Да Каспий это, недотепа! Куды наша Ра воды несет, – поучительно похлопал по плечу каменотеса Гостомысл, вглядываясь вдаль. – Кажись, заварушка в стане астраханцев какая-то начинается. Ну-ка, подай-ка огниво, отрок, пора, видно, нам Самурхана Огненного запускать да наших кипчаков из беды выручать, если, конечно, получится вычур задуманный нам сотворить, – распорядился Гостомысл.

Никита сбегал за огнивом к могилке, где лежала сума, и подал старцу.

– Так везде, куды ни глянь, названия татарские-то, отче? А русское где начало?

– Русская речь – она и есть колыбель языков земных. С нее и черпнули воду все народы тутошные.

– А вода тут с какого боку?

– Так она, вода, и есть начало начал жизни бренной. По ней три кита плавают, что землю нашу на спинах носят. Дожди водицей урожай поливают. Реки, моря и озера нам пропитание шлют. И все вечное вокруг нее течет, как водица с ключа студеного. Вода и время точит, камни шлифует. Пожары тушит, хлебушек перемалывает. Да и Иисуса Христа, в которого ты веруешь, Никита, тоже ведь не песком крестили, а водой Иорданской, – передавая вспыхнувший трут каменотесу, закончил старец.

– Ох, и задал ты мне, отче, урок, как будто полжизни грамоте учился, – улыбнулся каменотес.

– Ничего-ничего. Ученье – свет, а неученье – чуть свет, и на бахчу, – пошутил Гостомысл.

– Нароботался я в рабстве на бахчах да в каменоломнях, на весь свой век хватит, – вздохнул Никита и, взглядываясь в сторону озера, без сожаления и волнения заявил: – Кажись, кончают кипчаков наших.

– Поджигай хворост немедля! – завопил Гостомысл на каменотеса.

***

– Я аркар Исатай. Привез тебе наказ из Сары Арки. От благородного Хак Назар Хана, того, кто покончил с междоусобицами в ханстве и стал единым правителем земель наших, в которые ты не с добром пришел. Вот стрелы джунгарские, ими убиты сородичи твои. Остуди пыл свой и уходи. Не прав ты, и покарает тебя Всевышний за деяния, тобой сотворенные, – не слезая с лошади, глядя в глаза одетому в дорогой халат воину, вышедшему из юрты, проговорил Исатай.

– Больно дерзок говор твой, аркар Исатай. Не поплатиться бы тебе головой своей за слова надменные, – схватившись за рукоять сабли, сквозь зубы прошипел ногаец.

– Я только передал слова благородного Хак Назар Хана, который в малолетстве жил как сын у вашего ногайского мурзы. А если хочешь услышать слова мои, то готовься еще и к худшим речениям, которые ты, собака безродная, заслужил за разорение улусов и пролитую кровь моих сородичей. Там Всевышний наблюдает за нашим разговором, он не простит грехов, и гореть тебе вечно в огне адском! – отвернув руку с камчой в сторону, бесстрашно вскричал Исатай.

Окружившие всадников ногайцы взглянули на Жаман сопку, куда случайно указал Исатай плеткой. Астраханцы все еще находились под воздействием животного страха прошлой ночи.

– О Аллах! – разнесся вопль трехсот глоток.

У самого Исатая от увиденного чуда застучали от страха зубы. Над вершиной сопки поднялось огромное оранжевое облако. Оно подобно ядовитому грибу клубилось шляпой в сером осеннем небе и зловеще раскачивалось на тонкой ножке. Постепенно ужасное облако обрело лик чудовища невиданного. А минуту спустя начавшее было развеиваться ветром чудовище вдруг снизу обросло огромными дымовыми кольцами и шарами, которые, как щупальца осьминога, одно за другим вздымались в серое небо.

Перепуганные воины сразу же увидели в них знамение. Кому-то из них мерещилась страшная рожа Самурхана, кому-то – купола мечети, а некоторым – скачущая на них конница с огненными колесницами. Все они один за другим упали на колени и уткнулись лбами в каменистую землю.

Не стали исключением и Исатай со своими проводниками.

– О! Огненный Самурхан, не гневайся! О, просим тебя! – взревели триста три глотки.

Облако дыма внезапно переменилось на серо-белый цвет, и все увидели руку, которая потянулась в сторону ослушников, как бы пытаясь схватить каждого из них и утащить в огонь адский.

Через секунду все бесстрашные воины были уже в юртах. Исатай, прижавшись к ногайскому начальнику, как к родному брату, дрожа всем телом, прошептал

– Не гневи небеса кара-суек более...

– Уходим! Уходим! С восходом нас тут не будет, клянусь, таксыр Исатай!

И только невинные божии создания, лошади, мирно паслись на поле, не обращая внимания на всеобщую панику. В отличие от глупых людей, они не верили в суеверия...

Глава 29

Вогул вернулся из тайги, весь покусанный дикими пчелами, но довольный и счастливый. Поставив на пол берестяной бочонок и улыбаясь, взглянул на кузнеца, который отбивал косу. Рядом с камнем, служившим наковальней, лежало еще штук двадцать ржавых литовок без черенков.

– О-хо-хо! Вот это рожа! Где ж тебя так угораздило?

– Мед собирал.

– А мозгов-то нетути? Дымом нужно было их курнуть из дупла. Шаманом прикидываешься, свой народ дуришь, а бортничать не можешь.

– Думал, на мороз не вылетят. Вон и лед уже в ручье встал. Снег лежит, а они не спят еще, бесы, – растирая распухший нос, оправдывался вогул.

Архип отложил косу в сторону и присел на чурбан, вытирая руки о тряпицу.

– Медовуху что ли задумал поставить? Так в кузне ночью холодно, я же огонь тушу опосля работы, не поспеет, – улыбнулся кузнец, все еще разглядывая покусанное лицо шамана.

– Снадобье сотворю чародейское, что женам бая варил для поднятия утешного духа. Оленину и рыбу опосля поменяю на стойбище в Атлымских юртах.

– Шаман ты, Угорка, багдадский! Всех тебе надобно вокруг перста обвести! Давай-ка лучше браги поставим на меду. Не зря же тебе морду покусали мухи полосатые. Почитай четверть веку не веселился раб божий Архип. Попляшем да побузим малость. А я тебе любовный дух кулаками подниму, ох, и люблю я драться по этому делу! По молодости, помню, супротив троих выходил с дубинами. Только дубины и трещали о хребты тощие, – слизывая мед с пальца, усмехнулся кузнец.

Вогул отобрал у кузнеца бочонок с медом и спрятал его за спину, с опаской посмотрев на кулачищи Архипа, вспоминая, как тот завалил лошадь вместе с ногойским воином. Содрогнулся, представив коваля, сворачивающего, как курице, холеную шею толстого Узун Бека, и, прищурившись, тихо заявил:

– Архип, когда моя тайга пойдет, пляши и бузи. Мне охоты нет на хмельной мед да на тумачи твои напрашиваться. Я не твой баба. А будешь задираться, в медведя превращу.

– Жаль, Угорка, что добром мед не желаешь отдать. Придется силой забирать, – направился Архип к шаману, стараясь преградить ему путь к двери.

– Мне мало надо, остальной мед тебе отдам, – наконец-то сдался вогул.

– Ну, тогда лады. Смотри, не надуй дружка. А то разобижусь. А пошто в медведя меня хотел превратить, а не в зайца или кедровку какую? – вставая, спросил Архип.

– Зайца кормить нужно, проку от него никакого. А косолапого кормить не надобно. Ты зиму всю проспшишь, лапу пососешь, а весной я тебе прикажу мед собирать для меня, – потрогав свой распухший нос, рассмеялся вогул.

Кузнец усмехнулся:

– Шутник ты, однако, – и, представив себя спящим в берлоге, поднеся свой огромный кулак со скрученной дулей к распухшему носу друга, добавил: – Нельзя меня в медведя. У меня лапа в рот не влезет.

– Это ты где железяк-то столько сыскал? – разглядывая ржавые литовки, поинтересовался вогул.

– Так это твои родичи, остяки, приволокли. Они, оказывается, у купцов новгородских меняют пушнину на косы. А неведомо им, остолопам, что косы-то отбивать надобно да оселком править. Помашут по бурьяну да бросят за чум, как затупленную, вроде как за ненадобностью. А потом ждут зимы, когда новгородские надувалы приедут. А тем это и надобно. Литовки-то

легкие, в обозе место мало занимают, а цена велика. Вот на мех и меняют, разбойники. Царь Иоанн запретил им шабриться по Перми, так они сюда обходным путем приладились нырять. Новгород-то вообще Москву не празднует. Все на запад поглядывает да перечит супротив власти первостепенной. А то и католический крест лобызнуть норовит. И под Литву, и под шведов лечь.

– Что означает шабриться?

– Шкуру без пользы тереть. Промыслом черным заниматься, как они поступают. Ну, ничего, пусть сунутся со своим протухшим товаром, враз охладят пыл свой барыжный.

– Опять чудными словами бросаешься?

– Таки тебе прозвище «барыга» не понятно?

– Ага.

– Это от татарского слова «бар», то бишь «есть». Слово «га», как я уразумею, стало быть, «товар», в наличии имеется, но дохлый и никчемный. «Бар», «болгыр» – есть, но не ладен. Вот в сборе «барыга» и слепился, – пояснил Архип.

Внизу лога затыкали собаки и сразу же, радостно заскулив, примолкли.

– Человек, однако, – насторожился вогул, выглядывая из кузни.

– Кого-то на ночь глядя нелегкая принесла на собачьей упряжке, – проворчал Архип, выходя вослед за Угором.

***

Исатай натянул поводья. Перед ним, словно из-под земли, выросли два волхва. Дорога проходила через ложбину, по низине которой еще стелились остатки желтого дыма. Появившиеся люди в длинных белых рубахах были так загадочно страшны, что если бы у Исатая не текла в жилах кровь великого Чингис Хана, то он бы уже мчался обратно к юртам ногайцев.

Переборов в себе страх, Исатай поздоровался первым:

– Селеметиз бэ физзатты адамзат³².

– Добрый день, храбрый воин, – отозвался из желтого тумана старец.

Гостомысл подошел к Исатаю и подал свиток, перевязанный тонким шнурком.

– Отдай Валихану. Это важно.

– Хорошо, отец, я сделаю, как ты сказал.

– Он не должен попасть в чужие руки.

– Не попадет, – заверил Исатай, внимательно взглядываясь в лицо второго волхва, который, словно камень, стоял за спиной старца.

– Похож ты на моего раба беглого, – произнес, обращаясь к Никите, воин.

– Все мы друг на друга похожи. Сегодня он спас тебе жизнь, пуская дым. Вчера я протянул тебе руку, когда ты тонул в Исиле. Небеса указывают тебе навсегда отказаться от забот своих насущных и заняться более важными делами, – загородив собой Никиту, ответил Гостомысл, показывая пальцем на небо.

– Кажется, истину ты изрекаешь, аксакал, – легонько ударив камчой по крупу коня, согласился Исатай. – Керискенше хош болыныз эулие адам. Сау бол³³.

– И тебе не хворать, мил человек, – кивнул Гостомысл, пропуская всадников.

Проезжая мимо второго волхва, Исатай еще раз взгляделся в его лицо. Никита, окаменев от страха, смотрел, не мигая, в глаза своей смерти, которая, проезжая мимо и разглядывая беглого раба с головы до пят, наверное, навсегда оставляла его в покое...

---

³² Селеметиз бэ физзатты адамзат – Здравствуйте, уважаемые люди.

³³ Керискенше хош болыныз эулие адам. Сау бол. – До свидания, святой человек. Будь здоров.

Глава 30

На собачьей упряжке приехал остяк. Вогула как подменили. Он в один миг из веселого босяка превратился в надменного важного шамана.

Остяк привез мешок и, поклонившись, поставил его перед Угором. Кузнец с интересом смотрел за этой клоунадой. Вогул, стоя с покусанной опухшей рожей, словно бай, важно кивал головой, слушая приезжего рыбоеда. Потом что-то ему сказал на своем языке, тот, поклонившись, радостно подбежал к упряжке и, прыгнув на ходу в нарты, погнал собак обратно.

А Угорешка, довольно потеряв руки, схватил мешок и вприпрыжку побежал в кузню. И куда делась надменность и чванство? Он вновь был самим собой. Хитро подмигнув Архипу, вогул присел на чурбак. Развязал мешок и достал оттуда рыбину.

– Нельма, однако. Четыре рыбы. Я сказал, что мало, давай еще четыре.

– А за какие щи тебе рыбу возят?

– За снадобье чародейское, – пояснил вогул и тут же расхохотался, да так звонко, что в кузне ему в унисон зазвенели колокольчиками висящие на стенах железяки.

– Ну ты и плут, Угорешка. Выведут тебя на чистую воду вскоре. Разденут, обмажут дегтем, в пуху вывалят, да погонят оглоблями назад до Багдада.

– Остяк старый, глупый. Молодую бабу взял. Думал, она ему токмо блох чесать будет. А она за ним ходит и просит: «Еще хочу, еще хочу. Ночью хочу, днем хочу». Вот и приехал за помощью ко мне, да мало рыбы привез.

– Неуж отравить задумал свою бабу? – перекрестившись на красный угол, испуганно спросил Архип.

– Глупый ты человек, Архипка. Баба не собака, ее всегда выгнать можно. Я силы мужу увеличу сим снадобьем, – доставая деревянную ложку из-за голенища кисов, гордо заявил вогул.

Он набрал полную ложку меда и положил ее на верстак. Развязав маленький мешочек, высыпал серый порошок в мед.

– Опять грибы свои достал, шаман хренов. Отведает рыбоед зелья твоего да и съест свою любушку, с олениной попутав, – усмехнулся Архип, наблюдая за манипуляциями Угора.

– Не грибы это. Я давеча у китайцев корень мужской, имбирь, выменял. Его и сыплю в мед.

– И что, неужто поможет старому хрыщу эта забава?

– Теперича он за ней бегать будет и голосить: «Хочу, хочу, ночью хочу, днем хочу!» – вновь расхохотавшись, заверил шаман. – Китайцы сказывали, что имбирь так и переводится с языка ихнего – «мужская сила»!

– Вот я сейчас и проверю, правду ли глаголешь. А коли ничего не почую, то по лбу ложкой этой и получишь, колдун-пердун нечесанный, – с этими словами кузнец схватил ложку и засунул ее себе в рот.

Угор даже глазом не успел моргнуть. Облизав ложку, Архип поморщился:

– Горькая, стерва.

– Воду пей быстрее, не то живот лопнет! Сие снадобье водой разводить нужно, оно на семь лун замешано.

Кузнец принял поданное ведро и с перепугу выпил чуть ли не более половины.

Весь день Архип промучился вздутием живота. Все угли в печке поел, всю водицу выпил. И только к полуночи отпустило. Вогул уже сладко спал, наевшись строганины, когда в чум из кузни пришел кузнец.

– Ну-ка двигайся, черт мохнатый, разлежся тут на шкурах, как боярский сын на полатах!

***

Исатай подал Валихану письмо.

– Мудрецы тебе послали. У Жаман Тау встретил их. Наказали лично в руки отдать.

– Хорошо. Спасибо, Исатай.

Валихан вышел из юрты на солнечный свет и, подслеповато прищурившись, отвел послание на расстояние вытянутых рук, прочел его.

Вернувшись в юрту, обратился к воину:

– Поедешь к Аблаю, он найдет способ передать письмо благородному Хак Назар хану. Отдашь ему письмо лично. Оно на арабском, его не каждый может прочесть. Но кому нужно, найдет способ разобрать через толмача, поэтому, Исатай, при опасности его уничтожь, а на словах запомни содержание: «Кучум-хан, убив Едигер-хана, стал ханом Сибири. Джунгары до весны отложат задуманный поход. Так сказали звезды. Гостомысл».

– Слушаюсь, Валихан. Я исполню твою волю. Только разреши заехать на обратном пути к старому Еркену, а тебя пригласить почетным гостем на мою свадьбу.

– Я рад, что ты пускаешь корни на нашей земле. И обязательно буду у тебя почетным гостем. Ты берешь замуж невесту небогатую, но дочь лучшего батыра в прошлом. Еркен ходил в походы с моим дедом Уалиханом и не раз спасал его от смерти, – обняв Исатая, проговорил Валихан.

***

– Ты почто, дурень, меня гладишь?! – заорал среди ночи вогул, испуганно откидывая лапы кузнеца.

Кузнец сел и, прогоняя остатки сна, огляделся:

– Тьфу ты, черт окаянный! Да пошел бы ты в баню со своим снадобьем лещачим! Баба голая пригрезилась. Лезет ко мне. «Хочу, хочу», – ласково шепчет. Вот и лапанул я тебя за задницу, Василиса ты моя Прекрасная.

Кузнец поднялся, накиннул на плечи овчинный кожушок:

– Пойду-ка я в кузню дурь молотом выколачивать.

Глава 31

Великая река Обь гнала шугу. Ледяные торосы напозлали друг на друга и под воздействием холодов застывали по руслу в самом изошренном виде. Малые речки уже давно закрылись. Обские могучие воды, устремившиеся к Серверным морям, казалось, были непобедимы. Но любоваться этим величием у Угора и Архипа не было времени. Пока лед на притоке еще был не очень толстым, они долбили его пешнями, устраивали завесы-запруды, ставили морды.

Архипу в капкан уже попало пара соболей и несколько колонков. Только вот с зайцами не ладилось. Следы были повсюду, а собаки нагнать не могли, да и кузнец набегался до седьмого пота.

– А ты не ухлестывай за зайцем, он сам к тебе прибежит, – качая головой, наставлял его вогул, разглядывая мокрую спину друга.

– Да уж больно проворен, черт, коль в петлю не залезет, не угнаться за ним.

– А собаки тебе на что? Пусть они гонят его, покамест на круг не встанет и опять мимо тебя пробегать будет. Он ведь по своему следу бежит. И собака, и лиса не помогут понять, далеко от них заяц или нет. А коль не могут определить, бегают, пока не надоест, да бросают охоту. Ты сиди себе под березкой, пока он мимо вновь не побежит. Потом палкой кидай по лапам, а там собаки его уже в оборот возьмут.

Утром проснулись от странного шипения.

– Зайка серенькай, зайка беленькай! Под березу скок, меж осинок прыг. А за нем волчок за ушаном шасть, не к нему, ко мне должен в щи попасть! – запрыгал вприсядку Архип, хлопая в ладоши. – Медовуха поспела, Угорка! Ух, и повеселимся мы ныне! Долго играла, весь сухостой извел, пока день и ночь чувал топил. Но выпела. Помнится, летом поставишь в муравейник. Так мураши колоду нагреют, что и печка с чувалом не нужны. Давай-ка ковш носи из кузни, сейчас пенку сдувать будем.

***

Исатай вручил послание мудрецов хану Аблаю.

– Тяжелые времена, батыр Исатай, наступили. В степь пришло известие, что потерпел поражение крымский хан. Пошел он на Московию летом, уверенный в ее слабости и немощи. Семь тысяч янычар получил у османского халифа Селима, ногайцев во главе с Тебердеем Мурзой на свою сторону склонил. Да двенадцать туменов своих крымчаков повел, сам повел, лично. А царь Иван в Новгород еще ранней весной улег с десяти тысячами своих опричников да ждал там, как оно выйдет. Побили урусы крымское войско несметное малым числом. Только один тумен домой и вернулся. Вырезали урусы всех янычар османских. Побили обозы и воинов Дивлет Гирея. Сам хан бежал в Крым без оглядки. В каждой семье теперь горе. Не народить воинов в Крыму лет двадцать и более. А победили войско Гирея опальный воевода Воротынский, воевода Хворостинин да казак Черканишин. Нам же сейчас нужно сделать свой выбор, батыр Исатай. Идти ли к Кучуму служить или нет. Непростая и ответственная это задача – народ за собой вести. А вдруг мы ошибемся? Кучум одерживает одну победу за другой. Он уже подошел к границам Руси, занял столицу Искер. В отместку за смерть своего деда зарезал Едигер-хана. Поддержал Черемисский бунт. Пошел на разрыв в отношениях с царем Иваном. И после поражения крымского хана Дивлет Гирея окончательно сблизился с Бухарой. Он сила. Езжай с добром, батыр Исатай, я знаю, что у тебя скоро свадьба. И велю пригнать тебе сорок лошадей. Это будет моим подарком. Ведь тебе нечем оплатить калым.

– Спасибо, уважаемый Аблай. Доброта твоя не знает границ, – поблагодарил Исатай, прощаясь, и подумал: «Ох, и лиса ты, Аблай, куда ветер, туда дым».

Глава 32

Река, наконец-то, стала. За одну ночь сковало льдом, так как ударили сильные морозы, и только живуны вдоль берега да полыньи посередине Оби продолжали парить в морозном воздухе.

Принесенная осенью глина постепенно превращалась в кирпичи для печи, которую задумал справить Архип. После окончания кузнечных работ он закладывал сырые заготовки, а утром выбирал их кочережкой, уже обожженные.

– Глина не ахти, песчаная, не нашел я тут еще шамота, – ворчал кузнец себе в бороду, откидывая в сторону лопнувшие кирпичины.

– И так дров мало заготовлено, а ты вторую печь задумал, – ворчал на него вогул.

– Тебе хорошо, вона уже две малицы себе наколдовал! Вышаманил у рыбоедов, а мне на своих железяках и одной шубы не заработать. Вот и хожу в дырявом зипуне, как смерд Серпуховский.

– Ничего, скоро новгородцы пожалуют, мы им пушнину сдадим, а там и товар какой выменяем, – заверял Угор товарища.

– Я ловушку давеча для белок сладил, ну-ка глянь, – подавая коробок из тоненьких железных прутьев, похвалился коваль.

– Белка, кедровка попадет, а соболь и колонок – нет, мала ловушка больно, – рассматривая изделие кузнеца, изучая ее устройство, заявил вогул. – А ты для соболя другую сделай. Возьми бревно, чрез него дырку насквозь с полкулака твоих пробей. По обеим сторонам скобки сверху посправь. Чрез них петлю на пружинке приспособь. А входы двумя нитками перекрой снизу вверх, – подавая моток ниток, выменянный еще осенью у китайских купцов, поучал вогул. – Соболю приманку почует, да залезть в дырку не сможет. Станет он нитки грызть. А когда лопнет одна, так пружина и затянет через скобу петлей на шею.

– А сквозная зачем?

– Так другой подойдет, глянет, что перший уже в дырке, и он скорейше свою морду с другой стороны сунет, а там вторая пружина и петля. Так по два соболя всегда и ловить будешь.

Архип внимательно изучал чертеж на полу, прикидывая, как лучше смастерить ловушку, рассуждая вслух:

– Ну, в бревне я, пожалуй, без труда выберу сквозной проход. Скобы тоже не вопрос. А пружинку я все же одну сделаю, с петлей в аккурат посередке на оба конца. А дырочки для нитей, которые сверху вниз пойдут, чуть глубже к середке засверлю, чтоб петля наверняка зверька за шею придушила, а за конец пружинки привяжу. Как нитку перегрызет зверек, так она и потянет петлю под скобу. Хорошая затея, как княжья удавка для вурдалака. Завтра и займусь, – сообразив устройство ловушки, пообещал Архип.

Через неделю у кузнеца уже было изготовлено дюжина поленьев-ловушек. Он усовершенствовал их, выковав и закалив продольную пластину, оба конца которой, вздымаясь вверх, тянули петли, когда зверьки, пытаясь попасть к закладке, перегрызали веревочки. Дело пошло веселее.

Вогул днями промышлял рыбой, а вечерами, при свете лучин, когда кузнец, уставши, отходил от наковальни, мастерил безделушки для местных красавиц на стойбище. Он уже разжился олениной, ощипал и наморозил тушки куропаток.

– Сруб нам бы для бани заготовить. Да топора и инструмента тут днем с огнем не сыскать. В Искер-то никто со стойбища не поедет? – поинтересовался как-то кузнец.

– Пойдет вскоре обоз с ясаком. Мясо, рыбу, шкуры повезут, когда снег на лед ляжет. Пока еще олени не идут по льду, скользко шибко.

– Ну, знамо, они не лошади, а то смотри, коли обоз прозеваем, я и оленей, и тебя подкую, – улыбнулся Архип, – и блохе в раз на все лапы подковы поставлю. А баню нужно рубить, завшивеем до весны. В ушате-то больно не помоешься, только грязь размажешь. Я и веничков навязал березовых.

– А я и смотрю, в лабазе висят, думал, что ты их от тли повесил.

– От тли табак крымский помогает да полынь. Но табак не найти тут, а полыни не заготовили. Помню, Узун Бек табак нюхал. Придет в кузню, сядет, огнем любитесь и работой нашей, а с табакерки в нос подкидывает. Чих да чих. Вот и дочихался, злыдень, свернул я ему башку за женушку свою с дитячком. Продал он мою красавицу вместе с сыночком. Пока к Самарканду шел обоз, ребенка стражник зарубил, плакал дюже громко. Вот так меня и оставил Узун Бек вдовцом. Токмо не простил я ему ничего, – вздохнул кузнец и попросил вогула: – Ну-ка, братец, полей водицы мне на руки. Лицо сполосну, воспоминания более тяжки. Не заросла еще на сердце моем рана, потому и боюсь сам в Искер ехать. На первом же татарине злость свою сорву.

Глава 33

На улейну тойы по случаю создания семьи Исатая и Ботагоз собралась молодежь со всех соседних стойбищ и аулов. Взрослые воины приехали поздравить молодоженов и посмотреть на соревнования желторотых юнцов.

В первый вечер была объявлена игра Алтыбакан – игра-развлечение молодежи, прибывшей на той (праздник). Вечером джигиты и девушки в степи за юртой невесты соорудили алтыбакан (качели: «алты» – шесть, «бакан» – шест). Здесь они пели песни, играли в различные игры, и это веселье продолжалось до полуночи. Ботагоз подносила угощения.

Исатай же сидел за праздничным достарханом с джигитами и почетными гостями в юрте, установленной ему как жениху отдельно в полуверсте от стойбища Еркена. Гости-друзья Исатая готовились к утрешнему сватовству.

У них вечером также состоялось состязание на выявление самого сильного джигита. Оно заключалось в том, чтоб одним ударом руки сломать толстую кость поднесенного вареного барана. Гости по очереди били ребром руки по кости, но она была как заколдованная. И только Валихан, резко ударив, сломал ее с первого раза.

– О! – радостно вскричали все. – Будь сватом нашему батыру!

– Я согласен. Быть сватом у нас означает постоянно поддерживать родственные отношения. Ведь женятся на сто лет, а сватаются на тысячу! Так гласит народное предание, – сказал Валихан.

Валихану в знак уважения Отар поднес вареную голову барана.

До поздней ночи шел пир. Достархан ломился от угощений, ведь от его изобилия зависело счастливое будущее молодоженов.

Утром верхом на конях Исатай с джигитами и почетными гостями двинулись к стойбищу Еркена. Там и засватали Ботагоз, назначив свадьбу на третий день. А пока объявили игры, пир и состязания.

В первый день провели национальную конную игру кыз-куу (догони девушку). В ней участвовали юноши и девушки, которые состязались парами на лошадях полукровных пород. Сначала девушку преследовал юноша, и если догонял, то ее целовал. Потом они менялись местами. Девушка догоняла своего партнера и в случае удачи била его камчой.

Отар подъехал к Исатаю, сидевшему с гостями. Он был довольный и счастливый. Девушка из аула Валихана, подруга Ботагоз, огрела Отара камчой, разорвав при этом на спине безрукавку. Превозмогая боль, он, громко рассмеявшись, пообещал:

– Следующая свадьба моя!!! Ох, как любит! Ой, как любит!!! И губы как цветок!!! И рука крепкая!!!

После обеда объявили соревнования кокпар, в которых приняли участие джигиты постарше. Данное состязание было проверкой на силу, ловкость, меткость, умение держаться в седле. На расстоянии 50–60 шагов от соревнующихся бросили тушу козла. Так и началась борьба за кокпар, которая продлилась до самого вечера. Исатай на взмыленном жеребце, подъехав к юрте невесты, закинул тушу вовнутрь. Он оказался в этой игре самым сильным иловорным.

Наутро был аударыспак – один из видов состязаний всадников на лошадях (жекие – жек ойыны). По правилам этой конной борьбы разрешалось вести за собой соперника только вперед и к себе, также обгонять его, тем самым мешая ему продвигаться. При этом запрещалось применять друг против друга нагайку. Победу тут одержал Отар.

Так и пролетело время на празднике за играми и состязаниями. . . Пришло время ехать за невестой. Ботагоз с подругами сидела за занавесками в своей юрте, а Исатай с друзьями верхом

на лошадях находился снаружи. Девушка пела о своей родной земле, о любви к родителям, о любимых подругах, о счастливом детстве и печалилась, что покидает все это. Батыр утешал ее, пел о том, что ее место займут другие люди, а она обретет новых подруг и родственников.

Исполнять бешатар (песню знакомства) не было смысла, у Исатая не было родственников. Он был счастлив, светило под белым покрывалом и лицо невесты.

Глава 34

– На-кось, испей отвар, – протянул вогул черпак с варевом другу.

– Что это?

– Я хвойник тебе запарил. Вона как у тебя десны кровоточат.

Архип тихонечко пошатал пальцем зуб.

– Мы когда в Беломорье ходили на стругах, с собой капусту квашеную брали, и никто скорбутом не хворал. Глянешь, бывало, на мореходов заморских, а они все как один без зубов, все цинга съела. Видать, яблочки, которые они с собой в море берут, не шибко им помогают, – отхлебывая из черпака варево, вспоминал Архип. – Да подь ты, леший, гадость-то какая! – отдавая черпак с недопитым отваром, поморщился кузнец.

– Все допей. У кедр игла силу дает. Чага кровь меняет. Багульник дыхание лечит. Шиповник желчь гонит, лист брусники воду выводит, – перебирал в памяти вогул лечебные свойства различных растений, которые были основой его целебного снадобья.

– Ага, как имбирь твой китайский, – принимая черпак, рассмеялся кузнец, вспомнив про ночной случай. – Погодь, хоть остынет пуцай.

– Пей жгучий, студеный не пособит. Я много ведаю корней полезных. Заговорам разным обучен с малых лет. Внук шамана я. Все ханты меня знают и верят мне.

– Кто это – ханты? Не слыхивал про таких.

– Дурень ты, Архип, «ханта» – это так остяки любого человека кличут. Поэтому и ты хант, и я хант. А не хочешь быть человеком, так мигом тебя в зверя превращу или рыбу какую.

– Человек, говоришь? А ведь токмо человек душой и одарен Творцом нашим. И токмо он один может выводить из душ других людей бесов да одержимых лечить. Вот ты, скажем, воском отливать умеешь?

– Нет. А как это? – поинтересовался Угор.

– Ну, это когда сглаз али испуг какой напустился. Так бабка меня в младенчестве отливала, когда гусь меня напужал. Плошку с водой студеной сзади над головою держала, меня на порог садила. Да расплавленный воск от свечей церковных лила в воду и молитву шептала: «Господи Исуся Христия Божий. Спаси и сохрани раба божия Архипа. Спаси от сглаза, от испуга, от людской злобы, от соблазна. Пусть вся нечисть и зло растворятся в воде, како свеча. Аминь».

– И что? Помогает? – заинтересовался вогул.

– А то как! Я тогда ночами и орать перестал, и тьмы прекратил бояться. А как воско остыл, так и образ гусиный привиделся, того, от кого я боязнь принял. Я его иголкой-то бабкиной потыкал, воск поломал на кусочки мелкие, а на утро испуг и сошел.

– Ну-ка, – попросил вогул, – давай-ка испытай на мне. Мож, и я узнаю, кто худо Угорке вожделет.

– Тащи сюды соты из лабаза. Я медком побалуюсь, как будто ты меня в медведя превратил, а тебя опосля воском и отолью, – радостно согласился кузнец, давно мечтавший медком полакомиться.

Кузнец посадил шамана на порог кузни и, став позади его, принялся, читая молитву, выливать над головой друга расплавленный воск в ковш с ледяной водой.

Вскоре оба склонились над ковшом. Под воздействием холодной воды воск начал остывать. Края его светлели, а внутри образовалось темное пятно. В центре постепенно проявилось видение всадника, который ехал в противоположную сторону от двух беглецов.

– Батыр Исатай, – охнул кузнец, – тычь его в горб иголкой скорее!

***

Гостомысл, усевшись рядом с лежащим Вторак, нежно гладил его высохшую руку, приговаривая:

– Совсем занемог ты, брат Вторак. Четвертый день не ешь. Токмо водицу и цедишь, да все на свод каменный смотришь.

– Видимо, пришла пора мне в путь-дорогу собираться, брат Гостомысл.

– Может, поправишься еще, отлежишься. А я тебе на ночь ноженьки разотру жиром барсучьим с красным корнем. Медка с редькой тертой намешаю.

– Нет, князь, видимо, не дожждаться мне весны нынешней. А коли Никита соизволит остаться и весной не уйдет, пуцай носит мое имя, как я когда-то принял его от старца Вторака. Да и негоже ему имя носить нищее. Ни кита, ни двора вроде у него нету. Есть у него отныне обиталище, и мы ему семейством доводимся. А забор из китов есть не что иное, как крепость знаний, им обретаемых. Зови его сюда, побеседую я с ним, а ты, Гостомысл, ступай, ступай, занимайся делами насущными.

– Звал, отче? – присаживаясь на лоно возле старца, спросил Никита.

– Поговорить напоследок желаю с тобой, отрок. Все отсрочивал на потом наш толк, да, видать, пора наступила. Ведунами нас кличут люди, потому как ведаем мы разумом мира сего. «ВЕ» – ведать, «РА» – разум всемирный. Сложивши, обретается смысл – Верить в Разум, отрок. Вера же человеческая единая, из дальних времен исходит. А от нее, как дитятки малые, остальные росточки пошли, как корешки от корня вечного, который дуб жизни питает. Живительную же влагу корни доставляют к листочкам зеленым и веточкам. Не будет корня – не будет водицы, засохнет дерево. Поэтому любой корешок люб дубу, каков бы он ни был. Зря князь Иоанн на нас собак спустил. Не вороги мы вере христианской. Со злого навету попов, корней своих не помнящих, гонения на нас затеяли. Ведь ведают они о том, где и когда библейские заповеди и першее слово зародились.

– И где же они зародились, старче? – подвинувшись ближе к Втораку, полюбопытствовал Никита.

– Да тута и зародилось. У русичей и предков их ариев. Вот скажи мне, какой ныне год на земле русской?

– Семь тысяч осемьсот третий окончился.

– Вот-вот, от сотворения мира. И сотворил Господь землю. И летал над водой Дух Святой. Твердь создал, разделив воды. А сколь лет ныне от сотворения мира по Ветхому завету, по которому сейчас иудеи живут?

– Пять тысяч триста тридцать пятый идет.

– Где же тогда земля, Творцом Небесным сотворенная, полторы тысячи лет была? Коли Разум Великий землю сотворил семь тыщ лет назад, а не пять? Значимо, тут она и была! Токмо присвоили себе славу иудеи и гнушаются теперича над резонами предков ариев. Не вожделеют даже и слышать о месте зарождения веры на земле, корня дуба вечного. Коль останешься с братьями моими, возьми имя мое, не гоже бродяжье имя иметь волхву.

– Так имя Никита, люди говаривали, с греческого победителем пересказывается, – не поняв, спросил старца каменотес.

– Ни кита – это ничего. Это отрицание разума, отсутствие знаний, по моему размышлению. Не нищий ты боле духом, сынок. Ведь кит – это кол, вбитый в землю. Из китов состоит стена прочная, град наших знаний ограждающая. Как Китайская великая стена на юге. Как Китай-город в Москве на севере. Эх ты, Ни-ки-та. Сколь жил, даже и не задумывался, про что значение имя своего, – чуть дотронувшись до ноги Никиты, хрипло рассмеялся старец.

***

Исатай, проснувшись, присел на постели. Ботагоз тихо посапывала, закутавшись, как ребенок, в верблюжье одеяло, из-под которого выглядывали только курносый носик, розовая щечка и ухо. Ее серебряная сережка, зловеще мерцающая в темноте, светилась зелеными глазами ювелира-вогула.

Вся спина у Исатая горела огнем и словно была истыкана мелкими иглами. Взяв сосуд с кумысом, он, не наливая напиток в пиалу, прямо из горлышка жадно сделал пару больших глотков. Холодный кисломолочный напиток прогнал дурной сон. Ему пригрезилось, что беглые рабы Архип и Угор тычат ему в спину копьями. Стряхнув остатки наваждения и обняв молодую жену, он вновь заснул богатырским сном.

***

Вогул вернулся со стойбища довольный и жизнерадостный.

– Купцы новгородские с обозом из Обдора пришли к Шеркалке-речке. Да три десятка казаков верховых с ними. До нас им всего один день перехода остался. Провожатого до реки Тагил они ищут, чтоб на Чусовую идти. Я один знаю дорогу. Иного поводыря тут купцы более не сыщут. А я их за шесть переходов доведу, – грея руки у огня, затараторил Угор.

– Казачки – это добре. Новостями поделятся. Может, пищаль выменяю, свинцом да порохом разживусь, – закаливая заготовку ножа, согласился Архип.

– Не уйдешь с ними ненароком, а, Архип?

– Нет, Угорешка, тут мне воля, а там кнут княжеский. Да и некуда идтить-то. Тут стану избу ставить. А назову сие место Изба Сотникова, – пробуя ногтем острие остывшего клинка, проговорил кузнец.

– Коли с купцами в цене сговорюсь, то вернусь токмо с большой водой. Не сгинешь без меня?

– Сам не пропади. Тут ни один день без гостей не проходит. То острогу откуй, то нож поправь, а то крюк для поясного топора смастери. Скучать шибко не приходится. Вот и инструмент рыбоедам в Ескере наказал поискать. Весной собираюсь избу ставить с баней. Найму в помощники остяков. Когда вернешься, лог наш не узнаешь. А ты семенами разживись. Они веса не имеют и место мало в поклаже занимают. Редьки, репы, капусты да ржи привези, – загибая пальцы, наставлял Архип вогула.

Глава 35

Вторак помер тихо. Поутру первым обнаружил кончину старца Никита, который принес ему водицы. Каменотес со вздохом присел на ложе рядом с телом старого волхва. За свои сорок лет много лиха повидал Никита, но эта беда потрясла его, сроднился он со столетним ведуном, как с отцом родимым. Лицо старца было покойно, он улыбался, глядя выцветшими от старости глазами в каменный свод пещеры.

Подошли Гостомысл, Истяслав и Стоян. Истяслав, проведя ладонью по лицу усопшего, закрыл ему веки.

– Тебе, Никита, бъдынъ нести сегодня ночью. Будешь бодрствовать рядом с покойным. Сказывать ему про жизнь свою горемычную, просить, чтоб наставлял тебя на путь истинный да оберегал в жизни брэнной. Кутью с киселем варить да блины печь станет Истяслав. Мы же со Стояном дрова будем готовить к обряду погребения, – положив руку на плечо Никиты, тихо произнес Гостомысл. – Готов ли ты принять имя усопшего и продолжить растить и охранять Древо Жизни? Остаешься ли с нами?

– Да, готов, отче Гостомысл. Клянусь богами, что не подведу вас и не опозорю непорочное имя.

Истяслав и Гостомысл принесли воды. Омыли ноги старца. Мокрыми тряпицами отерли его сухое жилистое тело. Воду слили в большой глиняный сосуд. Переодели усопшего в чистое белое одеяние, положив аккуратно старую одежду в ноги. Там же сложили и немногочисленные личные вещи, деревянную ложку, пиалу, служившую старцу миской, нож и глиняную кружку. Сложив на груди руки, вложили в них посох.

Утром, разобрав камни запасного выхода, вынесли старца из пещеры, положив тело на березовые колья, служившие носилками. Заложили камнями разобранный выход. На месте, где недавно пускали дым Гостомысл с Никитой, уже был за ночь сложен штабель дров. Возложив тело Вторака посредине и сложив его пожитки, которые должны были пригодиться старцу в другой жизни, подожгли дровяник факелами с четырех углов, и, отойдя в сторонку от вспыхнувшего огнища, встали.

Истяслав раздал всем кутью и налил киселя.

– Трапезничайте, братья. Пусть брат Вторак сытым в дальний путь ступает.

***

– Ну-кась, ну-кась, иде тут русским духом веет? – распахивая обитую шкурами дверь, громким баритоном произнес казак с серебряной серьгой в ухе, вошедший к Архипу в кузню.

Кузнец от неожиданности аж молоток выронил.

– Добротно ты тут устроился. И стены в шкурах, и снаружи бревна глиной помазаны. Да и печь вроде русская посредине. Не кузня, а хата боярская, – осмотревшись, усмехнулся второй казак, вошедший следом.

– На этой печи сплю я, братья, когда мороз давит или спину ломит. Проходите, гости дорогие, да за стол садитесь, попотчую вас малосолом колодочным да медком игристым. Уж не побрезгуйте, земляки милые, – радостно предложил Архип.

– Ты как тут очутился, горемычный?

– С рабства убег. Да как по воде спускался до ледостава, так и обжился тут. Меня Архипом кличут.

– Меня Семеном, а его Алешкой, – показав на молодого казачка, представился гость.

– Ну, будем знакомы тогда, – пожимая руки приезжим, улыбнулся кузнец.

– Где же тебя заполонили поганые?

– Под волоком у крепости Царицевой. Сонным сцапали ироды, на аркане и потащили в Астраханское ханство. Тяжко было, день бегу за лошадью, связанный по рукам на аркане, а ночью ноженьки вверх к телеге, чтобы отек сошел. Хорошо молодой был, выдюжил. Четверть века в рабстве провел. Поначалу в Самарканде, куды меня в Астрахани на базаре продали, после – в Бухаре, а потом Узун Бек меня купил да к себе забрал к горе Эйргимень. Там у него владения были, – расставляя миски на стол, рассказывал Архип.

– Почему были?

– Теперь он в загробном царствии гаремом владеет. Кончил я его и убег. Благо с собой во товарищи вогула взял, он-то и довел меня до мест урманых. Я слыхивал, братцы, будто мой Угор в проводники вознамерился к вам?

– Цену ломит, шельмец немалую.

– Угорка таков. Не скинет. Другого-то вам не сыскать.

– Не за тем мы пришли к тебе, Архип. Дело у нас тайное, да дюже полезное.

– Говорите, помогу, чем смогу.

– Разведать нужно, шибко ли крепки стены Искера-города, столицы Сибирского Ханства. Имеются ли на угловых башнях пушки. С какой стороны лучше подступиться к крепости. Сколь высота китов стеновых, высота яра прибрежного какова. Ну и сколь там басурманов Кучумских эту крепость охраняют. Одолели татары, не хотят в мире с Русью жить, набегии устраивают, людей в рабство угоняют. Есть у нас задумка такая – по ушам надавать колченогим. Тока ты более ни с кем не гутарь о просьбе нашей. Купцы не ведают про замысел казачий. На расходы тебе дадим серебра малость. Трать куда потребно, все одно поддельное оно, братьями Строгановыми отлито. В Московии ежели с ним поймают, так руки-то по локти и отрубят, а тут сойдет за чистую деньги, – выставя на стол мешочек, усмехнулся Семен.

Архип, пока слушал, успел почистить парочку увесистых муксунов. Разрезав на ломти, подал Семену и Алеше:

– Угощайтесь, малосол добрый нынче вышел. Токмо хлебушка нету. Я вместо его лепешки из икры щучьей пеку.

– Благодарствуем, Архип, – перекрестившись, поблагодарил Семен.

– Ну-ка, Олеша, сбегай к саням, икона у меня подорожная в поклаже. Принеси ее, а то лико Спасителя уж больно на проводника нашего похоже, – показав пальцем на самодельную иконку, рассмеялся Семен.

– Так вогул ее и писал по своему образу и подобию, – в ответ улыбнулся кузнец.

– А пока Алексея нет, скажу. Придет к тебе человек весной, татарин. Ты ему план крепости и нарисуй, да на словах передай, что разведал, чего видел. Настроения какие у угорских князей. Поддержат ли Кучума силою. А для верности подаст он тебе половинку рубля серебряного, ты со своей половинкой и сверь, – подавая Архипу половину монеты, наказал Семен, – коль сойдется денюга, то это и есть наш посланец.

– Как обоз пойдет остякский, с ним и отправлюсь в Искер. Малицу вогула напялю, да жиром с сажей вымажусь. Соиду за местного, поди, – пообещал Архип и, достав из-за голенища бухарский нож и отвинтив колпачек на рукояти, положил половину монеты в тайничек.

– Бороду да усы побрей, а то уж больно ты с Ильей Муромцем схож, – усмехнулся Семен.

– Ваш-то обоз купеческий где остановился?

– Прошли мы тебя ночью и свернули по речке Атлымке вверх, к стойбищу. Остяки нам поведали, что русский коваль в логу жительствоет. Нам обратной дорогой до Печеры-реки больно долго идти. Вот и решили напрямик к реке Тагил выйти, а там по Чусовой домой вернуться. Поэтому про проводника спрашиваю, надежен ли он?

– Можно верить.

– Через два дня мы выходим. Лошадь возьмешь? У нас казак преставился в пути. Его кобыла.

– Возьму, токмо сено не заготовлено. Не загублю ли ее?

– Она чувашская, сама корм найдет. Да еще, кажись, и жеребая. В дороге гуляла с Алешкиным жеребцом.

В кузню ввалился с облаком пара Алеша, подал икону и отряхнулся от снега. Кузнец поцеловал ее, трижды перекрестился и аккуратно поставил в красный угол рядом со своей самописной иконкой.

– Прежняя тоже пушай стоит. Почитай всю осень и ползимы на нее молился. А на ночлег у меня оставайтесь. Вы от саней да от чумов отдохнете, а я послушаю про Русь Святую.

Глава 36

Бережно собрав среди остывших углей обгорелые остатки костей, волхвы сложили их в глиняный горшок, закупорив пробкой. Поднявшись на вершину сопки, где Истяслав заранее выбрал отдельно стоящее дерево на поляне, ведуну остановились. Дерево было старое, дуплистое от корня, раскинувшее свои огромные ветви шатром. Никита выбрал старую листву из дупла, расчистил его от моха.

– Забери, Перун, в мир свой моего наставника Вторака. А ты, Древо Жизни, сохрани мощи его нетленные и позволь носить имя его, – с такими словами он поставил сосуд в дупло.

Гостомысл оросил корни дерева водой, которой омывали тело усопшего, и, обращаясь к Никите, посоветовал:

– Отлومي ветку малую от древа сего и поставь в водицу до весны. Когда же ветвь коренья даст да листья проклюнуться, вблизи старого древа посади новое, чтобы продолжалась жизнь вечная.

Так и стал каменотес Вторак Малым зваться, хотя и самому-то было сорок годков, но робел он от седины белых и мудрости ведунов старых, как ребенок мелкотравчатый.

***

Ксения давно уже свыклась с холодом и голодом. Может, и преставилась бы она Господу от мук непосильных, так дитячко на руках, Ванюшка семилетний. Как его покинуть на свете этом постылом? Не наложишь же руки на кровинушку свою.

Прошлой осенью кучумцы ночью налетели из-за камня. Ограбив избы, поколов копьями и постреляв из луков взрослых мужчин, собрали они обоз с добычей и молодых женщин с детьми угнали в рабство. Гнали полон поздней осенью, уже и листва опала с осин да берез. В чем застала беда русских людей, в том и гнали. В ночных рубахах исподних да на босу ногу.

Благо, еще загодя в дорогу собиралась Ксения с Ванюшкой до матери в гости, что проживала у места слияния речек Устьявы и Вильвы. Одежда под рукой была, успела Ванечку одеть, пока два татарина по избе шарили. Разрешили, поганые, и ей одеться, только шаль пуховую отобрали. За волосы перетасили через тело убитого на пороге мужа, выволокли из избы, привязали к телеге, запряженной хозяйской лошастью. Так и двинулись в сторону неизвестную.

Девочек-то сразу расхватили, раскупили, не прошло и четырех привалов. Хлопцев постарше увели в городище князя Епанчи, и больше Ксения их не видела. Остальных же гнали вдоль Тагила до Чиги Туры³⁴. Там и продали всех. Ксению с сыном да еще нескольких баб и их ребятишек выкупил за бесценок бухарский купец, который привез их водным путем в Искер с целью продажи. Никому они не нужны-то, сорокалетняя баба да ребенок несмышленный. Разве что на пушнину сменить.

Вот и сегодня у стен города появились остяцкие и вогульские обозы. Торговля шла рыбой, мехом, мясом. Любопытные остяки рассматривали на телегах рабов, которые от холода жались друг к другу.

Богатый татарин-полукровка, пригнавший к стенам Искера лошадей на продажу, подошел к телеге. Купец юлой завертелся вокруг покупателя.

– Балалар якши. Якши балалар, – показывая детишек, поднимая каждого из телеги и тряся перед татаринном, расхваливал бухарский торгаш.

---

³⁴ Чига Тура – крепость близ современной Тюмени.

– Этот! – показал камчой татарин на Ванюшку.

– Еки танге (две монеты).

– Дорого.

– Сколько дашь?

– Половину.

– Якши! Аман! Кидай таньга моя карман! – рассмеялся бухарец, довольный состоявшейся сделкой.

Но тут неожиданно заголосила женщина и, схватив ребенка, прижала к себе. Бухарский купец со всего маха стеганул камчой бабу вдоль спины, а она и не думала выпускать дитя. Он замахнулся вновь, но почувствовал, что кто-то перехватил его руку. Кисть руки, сжатая железной хваткой, захрустела.

– Ай! Вай! – взревел от боли торгаш.

Перед ним стоял огромный остяк в расписной богатой малице, украшенной вороньими перьями по кромке капюшона, обутый в кисы, расшитые бисером.

– Канча турады екиме ба (какая цена обоих)? – спросил, коверкая язык, огромный рыбоед, не выпуская опухшую руку купца.

– Уч таньге.

Остяк отсчитал три монеты, взял под локоть женщину и повел к оленьим упряжкам.

– Э! Э! Тохта! – возмутился уже было купивший мальчика татарин.

Остяк повернулся и, схватив его за кадык, сжал своими клещами так, что любитель мальчиков захрипел, выпучив глаза.

Огромный, как медведь, двухметровый рыбоед рывкнул:

– Шаман я, зараз в чошка оборочу, заколю и сожру, гнида басурманская!

Слово шаман и чошка (свинья) подействовали. Шаманов татарин остерегался и побаивался. Тем более, его мать, чистокровная вогулка, в детстве ночами рассказывала сыну легенды и сказки народов севера. Превратиться в свинью не входило в планы татарина, и он, хрипя и ругаясь, подался прочь...

– Возьми малицу, горемычная, и мальчонку под подол быстро ховай. Да сиди и не пикай тут на нартах, покуда не ворочусь из крепости, – наказал Ксении Архип, протягивая кусочек сахара мальчугану.

Глава 37

Архип вернулся в сумерках. За вторую крепостную стену его не пустили. Все-таки там была резиденция хана. А между первой и второй стенами шла бойкая торговля пушниной. Там вдоволь натолкавшись и запомнив количество башен, высоту стен, число бойниц да кучу других мелочей, кузнец поспешил к своей упряжке.

Женщина с ребенком, укрывшись шкурами, спали на нартах. Тихонько, чтобы их не разбудить, он отвязал оленей от ствола дерева и повел упряжку к речке.

Оставаться у крепости до утра кузнец не решился, путь домой по петляющей реке был неблизок, да и ночевать было опасно. При разведке крепостных стен, проходя вдоль укрепления, он два раза встретился с пристальными взглядами ханских соглядатаев.

При свете луны отчетливо была видна натопанная сотнями нарт стежка. Да и олени знали дорогу к дому, где их ждал ягель. Тут же, у крепости, животным пришлось довольствоваться только мхом на еловых ветках, которые загодя положил на нарты в дорогу Архип.

Махнув шестом и разогнав упряжку, Архип сходу запрыгнул на нарты. Вскоре топот копыт и хруст снега стих, и вновь февральская ночь погрузилась в тишину, только редкая переключка стражников на башнях крепости изредка нарушала покой.

***

– Дядя, большой поход на Русь подготовлен. Наши разведчики докладывают, что в настоящее время на реках Каме и Офэ нет царской рати. Два тумена твоих конников стоят у Чиги Туры и готовы выйти по первому сигналу, – почтено поклонившись, доложил Маметкул.

Кучум набрал в горсть сладости из поданного слугой серебряного блюда, попробовал и, чуть подумав, ответил:

– Нашему Сибирскому ханству в данный момент ничто не угрожает. Если пойдут с востока джунгары, то они завязнут сражениями в Исильской степи. А царь Иоанн уж который год зализывает раны после битвы под Молодью. Он хоть и одержал победу над Гиреем, но потерял пять тысяч немецких наемников и три четверти своего войска. Новым же походом на Русь мы обретем земли чувашей и мордвин, а далее овладеем Казанью, вернем Астрахань. Никто и ничто теперь не может противостоять нашему могуществу, и данным случаем мы просто обязаны воспользоваться, Маметкул. Хан Бухары посвящен в мои планы и подает руку помощи, посылая в подмогу полтумена своих отборных джигитов.

– Но, дядя, мы ослабим охрану Искера, если отправим в поход ногайцев и узбеков, пришедших на помощь для повержения остатков отрядов Едигер-хана. Это ослабит оборону крепости. Среди остяцких и вогульских князей зреет недовольство, – посмел возразить Маметкул.

– Эти дикари никогда не поднимут восстание. Они сами-то меж собой не могут найти согласие, куда им до смуты. Но для верности, мой дорогой племянник, я прикажу вогульским князьям встать летом своим войском на слиянии Туры и Тагила, чтобы быть уверенными в надежной охране западных границ. А ногайцев и узбеков мы кормим и содержим за счет казны, так уж пусть лучше сами ищут добычу в походе.

– Дядя, – продолжал докладывать Маметкул, – вчера днем наши хабарчи приметили подозрительного шамана на торжище, где торгуют пушниной. Он, разглядывая стены и башни, загибал пальцы, скорей всего, считая бойницы. Но с темнотой пропал. Среди приезжих остяков его не нашли. Лазутчики из остяков и вогулов доложили, что вниз по реке ночью ушла одна упряжка из четырех оленей, впряженная в большие нарты для перевозки рыбы и мяса.

Я на всякий случай послал троих воинов на ее розыск. Думаю, с тяжелыми нартами далеко шаман не уйдет, а встанет на дневку у Уватских гор.

– Хорошо, дорогой Маметкул. Какой еще хабар поведает?

– Тысячник Аманжол уличил свою младшую жену в неверности. Как прикажешь с ней поступить, великий хан? Он просит твоего суда.

– Пусть посадят ее в мешок, кинут туда гюрзу и кошку. Когда все будет кончено, скинут в прорубь.

– Хорошо, я передам твою волю, дядя.

Кучум расхохотался:

– А ведь предупреждали толстого Аманжолу, что, если тысячник не будет ходить к своей жене, к ней будет ходить сотник. Пускай в походе на Русь муж и любовник померятся силой. Во время войны наш закон запрещает поединки, тем более из-за женщин. А Аманжолу передай, я оплачу калым за новую жену, когда он вернется с победой и добычей, – хлопнув в ладоши, закончил Кучум.

Из-за занавеси вышел слуга и почтенно поставил перед Маметкулом закупоренный сосуд с ядовитой змеей.

– Кошку пусть поймает сам Аманжол. На конюшне много крыс и бродячих котов. Я приду на казнь. Давно я не зрел таких потех.

***

Первым проснулся Ванюшка. Он высунул нос из-под шкур, фыркнув на морозе, как маленький ежик.

– Что, пострел, проснулся?

– По нужде хочу, остановиться бы, дядька.

Светало. Олени встали. Архип прошел к животным. И пока малец справлялся по малой, поменял среднего оленя, заменив его пристяжным.

– Кинь веток оленькам, пусть пощиплют мох, подкрепятся, – попросил он мальчика.

Мальчуган, вытащив охапку веток из-под шкур, поднес ее к оленям.

– Шустрый ты, однако, – улыбнулся Архип, – у меня тоже сыночек был, Ванечка, да убили его басурмане поганые, – вздохнул кузнец, вытаскивая пищаль из-под спящей женщины.

Та заворочалась.

– Что, и тебя разбудил, красавица?

– Не спала я, боялась сыночка разбудить. Да и как тут шубу откинуть-то? Ведь шаман ты. Чудодей страшный. Говорят, что самоеды вы.

– Ну, коль ты не признала во мне душу русскую, то татары тем более не углядели, – рассмеялся Архип, скидывая балахон малицы.

– Углядели, углядели. Вчерась, как токо ты ушел, двое туды-сюды шастали. Все пальцем на упряжку показывали да спрашивали остяков про тебя.

– Ну, значит, не зря я пищаль в дорогу взял. Правда, недавно мне показали, как ей пользоваться. У купцов новгородских на шкуры поменял. Ну, пару раз я, конечно, пальнул по осине для сноровки.

– Сейчас покажу, у меня же мужик промыслом занимался, знакомо мне огненное дело, и заряжать могу, и сама пару раз по утям пуляла, – похвасталась Ксения. – Ты пока отвернись да заряд достань, а я туды, куды Ванюшка ноне бегал, сбегаю.

Со стороны Искера подъехала упряжка из двух оленей.

– Слушай, белый шаман. Три татара погоня идет. Я другим берегом их обогнал, – затараторил подъехавший знакомый остяк из обоза, с которым пришел Архип к крепости.

– Олени устали, не уйти мне.

– Пошли на Туртас, дальше будет три гора и большое болото. А там Салым-река и Об-река. До Алтымских юрт дойдем, никакой татары не нагонит. На болоте кочка, их лошадь не пойдет, нога ломает.

– А до болота далече?

– День ехать надо, однако.

– Давай, показывай дорогу. А я тебе нож откую, коли от погони уйдем, – согласился кузнец.

Проехав рекой, к полудню обе упряжки свернули направо в притоку. По руслу Тобола к тому времени разыгралась поземка. Здесь же ветра почти не было. Первая легкая упряжка прокладывала дорогу, вторая уже по проторенному следу легко шла сзади.

К вечеру встретился встречный обоз из двадцати упряжек. Остязк, переговорив со старшим, подошел к Архипу.

– Я сказал, что ты есть белый шаман, который гнет огненное железо руками. А татары мыслят убить шамана. Совсем погоня рядом. Мне сказали, что они слышали про тебя и что они пошлют татар на ложный след.

– Погодь, я с мальцом пошепчусь, а ты пока пристяжного оленя заведи, – попросил кузнец попутчика. – Ты, Ванюша, возьми у меня тряпицу, на ней рисунок есть. И деньгу поломанную за ланиту (щеку) уведи. Да садись в первую упряжку. Ежели что с нами худое приключится, остязк тебя до моей кузницы доведет. А там и дядька Угор весной вернется. В конце же зимы придет татарин и подаст тебе половину деньга. Сведишь, отдашь ему сию тряпицу, – шепнул мальчугану Архип. – А теперь беги до остязцкой упряжки, я ему заплатил, чтоб ты с голоду не помер до весны.

– А матушка?

– Не потянут два оленя троих. Дай Бог, не пропадем и мы с твоей маменькой. Ну-ка, давай, Ксения, раба Божия, напоминай, как зарядать эту штуковину, – разогнав упряжку, попросил кузнец. – Чую, нагонят нас твои мучители.

Глава 38

Архип неожиданно развернул упряжку.

– Поедем им навстречу, пусть думают, что мы тожа остяки, от обоза отстали и нагоняем. У нас теперь три оленя, пристяжного нет, сразу не сообразят и подпустят на выстрел, а может, и мимо проедут. Так я им в спину и пальну. Хоть одного да выбью. А уж с двумя, Бог даст, управлюсь. Ну а коль не справлюсь, разворачивай упряжку и гони за остяком по их следу. Я попробую лошадей напоследок им из строя вывести, чтоб не погнались, – объяснил свой план женщине кузнец.

– Пищаль свинцовой сечкой заряжена. Целься так, чтоб хоть двоих зацепило, так мы утей с мужем стреляли. Прицелишься и ожидаешь, покуда в кучу не соберутся, а потом – бах, и штуки три зацепило, – подсказывала Ксения, передавая пищаль Архипу. – Я на полку свежего пороха положила, смотри осторожно, снег чтобы не попал, а то отсыреет.

– Может, сама пальнешь? А мне с сабелькой-то попроворней будет.

– Смогу. Почто не пальнуть. За всех убиенных не грех.

– Вот и стрельни. Тогда у меня руки свободны будут. Шест погонный возьму, он длиннее копья, может, и вышибу из седла одного-другого. Пехом-то басурмане не шибко верткие, они только верхом brave. Только вот следопыты они добрые и вскоре наблюдут место, где наша упряжка развернулась, да воротятся. Поэтому надобно нежданно встретить и бить их тут в спину, – приговаривал Архип, погоняя упряжку навстречу татарским верховым.

Впереди показался хвост обоза. Три встречных татарина, внимательно всматриваясь в лица сидящих на нартах остяков, медленно проезжали мимо. Батыржан, старший разведчик, мельком взглянул на догоняющую обоз упряжку. Действительно, как и предполагал кузнец, увидев трех, а не четырех оленей, он не придал ей значения. Мало ли по каким причинам могла отстать от обоза упряжка.

Оглядев ворох шкур и двух остяков, одного спящего и одного сидящего с шестом, Батыржан легонько стегнул камчой по крупу своего коня, выезжая на протоптанную дорогу. Но проехав метров десять, он внезапно разглядел след от знакомой левой полозьи, у которой была выщерблена льдом еле заметная ямка. Рисунок соответствовал следу разыскиваемой упряжки. Натянув резко поводья коню, так что он встал на дыбы, Батыржан повернул обратно. Его примеру последовали подчиненные, поняв, что разыскиваемый ими шаман обвел их вокруг носа, только что проехав навстречу.

Конь, поднявшись на дыбы, принял на себя прилетевший свинец. Жеребец, захрипев, начал заваливаться набок. Резанул уши грохот выстрела, который эхом покатился по пойме реки. Третий всадник, ехавший замыкающим, был мертв. Заряд свинцовой сечки, впившийся ему в спину, не оставил шансов на выживание. Раненная в круп лошадь, выбив седока из седла, помчалась по снежной целине, таща за собой тело мертвого хозяина, зацепившегося одной ногой в стремени. За ней внимательно наблюдали глаза четырнадцати полярных волков, которые уже пять суток скрытно и неслышно ступали за обозом.

Батыржан, высвободив ногу из-под упавшего коня и выхватив саблю, побежал в сторону Архипа. Всадника, ехавшего посредине, ударило в правое плечо, рука беспомощно обвисла, но он, ловко перехватив копьё в левую руку, разгоняя коня, ринулся в атаку на пороховое облако, клубившееся там, где должна была находиться упряжка шамана.

Олени, испугавшись грохота выстрела, рванули так, что Ксения и Архип кубарем слетели с нарт в снег. Женщина барахталась на снегу, запутавшись в длиннополой малице. Архип же, скинув шубу вогула через голову и оставшись в одной безрукавке, выхватив из ножен саблю,

приготовился к бою. Острые копыя, удерживаемое левой рукой всадника и направленное в грудь кузнеца, стремительно приближалось.

– Левша, будь ты неладен, – с досадой подумал Архип, который рассчитывал, отбив копые, нырнуть под коня.

Держа саблю в правой руке, кузнец на доли секунды растерялся, теперь он был открыт для врага всем корпусом.

В следующее мгновение налетел всадник. Отбив копые, Архип изловчился и со всего маху рубанул татарина по левой ноге, разрубив бедренную кость чуть выше колена тяжелой самаркандской саблей. Нога всадника, выворачиваясь в стремени, закрутилась на внутренних сухожилиях и шкуре, а из огромной раны фонтаном хлынула кровь.

Оставляя широкий кровавый след на снегу, татарин, преодолевая адскую боль, вновь развернув коня, ринулся в атаку. В этот раз он умудрился попасть в левое плечо кузнеца, но и сам вывалился из седла, теряя последние капли крови из перерубленной артерии.

В это время и подбежал Батыржан, прыгнув на своего врага всем телом, навалился на раненого Архипа. Наконечник копыя глубоко застрял в плече кузнеца, и он, теряя сознание от боли, почувствовал, как его перевернул татарин и вяжет за спиной руки. Далее наступила темнота...

Батыржан, связав кузнеца камчой, поднялся, перевернул на спину и, наступив ему ногой на грудь, вырвал копые из плоти.

Архип лежал без сознания. Его жилетка распахнулась, на груди показался увесистый мешочек на шнурке. Татарин опустился на колени и саблей срезал шнурок. Развязав мешочек, он высыпал на грудь бездыханного белого шамана серебряные монеты.

– Бир, еке, уч, – быстро стал пересчитывать Батыржан добычу, – торт, бес, алты, жаттэ...

Но пересчитать деньги до конца ему помешал страшный удар по голове. Батыржан охнул и с расколотым черепом завалился на снег. Ксения, дрожа всем телом от нервного озноба, стояла возле татарина, держа за ствол пищаль с разбитым вдребезги прикладом.

Глава 39

Обоз остановился. Остяки с ужасом наблюдали за бойней, развязавшейся по обоим берегам реки. Их поразили грохот грома зимой и то, что после этого произошло.

Из облака дыма выскочила перепуганная лошадь, таща в стремени мертвого седока. Когда же она достигла левого берега, из прибрежных кустов к ней ринулась стая полярных волков. Вожак с ходу вцепился в горло животного, заваливая лошадь на снег. А через минуту голодные волки уже рвали еще живую лошадь и мертвого татарина.

По правому берегу дымовое облако разошлось, и показалась картина еще ужаснее. Лежавшая поперек санного следа лошадь дергалась в судорогах, периодически пытаясь подняться. На снегу в луже крови лежал мертвый всадник с перерубленной ногой. Другой хабарчи покоился подле белого шамана. А посредине этого месива стояла ведьма в малице с откиннутым капюшоном и распущенными волосами.

Олени кузнеца, напуганные выстрелом, пробежав сажень триста и добежав до остановившегося обоза, встали, нервно дрожа. Перепуганных животных успокоил подошедший остяк – старший обоза. Развернув оленей и прыгнув в нарты, он погнал упряжку обратно. Остальные обозники наотрез отказались даже приближаться к месту боя.

Ксения дрожавшими руками собрала в мешочек монеты и присела подле Архипа. Только сейчас она осознала, что кузнец тяжело ранен и ему необходимо перевязать рану. Аккуратно повернув Архипа на бок, женщина развязала ему руки. Вспоров подобранной из снега татарской саблей безрукавку, осмотрела рану.

Рана была сквозная, но наконечник копья каким-то чудом не задел кость, а прошел через огромную дельтовидную мышцу кузнеца.

Оторвав от своего подола куски ткани и скомкав их в тампоны, Ксения приложила их с обеих сторон, перевязав поверх полоской ткани. Архип пришел в себя и застонал от боли.

– Терпи, казак, атаманом будешь, – улыбнулась женщина.

– Это чем ты его так приложила? – кивнув на мертвого татарина, спросил Архип.

– Пищалью твоей, только вот приклад размозжила ненароком, уж не обессудь.

– Эко меня угораздило-то, не успел увернуться. Ну да ладно, пальцы шевелятся, знамо, поправимся. Добро, что копьё у него не боевое, с широким наконечником, а легкое метательное арабское. Может, и затянется рана. Токмо вот голова кружится малехо, да озноб бьет.

– Крови с тебя много вышло, а озноб бьет, потому что вся рубаха на спине от кровушки мокрая. Давай-ка снимай рубаху, все одно выкидывать.

– С тобою по миру пойдешь, хозяйюшка, – пошутил Архип, снимая рубаху, – отстираю да заштопаю, как домой доберемся. Ну-ка, помоги мне малицу надеть да подняться.

Подъехала упряжка.

– О, ак (белый) шаман! Син улы (ты великий) шаман! Тарсыл и жай (гром и молнии) можешь пускать! – окинув поле боя, коверкая тюркское наречие, восторженно воскликнул остяк.

– Что же могу и гром, и молнии пущать. Так в Искере и Расскажи. Ежели кто сунется ловить белого шамана, того молния и зашибет да волки догрызут, – опираясь на плечо Ксении и усаживаясь на нарты, подтвердил Архип.

– Ну-ка, горемычная, собери оружие да сбрую всю сними с коня убитого. А второго-то споймай, в хозяйстве пригодится. Да по одежке пошарь: у татар, может, что ценностное есть, не оставлять же волкам добро.

– Боюсь я мертвяков, – испуганно возразила Ксения.

– Живых бойся. А у меня от мертвяков заговор есть, опосля научу.

Остяк помог Архипу прилечь правым боком на нарты. Пока Ксения собирала сбрую и оружие, он осмотрел рану. Достал из своей котомки кожаный мешочек, палочкой зачерпнул из него массу желто-коричневого цвета и, намазав ее на тряпицу, приложил к ране. То же самое проделал и с выходной раной.

– Живица и кедровый масло. Заживет как на олене, – улыбнулся он.

– Откель русский язык знаешь? – морщась от боли, поинтересовался кузнец.

– К черемисам ходил, шкуры менял. Река Чусовой тоже ходил. Возьми живица, в пути мазать баба будет. Я пойду, обоз ждет. Поправляйся, белый шаман. Весной с Саматлор Озера к тебе приду. Будешь мне острога делать?

– Ладно! – согласился, усмехаясь, Архип, разгадав истинную причину заботы о его здоровье. – Я тебе даром два наконечника откую, только в Искере расскажи, что я в Атлымские юрты не пошел.

– Латна, ак шаман, – пообещал остяк, – скажу, что ты на Сор Кут подался. Там поверят, все остяки видели, что ты в сторону Обь-еган и Сор Кута ехал. Остякам с обоза я скажу, чтоб тебе живицы давал раны лечить и что белый шаман за это не убьет их громом и молнией. А они мне по три шкуры с каждой упряжки отдадут за то, что я с тобой договорился, – рассмеялся хитрый остяк, показывая Архипу три пальца.

– Ладно, ступай, плут. Коль не помру, то приходи по весне, гостем будешь.

– Латна! – крикнул хитрец и побежал к обозу, как баба, приподнимая руками полы длинной малицы.

– Ну, попадья попадье при набате, ей-Богу, – усмехнулся Архип, посмотрев ему вслед. Упряжка бежала ходко. Архип, морщась от боли, возникающей при периодических наездах на кочки и ледяные торосы, приговаривал:

– Ничего, ничего, голубушка, погоняй. Бог терпел и нам велел.

Татарская лошадь под седлом мирно бежала сзади на арканной веревке.

Вожак стаи, насытившись, лежал на снегу, облизывая окровавленные лапы. Молодые волки еще рвали и таскали по насту останки лошади и всадника. Обоз ушел, а нагнать его утром и идти за ним далее у сытого и матерого жоака отпало желание. Тем более, вторая лошадь лежала на том берегу. Это еще один день сытной жизни. Наступал конец февраля. Скоро молодые самки будут готовы к спариванию. Далее придется выхаживать волчат. Инстинктивно старый волк понимал, что нужно вести стаю назад в тундру. Раньше он побаивался двуногих крикливых существ в длинных шубах, блестящих железом, пахнувших горелым деревом. Сегодня же, отведав человеческого мяса, вожак понял, что эти двуногие твари не такие уж сильные и огромные, как ему казалось раньше. Страх перед людьми, всосанный с молоком матери, пропал. Волк понимал, что через день-два они нагонят две упряжки, ушедшие на север. Так что по дороге в тундру его стая не останется с пустыми брюхами.

Старый волк, посмотрев на месяц, серебром освещающий замерзшее русло реки, задрал окровавленную морду к звездам и завыл. И вся волчья стая, приостановив кровавый пир, последовала его примеру...

Глава 40

Истяслав подошел к Никите, который с любовью протирает пропитанной в хлопковом масле ветошью глиняные таблички с изображениями дворцов и храмов, аллей и каналов.

– Град какой-то античный что ли, отче? – подавая гравюру старцу, справился Никита.

– Да, это самый древний град на севере. Юпитер-град назывался. Ему много тысяч веков, отрок. Эти древние фрески я принес с собой от берега моря Варяжского, где род мой обитал, оберегая сию святыню. Жил древний град когда-то. Люди строили его на века. Берега каналов и рек в гранит облекли. Площади выложили, храмы воздвигли. Опосля по его образу и Афины, и Рим воздвигнуты были. Но пришла напасть великая, поднялись воды морские студеные и затопили сей град. Люди ушли в страны дальние. А град затянуло тиной морскою. Но волхвы тысячу лет ждали и верили, что сойдет вода великая и снова Юпитер-град заблестит своим величием. Десять веков назад послали жрецы Египетские волхвов разведать, не сошла ли вода. Долго шли волхвы. Степями, пустынями шли по одной только им изведанной дороге. Дошли до Ильмень-озера, реками добрались до Нево-озера, а далее и до моря студеного. Остановились на берегу, где из Нево-озера река впадает в море Варяжское. Там волхвы и поселились. Морето ушло, да болото осталось уж дюже топкое.

Но наказ богов и жрецов исполняли волхвы. И в лютый мороз, и в летний зной неустанно рыли они каналы осушающие, спускали торф и грязь вековую в реку. Нашли они строения каменные, колонны античные. Токмо вот одним волхвам не под силу было одолеть силу естества. Как весна, так поглощала грязь и плывун старания их. Постепенно обрасталось сие место маленькими городищами, что поверх земляного слоя строились и возникали. Тогда и послали волхвы челобитную к царю-батюшке. Ушли ходоки в Коломну да так и сгнули. Грамоты их с чертежами улиц и каналов, аллей и парков пропали. Видать, набожный царь побоялся Юпитер-град отрывать и под страхом казни запретил даже говорить о тайне великой. А волхвов, что обитали близ озера Нево, извести повелел. Вдвоем токмо мы и уцелели, сохранив фрески бесценные. Да вот старший Вторак нынче помер. Теперь тебе, отрок Вторак, хранить память о Юпитер-граде...

Гостомысл, слушая беседу, подошел к Никите.

– Ну-ка присядь да фреску к груди прижми покрепче.

И достав серебряный шар на цепочке, качнув его перед глазами Никиты, погрузил его в гипнотический сон.

– Что созерцаешь, Вторак Малой?

– Зрю, град стоит при море. Храмы и колонны, фонтаны и скульптуры каменные, великими каменотесами произведенные. Невиданным доселе искусством отшлифованные плиты. Лестницы из красного мрамора выложены способом невиданным. Колонны высокие чредой к небу возвышаются. Статуи нимф и атлетов крыши сих храмов поддерживают.

– Зри сквозь лета, отрок.

– Потоп библейский всемирный вижу. Много воды.

– Далее.

– Много веков вода кругом.

– Далее сказывай.

– Лед и снег вижу по всему берегу моря и далее к землям южным. Облака летят, свет да темень чередом меняются. Сходит лед, рушит храмы. Колонны кои падают, кои остаются. Ушел лед, вода осталась. Травой порастает, болото зачинается. Грязь да мох все выше и выше. Деревца прорастают по верху мха и превращаются в лес дремучий. А река все несет да несет ил да грязь, при половодье весеннем вновь покрывает сие место новыми слоями почвы. Лице зрю

волхвов, медом попотчеванных и в бане запертых. Мужички в шубах песцовых да шапках бобровых свитки разглядывают. Кладут в сундук кованный. Баня, в которой ведуны заперты, горит. А бояре, что давеча грамоты зрели, уж отравлены лежат.

– Сказывай, что далее сотворится.

– Царь Иоанн долго жить приказал. Смута великая идет. Брат на брата, отец на сына. Чадо малое на воротах кремля удушено. Вижу Настю, покойную дочь боярина Романова, жену благоверную царя нашего с младенцем желанным, коего народ лобзает и на руках носит.

Тучи проносятся, свет с тьмой сменяя. Два царских дитятка в сундуках шарят, играясь в подвалах Тайницкой башни. Чертежи волхвов разглядывают. Да немощен один, преставится вскоре. Второй растет, а как вечер, так найденные грамоты все рассматривает да изучает. Тучи проносятся, свет с тьмой сменяя.

– Далее, отрок, далее.

– Много народу мастерового гонят в места болотные. Копают каналы, болото осушают. Лес пилят. Избы на зиму рубят. Сваи колотят, чтоб плывун сдерживать. Весной паводок смывает строения и затягивает каналы. Опять люд дополнительный согнан. Мор стоит безмерный. Осушенный торф какой сжигают, а какой в реку сплавляют течением. Зрю, каменный град с колоннами и арками, фонтанами и каналами из болота растет. Юпитер-град вновь блистает на севере среди болот и лесов... Восстановивший сию красоту себя императором объявляет, а град нарекает Питерградом. А тем, кто посмеет назвать град старым именем, велит языки резать.

Тут Никита неожиданно захрипел и, задыхаясь от удушья, завалился на бок. Гостомысл подхватил каменотеса и вывел его из гипнотического сна.

– Увлекся я, отрок, чуть нить жизни твоей не упустил. Ты уж прости старца неразумного. Далее аккуратен буду.

***

Кучум выехал верхом со свитой за вторую крепостную стену. Взревели поднятые к небу медные трубы-карнаи, дробью отозвались бубны. Любопытная пестрая толпа замерла в ожидании зрелища.

Из ворот вывели ишака, на котором сидела задом наперед полураздетая девушка. Четырнадцатилетний ребенок с распущенными волосами дрожал от страха. Палач, ведя ишака за веревку, подошел к месту казни. Поклонился хану. И, увидав одобрительный кивок, приступил к своему грязному делу.

– Жена изменила мужу, и, по нашим законам, она умрет страшной смертью! – объявил глашатай.

Вновь завывли карнаи. Обреченную на смерть подвели под руки к палачу и поставили на лежащий мешок. Палач поднял края мешковины. Подошедшие помощники бросили в мешок kota и открытый сосуд с гюрзой. Завязав мешок, палач отошел в сторону. Раздался оглушительный женский визг и рев обезумевшего kota.

Сорок минут длилось ханское развлечение. Кучум, сидя на подушках, вкушал поднесенные ему сладости. Толпа орала от восторга, заглушая слабеющие крики жертвы правосудия. Хан махнул рукой, и подъехавшие два всадника, подхватив концы веревок, направили своих коней к реке. Доскакав до полыньи, они отпустили веревки тогда, когда мешок упал в воду.

Глава 41

Конный разъезд численностью в пятьдесят всадников пять дней назад наконец-то обнаружил следы новгородского обоза, про который давно ходили слухи. Санний след, оставленный им на снегу, вначале шел вверх по руслу реки, но позже повернул к горному массиву Уральского хребта. Разведчики князя Епанчи, упорно преследуя непрошенных гостей, забыв про элементарную осторожность, нагоняли обоз, и с каждой минутой расстояние сокращалось. Да и почему татарам было осторожничать? Они на своей земле. Какой вред им могут нанести купцы? Достаточно и маленького дозора впереди основного отряда. А жажда легкой наживы совсем им затмила ум.

Вогул вел караван с пушниной только ему известными дорогами. Он то спускался в замершие русла рек, то вновь вводил обоз болотами, а потом снова спускался в русло.

Пропустив последние сани и казаков на берег, Угор остался на речке один. Расчистив ногами от снега лед, вытащил из сумы рог сайгака, который подобрал еще в Исильской степи, вычистил его изнутри, проделал сквозное отверстие и приспособил для поиска пчел. Приставляя рог к стволам сухих деревьев и прикладывая тонкий конец к уху, он мог разыскать рои и дупло, которые находились на высоте и скрывались в листве других деревьев. Вогул, опустившись на колени, приложил свой первобытный фонендоскоп ко льду. Немного послушав, он встал, криво усмехнулся, отряхнулся от снега и побежал за удаляющимся обозом.

– Погоня идет за нами, однако. Много всадников, совсем рядом, – догнав сани, в которых ехал Семен, объявил он.

– Работа наша, кажись, началась, – потеряв руки, улыбнулся казак, – ну-ка, Олеша, свистай казачков.

***

Впереди двигался дозор из семи всадников. Татары, внимательно изучив следы, медленно прошли засаду, не заметив укрывшихся в береговых кустах казаков. Но, проехав сажень сто, вдруг остановились. Санний след уходил далее, а следы верховых потянулись в левую сторону.

Старший дозора отдал распоряжение одному из воинов, и он, развернув коня, галопом поскакал навстречу основному отряду. Но неожиданно накинутый волосяной аркан вырвал его из седла, как пушинку. Посыльный, не успев опомниться, оказался в хватках руках казаков. Лошадь же, потеряв наездника, перешла на рысь, а потом и вовсе остановилась. Потоптавшись на месте, она развернулась в сторону головного дозора и, испуганно фыркнув от удара прилетевшего в ее круп снежка, поскакала обратно.

Старший из вогульских воинов, догнавший командира полусотни, заявил:

– Скоро земля вогульского княжества закончится. Дальше каменный лес и угожья Чуди белоглавой. Вогулы дальше не пойдут. Плохой чудь народ, проклятое место. Они проживают в подземном царстве. Стерегут серебро и золото. А ежели какое золото реки водой наверх вымоет, то Дивьи собирают его и назад в землю уносят. А поднявший же с их земли что-нибудь или пришедший сюда незвано обязательно наказан будет. Или гром убьет его, или болото проглотит.

– Всевышний поможет нам, – усмехнулся наивному суеверию вогулов татарский баскарма.

– Боятся люди входить в их каменный лес, – покачав отрицательно головой, не сдавался вогул.

– Еще немного, и мы нагоним обоз, а там домой вернемся с добычей и пленными урусами, – успокоил его командир полусотни.

***

– Так, казачки, слухай сюда. Встанем в три рядка за березами. Перший ряд как пальнет, сразу пищали назад передает. Второй ряд подает заряженные первому. Третий заряжает. А коль после третьего залпа татарин все же поперет, берите в руки бердыши и бейтесь ими, покамест третий ряд вновь не зарядит пищали, – скомандовал Семен.

Отряд воинов мурзы Епанчи медленно втягивался в березняк, поднявшись по санному следу на берег. Вогулы перестроились и теперь двигались сзади татар. Озираясь по сторонам, они, преодолевая животный страх, ехали молча, глядя руками висячие на груди под одеждой амулеты.

Но амулеты не помогли, грянул гром, и пятеро верховых татар рухнули на снег. Одна лошадь забила в предсмертных судорогах, вторая, пытаясь подняться, волочила задние ноги, жалобно издавая ржание. Не успели хабарчи опомниться, грянул второй залп. И вновь, как горох, посыпались на снег верховые. Вогулы третий раскат грома слышали уже на реке, так как, стегая лошадей и выпучив от ужаса глаза, мчались к своим улусам.

– Земляные люди! Дивьи! Чуди! – кричали они. – Простите нас! Мы не пойдём больше в ваши угоды!

Третий шквал свинцовой сечки выкосил еще больше людей, так как в панике воины Епанчи сбились в кучу. На оставшихся в живых конников из лесу ринулись казаки. Да и организованного сопротивления татары уже не оказывали. Первый и последний раз в своей жизни столкнувшись с мощью огнестрельного оружия, они попросту потеряли силу воли.

Головной дозор из шести всадников, вернувшись на выстрелы, увидел кровавую картину. Двадцать четыре их соотечественника лежали на поле битвы. Там же валялись убитые и раненые лошади. Между ними бродили казаки, добывая бердышами раненных татар и лошадей, снимая сбрую с животных и обшаривая одежду убитых врагов.

Пока казаки занимались мародерством, оставшиеся в живых татары вихрем пошли на прорыв через поле боя, рубя саблями направо и налево.

***

Семен сидел рядом с трупом Алеши.

– Да как же тебя угораздило, Олеша. Ведь говорил тебе не отходить от коней ни на шаг. Что же скажу я твоей матушке? Как же я запомнил про дозор их? Видать, разум отняла жадность моя.

С этими словами Семен поднялся, посмотрел на горсть золотых перстней, снятых с убитых, и, размахнувшись, швырнул их в снег.

– Положите убиенных на сани. Тут недалече осталось. Домой повезем, – приказал Семен подчиненным.

Из девяти казаков четверо были убиты, пятеро ранены. Кого спасла меховая казачья шапка, кого доспехи под одеждой.

Глава 42

– С басурманами чего робить, Семен? – спросил подошедший казак, показывая на трупы воинов Епанчи.

– С дороги уберите, да и станется им. Пусть их соболя грызут. Все больше пушнины будет. Бояр-то в думе да сынов боярских по Москве и Новгороду все более и более нарождается. Каждому шубу меховую подавай да шапку бобровую. Кичатся мехом серебряным, в летнюю жару не снимают, важность свою показывая. Выбили ради них, кровососов, зверя по всей Руси, токмо вот в Сибири и осталось промышлять пушной. Да только, братцы, нынче наш промысел дюже хлопотный вышел, – вновь взглянув на труп Алешки, вздохнул Семен. – Коней, что живые, споймайте, а убитых лошадей, что помоложе, на мясо. Да сбруи, седла снимайте, черти неразумные! Шашки, луки, копыя, броню – все в обоз несите. За камнем продадим и семьям погибших поможем.

– Семен, а с этим как поступить? – поинтересовался десятник, держа за шиворот татарина, которого заарканили и повязали еще перед битвой.

Атаман посмотрел в глаза пленному. В них не было ни страха, ни смятения.

– Урус собак! Секир башка! Шошканын Эркэге, – вырываясь и плюнув под ноги Семену, взвизгнул плененный воин.

– Что он сказал?

– Собака ты, Семен, и голову рубить тебе он будет, а дальше что-то про свинью, – перевел казак, удерживающий связанного воина Епанчи.

– Кабан ты выложенный, хряк бесплодный – вот что он тебе сказал, – перевел подошедший купец, пригнавший двое саней из обоза.

– Вот паскудь, а я же его отпустить хотел, – почесав бороду, усмехнулся Семен. – Ну, коли я кабан выложенный, то и ты более балашат не наплодишь. Ну-ка, братки, суй его вниз головой в бочку, что под солониной была. Сейчас мы Кучуму еще одного евнуха изготовим!

Связанный пленник, сунутый в бочку вниз головой, беспомощно задрыгал ногами.

– Шошканын Эркэге. Урус собак!

На снег, паря, шлепнулось семя басурманское. Визг татарина заглушили хохот и свист казаков. Утирая окровавленные руки о снег, казачина расплылся в беззубой улыбке.

– Я бы всю их породу выложил³⁵, дай мне право!

Купец, перекрестившись, зашептал:

– Господи, помилуй! Господи, помилуй! Тати, мазурики, разбойники с большой дороги. Ну и стражу мы наняли. Зарежут и оком не моргнут. Господи, помилуй!

***

Упряжку, в которой ехали остяк с Ванюшкой, Архип с Ксенией нагнали только под утро. Благо, что протоптанный в снегу обозный след для оленей был верным ориентиром в пути.

С рассветом остановились. Пока отдыхали и кормились олени, Ксения, порвав чистую Ванюшкину рубашку, перевязала кропившуюся кровью рану Архипа, предварительно смазав живицей.

– Пищаль заряди, она хоть и без приклада, но может еще сгодиться.

– А я в нее ползаряда заложу, как на утей. Тогда она не шибко взад отдаст, – согласилась женщина.

---

³⁵ Выложить – кастрировать.

– Волки за нами пойдут. Им не взять большой обоз. А у нас две упряжки. Сейчас не пойдут, через день догонят, – уверенно заявил остяк попутчикам.

– Вот свинцом их и встретим. Жаль, рука не работает, я с лука бы помог.

Разомлев на солнышке, перекусив вяленой рыбой, чуть подремали. На отдохнувших оленях к полудню тронулись в путь. Всю ночь шли размеренным шагом, чтоб не загнать животных. Все чаще и чаще начала спотыкаться лошадь, не привыкшая ходить по болотному кочкарнику. Вечером на небольшой остановке, хоть и жаль было, Архип попросил Ксению расседлать пристяжную кобылу, снять седло и сбрую.

– Хорошая порода, грудь широкая, под плугом бы пошла, сеяться весной надобно, да, видать, не моя это добыча, – вздохнул Архип, глядя, как растворяется в темноте силуэт отставшего животного.

Вожак поднял стаю в полночь и, заняв впереди свое законное место, побежал по натопанному обозами следу. Волки, выстроившись в змейку, двинулись за ним.

С рассветом обнаружилась стоянка людей. На снегу кое-где валялась чешуя, остатки вяленой рыбы, окровавленные тряпки и олений помет, которые выдавали недавнее присутствие людей и упряжек. Обнюхав и изучив место остановки, стая побежала веселей.

***

Вогул остановил обоз. Прошел к каменной гряде. Достал бубен и, ударяя в него, начал исполнять какой-то загадочный танец.

Исполнив его, Угор поклонился и поставил глиняный горшок с овсом на огромный пень. Вытащив из сумы берестяную шкатулку с серебряной деньгой, положил ее рядом. Отошел от пня, присел на снег и вновь забил в бубен.

Через час он вернулся к саням, в которых сидел Семен.

– Дивьи разрешили проехать по их угодыям. Обещали, ежели за нами снарядится погоня, запутать следы.

– Так ты же с пнем гуторил! – улыбнулся атаман.

– Вам не дано видеть людей подземного царства. Их голоса и то слышат не все. У меня родные корни по деду. Опосля расскажу, нужно ехать. Татары не простят твоих потех. Догонят, идя по следу.

– Трогай! – крикнул Семен, пододвинувшись, освобождая в санях место для проводника.

Обоз медленно меж камней и деревьев начал входить в Чудьское княжество. Проезжая, атаман мельком глянул на пень и вдруг похолодел от ужаса: горшок валялся рядом с пнем пустой, овса уже в нем не было, шкатулка без серебра лежала на боку. Даже следы вогула на снегу к черному пню исчезли.

– Чур меня! – трижды осенив себя крестным знаменем, шепнул в бороду отважный казак.

Глава 43

– Салым-река, – объявил утром остяк, остановивший упряжки на берегу узкой речки с высокими берегами. – Дальше татар нет, пойдём рекой.

Обе упряжки, свернув с санного следа и спустившись в русло, двинулись дальше. Олени ходко пошли по покрытому настом льду.

Река петляла из стороны в сторону. Солнце светило то в глаза, то сбоку, а иногда и в спину. Порой попадалась, выдавленная на лед из береговых живунов, наледь. Олени спотыкались на ней и скользили. Но другого варианта не было: сквозь лес с его буреломами не пройти, а болото закончилось.

– Краса-то какая, – любясь природой, восхищался Архип.

Он, выросший в волжских степях и проведенный в полоне почти четверть века, никак не мог налюбоваться природой Сибири. Архип залез здоровой рукой в суму и, пошарив в ней, достал кусок вяленой конины, которую выторговал на базаре в Искере. Подал Ксении.

– На-ка, пупок завяжи, красавица. Ведь нынче мясоестие началось, вслед за тем пост наступит, потом токмо шишки и будешь щелкать, да мне отрежь кусочек, что-то в животе засосало, знамо, на поправку пойду, – пошутил кузнец, подавая угощение.

– Ванюшке оставлю, – положив отрезанный кусок за пазуху, ответила женщина.

– Твой Ванька впереди на возу не дремлет. Вон, вся дорога в чешуе, только знай себе лузгает да лузгает, – показав на огрызки чебака на снегу, улыбнулся Архип.

– Как бы с животом потом не маялся, наголодался на татарских харчах сынок, хуже собак кормили. Кинут детишкам кости обглоданные, они в драку. Кто поспел, тот и съел, остальные ревут, душа раздирается, а нехристям забава. Ты-то пошто нас выкупил?

– Жалко вас стало, вот и выкупил, своих вспомянул, что узбеки порешили. Да ты не бойся, я до баб не падкий. Самой решать, что далее делать будешь. До весны доживешь, а там с Ванькой с новгородцами уйдете за камень. Они частые гости в наших краях. Тут по воде дорог много, хоть в Китай плыви, хоть на Мангазею гребь. От нас по Оби до Сосьвы-реки через зырян да коми пройти можно, а там и до Камы недалече.

– Я и не из боязливых. Мой, когда замуж меня взял, бить приноровился. Как загуляет, так и кулаками махать норовит. Терпела, терпела, а потом взяла ковш дубовый и на голове его поломала.

– И что?

– Как бабка отшептала.

– Станный вы, бабы, народ. Бьет мужик – голосите, не бьет – значит, не любит, вы вновь в слезы.

Нарты, наскочив на ледяной торос, подпрыгнули. Архип поморщился от боли.

– Болит?

– Терпимо, только рука плохо слушается.

– А что за мазь тебе дал остяк?

– То живица, смола кедровая. Ее они собирают для того, чтобы раны оленям и собакам лечить. Теперича я заместо оленя, – горько усмехнулся Архип.

***

Вожак стаи остановил свой мерный бег и повел носом. Ветерок принес слегка уловимый запах конского пота. При свете луны, освещающей мерзлое болото, виднелся силуэт лошади,

мирно щиплющей траву меж кочкарника. Сглотнув набежавшую слюну, он бросился вперед. Остальная стая, взяв бедное животное в полукольцо, не оставила ему шансов на выживание.

Но повысило шансы оленьим упряжкам, давая еще одни сутки им на спасение.

***

Мурза Епанчи, узнав о гибели дозора, пришел в ярость.

– Догнать! На куски порезать собак! Немедля выслать погоню! Все, что обрежете ниже пояса, собрать и скормить собакам на площади в Чиге Туре!

И уже через час отборная сотня в ночь ушла по Тагилу на север. Взяв по две пристяжных, они практически за ночь и световой день должны были нагнать новгородский обоз. Отряд состоял из Кучумских узбеков, приданных Епанчи для содержания в страхе и повиновении местных вогулов.

И действительно, проскакав ночь и световой день, они нашли место сражения. Запорошенные трупы с лицами, обгрызенными куницами и колонками, лежали по обеим сторонам санного следа.

– Алга! – взревел командир сотни, выхватив саблю, и сотня, перейдя на галоп, двинулась дальше.

Следы обоза, петляя меж берез и осин, валунов и сваленных деревьев, уходили на запад. Головной разведчик, увидав конский помет, спрыгнул с коня и, воткнув в него палец, громко доложил: «Теплый! Рядом, собаки неверные!»

Но неожиданно, подойдя к каменной стене, след уперся в отвесную скалу. Командир сотни не поверил своим глазам: обоз вошел в камень. Разослав в разные стороны воинов для поиска следов, командир спешил. Он подошел к каменной скале, потрогал ее руками, взглянул вверх, осмотрел каждый выступ. За период службы баскарма никогда не встречался с таким чудом.

– Следов нет нигде, – развели руками приехавшие из поиска хабарчи, – шайтан их поглотил.

Глава 44

Не разыскав следов обоза и приняв решение идти в обратный путь, Разимурад ехал в раздумьях. Множество рассказов слышал он про людей, живущих в каменных скалах. Дивьи – люди, которых никто никогда не видел, слыли злыми колдунами, сбивающими путников с пути, путавшими следы. Они были ранее частью угорских народов, но, скрываясь от преследования могольских орд, ушли под землю и в камни Уральских гор. Вогулы рассказывали, что сумевшие вырваться из их чар навсегда забывали то, что с ними случалось во время нахождения в плену чар Чудьского княжества.

Разимурад внезапно остановил коня, присмотрелся. Свежие следы обоза проходили уже через заметенные следы и, пересекая путь конной сотне, шли на юг. Проехав по ним несколько часов, узбекские воины вновь уперлись в знакомую уже каменную скалу. Развернув коня, командир сотни стегнул в панике коня камчой и ринулся обратно. За ним поскакали остальные. И вновь впереди показалась та же самая каменная скала.

– Мы ходим по кругу. Темные силы водят нас от камня к камню. Я не могу найти выход из этой западни, – объявил Разимурад своим десятникам.

– Выход есть, таксыр, нужно принести в жертву коня, напоить кровью каменных людей, дать им свежего мяса, овса, и тогда они смогут отпустить нас, – предложил один из десятников, показав камчой в сторону черного пня, на котором лежал пустой глиняный сосуд.

Так и поступили. Прочитав молитву, принесли в жертву молодую не жеребую кобылку. Наполнили горшок кровью, а нарезанное мясо разложили вокруг пня. Рядом поставили полную торбу ячменя. Разведя костры, остановились до утра отдохнуть.

Ночью разразилась метель, которая напрочь замела все следы. Утром же Разимурад, взглянув на черный пень, обомлел. Перевернутый горшок и пустая торба лежали у пня, от мяса ничего не осталось. Следов никаких не было, зато четкий санный след проходил через место бивака и терялся в заснеженном редколесье, указывая направление пути.

– Поднимайте воинов, седлайте коней, нам пора в дорогу, – дал команду десятникам Разимурад.

Ночью узбеку приснился странный и вещей сон. Будто лежит кайбаша* на поле боя мертвый. К нему подходит человек с седой бородой, в белом одеянии, и, посмотрев на Разимурада, старец, опершись на посох, изрекает:

– Воин, ты семь лет не был дома. Твои дети уже выросли, а три жены твоих ослепли от горя, выплакав глаза. Отца забрал Аллах, а мать была вынуждена отдать твоему младшему брату отцовские сады и пастбища. Я направляю тебя и твоих воинов домой. Весной сюда придет белый хан, и, если ты не уйдешь, вот твоя и твоих нукеров участь, – показав рукой на поле боя, объявил ведун.

Разимурад осмотрелся. На берегу Туры догорала крепость Чиги Тура. Все поле было устлано трупами воинов Сибирского ханства.

Старец исчез так же внезапно, как и появился.

– Но ты не станешь изменником, если уйдешь, так как сразишься с передовым отрядом джунгар, которые идут скрытно на Искер. Тем самым спасешь Сибирское ханство от нападения, – все еще звенел в ушах голос старца.

Отряд прошел по обозному следу два световых дня. Лес не заканчивался. Впереди открывался сказочный тоннель из заснеженных деревьев, которые огромными арками нависали над дорогой, а пропустив отряд, колдовской лес выпрямлялся и вставал мертвой стеной.

Разимурад вел сотню по следу, все чаще и чаще вспоминая сон, приснившийся ему в первую ночь. На четвертые сутки след вывел в степь. Замершее русло незнакомой реки, петляя, вело его сотню в неизвестность.

На пятый день, проехав очередной поворот, воины увидели перед собой двух всадников.

– Уран! – громко произнес встречный джигит.

– Салам аскар. Мое имя – Разимурад, мой род идет от внука хана Мира Хубилая, что правил Китаем. Да будет свята его память.

– Я аскар Исатай, приветствую тебя на нашей земле. Если с миром идешь, будь моим гостем, – показал всадник на берег, где стояли юрты.

– Благодарю тебя, Исатай, мне и моим людям не помешает отдых.

***

Упряжки остановились при выходе на Обь. Ксения с сыном, взяв топор, пошли рубить хвойные ветки оленям, на которых был ягель. Остяк перевезал рану Архипа, наложив свежую повязку.

– Если волки догонят, возьми это, – подавая кузнецу семь кусков замершего жира, распорядился остяк, – и кидай им под ноги.

– Травленное?

– Нет, там внутри китовый ус. Он скручен в теплом барсучьем жире и заморожен. Когда волк его проглотит, то жир в брюхе растает, ус распрямится и проткнет кишки. Волк подохнет. Мы так оленей в тундре бережем от них.

– А больше нет?

– Нет. Дальше рубить саблями будем, стрелять из лука.

– Ага, особенно я одной рукой.

– Поэтому я тебе жир дал. Старые волки бросятся на нас, а молодые отстанут. Я отдам им оленя, а ты жир кидай на дорогу. Пока взрослые оленя грызут, молодых не подпустят. Они и сожрут китовый ус. Все меньше волков останется.

Действительно, к вечеру их нагнала стая волков. Но упряжки уже вышли на просторы Оби. Вожак, поджав уши, несся первый. За ним летела доминирующая самка, а далее – вся стая.

Обойти упряжки сбоку не давали ледяные торосы, пришлось волкам нападать сзади. Но неожиданный свинцовый заряд, прилетевший от нарт, скосил вожака и самку, покалечив лапы еще трем зверям. Остальная стая, перепрыгнув через раненых и убитых сородичей, продолжала преследование. Остяк отпустил пристяжного оленя, сходу ударив его по ногам погонным шестом. Олень захромал и начал отставать от упряжек. Стая, догнав его, вцепилась в животное мертвой хваткой.

Архип, держа саблю здоровой рукой, приготовился к нападению. Он совершенно забыл про куски замершего жира. Стая, расправляясь с оленем, вновь отстала, давая путникам передышку.

Глава 45

Гостомысл, сидя на своем ложе, выстругивал заготовку для деревянной ложки. Истяслав со Стояном перебирали сушеные ягоды. Никита же пошел проверить петли, поставленные им на зайцев.

Погода уже устанавливалась весенняя. Снег местами почернел и осел. Появились небольшие проталинки. Кое-где на солнечной стороне сопки принялись набухать на ветках деревьев почки. В это время как раз начинается гон у зайцев. Бегая друг за дружкой и набивая тропы в рыхлом снегу, ушастые зверьки носятся по ним, совсем не обращая внимания на опасность.

Этим-то и воспользовался каменотес. Расставив петли на тропках, он каждое утро после трапезы уходил проверять ловушки. На смастеренных коротких лыжах Никита шагал вдоль тропы. Он уже снял двух удушенных косых и, поправив ловушки, собрался домой, как вдруг раздалось карканье ворон вблизи дороги.

– И с чего это всполошились, разбойницы? – пробурчал в бороду каменотес.

Но топот лошадиных копыт, ржание, фыркание, ляг доспехов и оружия заставили его присесть и скрытно наблюдать за происходящим.

По дороге двигался вооруженный конный отряд. Всадники, мерно раскачиваясь в седлах, выглядели как-то неестественно в утреннем тумане. И если бы не открытые глаза воинов, то Никита принял бы их за спящих или покойников. Отряд, похожий на тень, проехав походным шагом между сопками, вскоре исчез в пелене снежной степи, а Никита, подхватив двух пойманных русаков, быстро побежал на лыжах к своему жилищу.

– Надобно Валихану отписать, что пришла сотня узбеков, – выслушав Никиту, принял решение Истяслав.

И уже через час над отрядом-призраком пролетел голубь с маленьким свитком на одной из лап. Опережая конников и разнося хабар по необъятной степи, почтовая птица устремилась к ютам Валихана.

– Отче, а зачем узбеки тут? – поинтересовался каменотес.

– Силы татарские мы оттянули от Чиги Туры. Весной там битва затеется. А джунгарские разведчики уже снова у святых могил встали. Ежели кипчаки с узбеками объединятся, то не пройдут джунгары на север, а повернут на Бухару и Самарканд. Вот, стало быть, мы людям русским и поможем энтим. Не будет нынешней весной подмоги Кучуму из Бухары.

– Каким русским? Нет тут душ русских покамест, отче.

– Нет, так будут. поход затевается супротив Кучума. Пока он к Казани югом двинется, Русь с севера и ударит. Хватит набегу устраивать да людей русских бить.

– Да ведь, отче, с воинами попы и опричники придут. Куды потом нам идтить-то?

– На кудыкину гору, отрок. Мы для того и живем, чтоб русскому люду помогать. Чтоб расцвела красою сторона словен и ариев. А что с нами опосля станется, то это неважно, боги наши за нас определили участь каждому.

– А откель ведаешь про все это?

– Дар мне даден ведать про настоящее, а про будущее ты мне подсобляешь, отрок Вторак.

***

Ксения озорно улыбнулась.

– Слушай, Архип, а почто ты без усов да бороды? Словно и впрямь шаман белый.

– Сбрил я их, чтобы в Искере татары не приметили.

– Трунишь? Я ведь в тебе русского еще на базаре признала.

– И как это ты сподобилась, матушка? – усмехнулся кузнец.

– Зрю, идешь ты, как гора, плечами татар толкаешь. Руку левую прижал к боку, словно саблю придерживаешь. Так что и бритый ты не похож на остяка или татарина косолапого.

– А с какого лешего я косолапить-то должен? Я же три века кряду, как они, на шее русского Ивана не сиживал, – рассмеялся от своей же шутки Архип.

Рассмеялась и Ксения, рассмеялась, забыв про горе и невзгоды.

Упряжки шли Обью. С левой стороны прошли виднеющееся русло Иртыша. Русло тут расходилось широко. Правый высокий берег возвышался над великой рекой, а левый, низкий берег, покрытый снегами, маячил в тумане. Яркий свет луны освещал огромную пойму реки.

– Действительно, Об! – оглядывая просторы, воскликнул Архип.

– Ты про что?

– Об. У таджиков так вода зовется. А тут весьма много об. И свобода! Ни князей, ни бояр тебе. Юнцом на Волге жительствовавал, думал, там воля, а теперь понимаю, что здесь она, милая.

– Так какая же это воля, коли нехристей кругом, как дерьма за баней? – поежившись от мороза, подала голос женщина.

– Остяки да вогулы мне не помеха, а узбек Кучум без Казани рано или поздно скатится в степь, где его раздерут, как шелудивого кота, джунгары. Да приспеет сюда люд вольный и будет жить без царской милости и кнута опричного.

– Ох, и песнь поешь, будто мед пьешь. Да где же оно видано, чтобы без кнута людишки жили? Не вериться мне чтой-то. Свято место пусто не бывает, заживете вы вольно, а тут царевы холопы за оброком и наведаются.

– А вот и паскудники нагоняют. Явились, не запылились, – показав пальцем на черные точки в конце убегающей колеи, объявил кузнец, вытаскивая куски жира.

Волки, справившись с оленем и потеряв вожака, бежали уже не дружной стаей, а голодной сворой, постоянно завязывая меж собой стычки в борьбе за первенство. На ходу проглотив брошенные на дорогу куски жира, они ринулись дальше.

Но уже минут через пять самые сильные и проворные, которым досталась наживка, стали отставать от стаи. Китовые усы, свернутые в спираль, развернулись в их желудках, проткнув насквозь внутренности зверей. Осталось в живых всего четыре волка. И, понимая, что дружной стаи уже нет, волки, пробежав немного за упряжками, остановились и, развернувшись, потрусили к умирающим сородичам.

Их они съедят завтра.

Глава 46

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Семен, отряхнувшись от снега в сених, открыл дверь в избу.

– Мое почтение честному люду, – поздоровался казак, поднося ладони к теплой печке.

– Семен вернулся! Ай, молодец! Ай, вовремя! – поднявшись из-за стола и раскрыв объятия, кинулся к нему казачий атаман Богдан Брязга. – Ну, рассказывай, что разведал в краю сибирском? Как Кучум-хан? Крепко ли сидит на ханстве своем?

Семен прошел к столу, присел на лавку, бросив шапку на столешницу.

– Обошел я, братья, почитай, все Сибирское ханство. Городище Искер, или, как его сейчас нарекли, Кашлык, не бачил, каюсь. Да и опасно открыто явиться опосля того, как Маметкул посла царева Чебукова убил. Но разведать наказал я надежному человеку. Более того скажу, настроения средь остяков и вогулов разные. Коим не нравится хан Кучум, кои ему чуни лобзают. Имеется и поверье у многих народов, что раньше у них был белый князь на правлении. Справедлив был, людишек своих не забивал. Вольности давал всякие. Кучум-хан его убить хотел, да утек князь за камень. Но должен возвратиться с войском огромным и освободить народ угорский от ясака непосильного, Кучумом наложенного.

– Вот и хорошо. Нам бы человечка из рыбоедов подговорить, чтоб этот сказ про белого князя да про каменные стрелы невиданные, которые гром и молнии извергают, крепости громят, разнес по стойбищам. Да вселить надежу, будто князь этот на Кучума скоро пойдет, чтоб люд сибирский освободить от его ханства.

– Есть один вогул-шаман, дже смысленый, как раз он пушнину выменял да назад сбегается. У нас проводником был. Ох, и хитер, шельма! Но проверенный, в полоне был узбекском, бежал, да не один, вывел товарища казака, который и должен разведать крепость Кашлык. А пойдет он назад с моим крещеным татаринном, который, вернувшись, принесет к лету план острога Кучумского.

Атаман Иван Кольцов, до сих пор сидевший молча, развернув свиток, обратился к присутствующим:

– Я вот так разумею, братья. У Гришки и Якова Строгановых жалованная грамота, государем дадена. На двадцать лет им льготы жалованы. И разрешает сия грамота завоевание Сибири на Тоболе, Иртыше и Оби. Послушайте, что им Иван пишет: «Где пригодится для бережения и охочим на опочив крепости делати. Как отойдут урочные лета по жалованным грамотам лгото, и чем наши писцы опишут и оброк наш на вас писцы положат, и вы б те ваши оброки возили к нам на Москву».

Голос подал до сих пор молчавший атаман Никита Пан:

– Им сия грамота на семь лет дадена. И если поход не снарядят нынче, то отберет государь ее да другому охочему отдаст. Потому и спешают снаряжать Максим и Семен Строгановы нас для похода. А Никита, сын Григория Строганова, не желает похода, владения-то его далече и набегам не подвергаются.

– Думаю, что к лету соберемся для дела желанного, как раз на Семенов день и выступим. Это в честь нашего отважного лазутчика, – рассмеявшись, хлопнул по плечу Семена Иван Кольцов. – А теперь, братья, тащите суды плененного Кутатаба, дворецкого Кучумовского. Дадим ему дары для хана, уняв этим бдень их. Вскоре должны вернуться атаманы Ермак и Гроза от Максима Строганова. Максим уж и струги наказал нам к лету выделить для похода.

***

К середине весны пошел слух среди вогуличей и остяков о белом князе, собравшем войско для того, чтобы освободить их землю от узбека Кучума. Нес эту весть шаман, который на каждом стойбище рассказывал о великом князе, несущем вольность народу своему. С шаманом шел в Сибирь татарин из местных, он тоже подтверждал сказанное, заверял, что сибирские татары не пойдут служить узбеку и встретят белого князя как повелителя.

По снегу и замершим рекам успели шаман с татаринком пройти до Сосьвы-реки, с половодьем двинулись на Обь.

***

Архип, раскидав ногами снег на крыльце, толкнул и открыл дверь в кузню.

– Ну, проходите, гости дорогие, – предложил кузнец Ксении и Ванюшке, – токмо вот не топлено, простыла насквозь кузня моя. Сейчас я поленья принесу да огонь высеку.

Хлопнув легонько по затылку Ивашку, он попросил сбежать и надрать с поленьев коры на растопку.

Вскоре печь загудела. По кузне разошлось тепло.

– Давайте все на печь! – приказал кузнец. – Отогреемся опосля долгой дороги.

Ванюшка первый сиганул наверх и, укрывшись шкурами, вскоре уже сопел своим курносим носом.

– Баньку я еще не поставил. Но ежели воды нагреть в казане, то можно в углу за печью купель княжью изготовить. Самим помыться, да и вещи кой-какие постирать.

– А вода где?

– Утром снега наносим. А опосля сходим с Ванюшей майну пешней на речке продолбим, там и будем брать. Сейчас я до лабаза сбегаю, принесу запасов, пир устроим по случаю прибытия нашего.

Пока кузнец выбирал, что взять на пир, Ксения веником и тряпкой убрала тенета, пыль по лавкам вытерла.

Осмотрелась. Кузня была рублена из березы. Русская печь мазана глиной. Верстак выструган умело, печь для нагрева железа около него. Самодельные восковые свечи освещали все убранство. Единственно не было в избе-кузне окошка. Были и сени небольшие. А входная дверь открывалась вовнутрь, не так, как у пермяков – наружу.

Она, осматривая устройство запоров двери, не заметила, как подошел Архип.

– Это чтоб выйти опосля бурана. Откапывать дверь тут некому, так и просидишь до весны, покуда снег не растает, – пояснил кузнец, заноса припасы.

– А коль зверь какой носом пхнет, да дверь и откроется?

– На зверя собаки есть, да запор листовный любой натиск выдюжит.

– Ты завтра куды-то собрался? – разглядывая занесенные лыжи, заинтересовалась женщина.

За собаками и лошадью днем пойду. Отдал я остякам на кормление их, пока в городище ездил. Ты без меня не робей. Я на следующее утро вернусь.

– Так как же тут не робеть среди леса столетнего? Вдруг медведь придет или еще кто.

– Медведь еще спит. А для еще кого пицаль у нас имеется. Я за ночь приклад смастерю да прилажу. Ружье мне не к чему, уж больно хлопотно с ним, мне и остроги да сабли хватит. Я на лыжах туды-сюды быстро обернусь.

Ксения, пока Архип, морщась от беспокоившей его боли в плече, выстругивал заготовку для приклада, нарезала оленины, растопила кусок льда, лежавший в снях, и вскипятила воду.

– Возьми на полке мешочек, там шиповник сушеный, завари, – кивнув головой в сторону печи, посоветовал Архип.

Глава 47

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Ермак и Иван Гроза прибыли от Максима Строганова за полночь.

Собрав атаманов, Ермак рассказал о своей поездке и о сговоре с Максимом.

– Я, братья, сторговался на восемьдесят стругов, какие они соберут по Каме и Волге, кои построят к лету. Скажу еще. Семь лет назад тайно встречался я с боярином опальным в Иосифо-Волоколамском монастыре, Федором Ивановичем Колычевым, по прозвищу Умной. Но это дюже таинское дело, братья. Потому попрошу тебя, Семен, выйди в сени, обойди избу да не пушай никого, пока мы тут пошепчемся. А опосля тебе Богдан перескажет, что мы порешили.

Семен кивнул, накинул полушубок и вышел на улицу. Обойдя избу, встал на страже у дверей так, чтобы было видно и оконце.

– Подымал вопрос пред думой государь наш, чтоб прекратить набеги из-за камня. Да не поддержали думские толстосумы сие желание. Кто испужался с Кучумом отношения испортить, кто ослабить границы с западом, а кто еще со времен Казани долговыми обязательствами повязан с татарами. Те-то не дремали – и на подарки, и подношения были весьма щедры. Токмо щедрость эта вот чем обернулась. Долг-то платежом красен, вот и идут на измену ради мошны своей бояре наши. Решают они в думе не о помощи государю, а как волю татарскую исполнить. Как говорится, по государеву указу бояре приговорили не ходить за камень.

– А Земский собор на что? Собрать да порешить. Сколь русский люд будет терпеть набеги вогульские да татарские? – перебил Ермака Богдан.

– Земский собор последний раз созывали, когда решался вопрос о Ливонской войне. Нынче же поход на Кучума требует тайны. И нужно исполнить волю так, чтоб наш государь якобы не ведал и не слыхивал сей дерзости.

– Ну, как тогда, на Астрахань собрались и пошли, а государь не причем как бы, – вставил свое слово Иван Гроза.

– Потому, если сгинем мы в Сибири, – продолжал Ермак, – не сдюжим свершить задуманное, вроде и Иоанн в стороне останется. А коли выйдет ладно задуманное, то государь нам милость свою дарует. Встретился я тогда в монастыре тайно по этому поводу с боярином Колычевым. Передал он тайный наказ государя. Ему вера есть, он перший советник государя по делам был негласным. Сказал, чтоб выглядел сей поход разбойным образом. Для подмоги нам к нынешнему лету пришлет государь сотню немецких наемников. Немцам жалование не плачено, вот они и затеяли бузу поднять. В первый ряд их при битве ставить государь повелел, чтобы, значит, поболее их извести. Да велено еще охочий люд собирать пять сотен.

– Про немцев государь зело грамотно измыслил. И бунта нет, и жалованья платить некому, – расхохотался Иван Кольцов.

Ермак распорядился:

– А пока, братья, выступить нужно под городок на Чусовой. Вновь князь пелымский Кихек с вогуличами набег совершил. Ныне поведет дружину Иван Кольцов, а с ним Богдан и еще четыре выборных есаула, каждый с тремя сотнями. И чтоб ни один самоед не ушел, всех под нож.

***

Утром, уходя на стойбище, Архип давал последние советы Ксении.

– В лабазе подвешен мешок с маккиеронами.

– С чем?

– Тесто сушеное. Я когда в рабстве был, то жил со мной коваль из Риму. Вот он и научил меня хлеб до весны хранить, чтоб не испортился. Насушил я нынешней осенью цельный мешок их. Висит себе да висит, а когда нужно, то варю с олениной.

– А мы с мужем в начале зимы тельяни лепили и морозили. «Хлебное ухо» переводится с языка коми, мясо в тесте, – тяжело вздохнув, вспомнила Ксения.

– Вот вернусь – и налепим. Я как раз свежего мяса выторгую у остяков. У меня муки ржаной малость осталось. Новгородцы мне дали. Под лабазом снег пушай Ванюшка разгребет, там крышку найдет. Ледник у нас там. Яйца гусиные лежат на льду, пусть пока оттают. А к завтрашнему полудню тесто замеси. Вот и налепим твоих тельяней. Да, еще, Ванюшку не пушай никуда одного, не приведи Господь, рысь али росомаха забредет. Пока собак не приведу, осторожничать надо. Ведь урман кругом еще необжитый.

– Боязно как-то, одной-то, – пожаловалась женщина.

– Мужик Ивашка у тебя вона какой юркий. На ночь запирайся на засов. Да пищаль заряди, с ней спокойней будет.

Сидя на лавке и обувая тисы, кузнец лукаво подмигнул:

– Я все тебя спросить хотел. Вроде баба ты в годах, а малыцу только осьмой годок? В девках долго ходила что ли?

– Нет, Ванюшка последыш наш. Два сына в казаках у атамана Ивана Грозы служат, да дочь уж замужем в городище на Чусовой реке жительствоует.

Глава 48

Весной потянулись к реке Чусовой охочие люди, тоже изъявившие желание идти в поход с казаками. Семену было поручено распределить их по десяткам и сотням, организовать обучение и снабдить их оружием.

– Ты почто собрался? – выпытывал Семен у каждого.

– Вогулы семью побили, мстить иду, – отвечал собеседник.

– А ты зачем?

– Указ государь издал об отмене временных лет. Теперь на Юрьев день не будет воли, как ранее, буду искать ее в Сибири.

– Так сей указ только сроком на один год вышел.

– Где один годок, там и сорок зим, – вздыхал беглый смерд.

– А ты что забыл в Сибири? – спросил Ермак следующего.

– А я – где сыр-бор, там и Егор, – улыбался в ответ мордвин, убежавший из городка на Саранке.

Народ прибывал и прибывал. К середине лета дружина уже насчитывала за тысячу воинов.

Семеном со всего Сибирского ханства собирались по крупицам сведения о Кучумских разъездах и городках. Главным препятствием на пути первопроходцев была крепость Чиги Тура, о богатстве которой ходили легенды. В Чиге Туре сходились со всего света караванные пути. Там и планировали казаки закрепиться, выбив из городища татар.

***

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

– Угощайся еще, уважаемый гость Разимурад, – протянул наполненную кумысом пиалу хозяин юрты.

– Благодарю тебя, аскар Исатай, – принимая пиалу, кивнул Разимурад.

– Твоя сотня прибыла вовремя. Сибирское ханство под угрозой. Уже какую весну хан Хара-Хула из Ойратского ханства засылает в нашу степь разведчиков. Благочестивый Кучум-хан смотрит только на запад и не ведает об опасности, зреющей на востоке. Джунгары прошлым летом у святых могил разгромили отряд ногайских воинов, шедший для подмоги хану Кучуму. Монголоиды приходят в степь маленькими отрядами, которые разведывают дороги, городища и стойбища. Нападают на маленькие поселения и безнаказанно вырезают всех поголовно. Ведут себя, как волки в овчарне. Наши воины готовы выступить навстречу ойратам. Пойдешь ли с нами, уважаемый Разимурад?

– Границы Сибирского ханства мы и призваны охранять, я поведу своих воинов с вами, но и слова благодарности, переданные от вас хану Кучуму, мне не помешают.

– Непременно, Кучум-хану будут переданы слова благодарности от его мурзы Аблая. Он уже знает, что ты пришел нам на помощь. Завтра сюда придут отряды наших батыров. С твоей сотней, Разимурад, мы доведем численность до тысячи человек. Если разобьем разведчиков, то обезопасим от джунгар Сибирское ханство до следующей весны. Ойратский хан Хура-Хула не пошлет большое войско, пока не вернутся его хабарчи. А мы постараемся сделать так, чтобы никто из его лазутчиков не ушел. Прошлым летом отряд Тэмуужина убил десять моих воинов, меня раненного выходили Еркен и Ботагоз, теперь Еркен мой тесть, а Ботагоз жена моя.

– У тебя всего одна жена? – искренне удивился Разимурад.

– Мне некогда было искать жен, я служил тысячником у благородного Узун Бека.

– Ты был в Бухарском походе?

– Да.

– Значит, мы были врагами.

– Времена меняются, почтенный Разимурад. Как гласит народная мудрость, чтобы двум собакам подружиться, им необходимо подраться.

– Совершенно верно, уважаемый Исатай, собаки одного аула всегда грызутся между собой, но когда к аулу подходит волк, они объединяются и побеждают, – согласился Разимурад, – но скажи, уважаемый Исатай, не встречал ли ты когда седого аксакала в белых одеждах? Мне он приснился и предсказал нашу с тобой встречу. Разве может быть такое?

– Может, может, уважаемый Разимурад. Это ведуны, они знают все, что будет, и помнят все, что было. Старцы могут приходить во снах, лечить больных. Аблай очень уважает их за то, что помогли жене родить ему наследника. Подсказали, к кому идти служить, кому верить. Это старцы развернули твой отряд и спасли от гибели в каменных скалах. Твои люди устали после пятидневного перехода. Я приказал поставить десять гостевых юрт, ты же, уважаемый Разимурад, располагайся у меня. Чувствуй себя как дома.

– Где будем давать битву джунгарам?

– Я думаю, что нападать нужно внезапно, когда они со своей территории будут обходить Синее море. Думаю загнать их на каменную косу Сарыесик, которая делит море напополам, и вырезать всех до одного. В степи справиться с джунгарами будет сложнее.

– Что за Синее море? Не слышал.

– Это китайцы его так назвали. Жил в давние годы чародей Балхаш и была у него дочь, которую звали Или, неписаная красавица. Сватались к ней сыновья китайского императора и монгольского хана. Но все получили отказ. А выбрала она простого пастуха Каратала и сбежала с ним. Тогда разозлился чародей Балхаш на дочь непослушную и превратил их в реки, а чтобы никогда любимые друг с дружкой не встретились, лег между ними озером, перегородив его посередине мысом каменным. Плакала невеста, и стала вода в одной части озера соленой. А еще жил там старец, который спас от джунгар большое племя, а звали старца Бектау-Ата, – лежа на подушках, рассказывал Исатай, но, заметив, что Разимурад уже спит, зевнув, замолчал.

Глава 49

РАЙОН СЕВЕРНОЙ СОСЬВЫ

– Хулимсунт юрты, – показав пальцем на поворот реки, объявил вогул, – еще два дня пути – и выйдем на большую воду. А там, коли ветер попутный, до Атлымских юрт дойдем за пять дней.

Ибрагим, сидевший спиной, подняв весла, обернулся, рассматривая высокий мыс, на котором находилось десятка два чумов.

Они добирались домой уже целый месяц, иногда ночуя в лесу, а иногда и на стойбищах. Там вогул исполнял танцы шамана, показывал свой знахарский опыт, заговаривал луки и копья на зверя урманного. И еще рассказывал про белого князя, который должен вернуться и освободить народ северный от узбекского хана Кучума. Татарин же доставал пищаль и демонстрировал гром и молнии, которые будет пускать белый князь в тех, кто его не встретит добром и любовью. Кстати, последнее больше заинтересовало охотников, чем разговоры вогула. Многие при выстреле падали ничком. С ужасом рассматривали расщепленные стволы деревьев, пораженные свинцовой сечкой.

В Хулимсунтских юртах им предложили принять участие в охоте и показать на живом примере колдовскую силу пищали.

– По веткам да по пенькам почто не стрелять! А ты убей зверя, тогда мы и поверим в силу белого князя, – заявил подошедший знатный вогул в окружении свиты.

– Ибрашка, завтра стреляй точнее, – попросил Угор, когда попутчики остались наедине, – охотники все видят. Коли промахнешься, грош цена моим танцам и твоим потешкам огненным. А ежели завалишь завтра лося, то, когда Кучум позовет вогулов на помощь, не пойдут они к нему. Ну а ежели и пойдут, то разбегутся, не приняв бой. Я ведь и сам твоей палки железной боюсь, возьмет да сама и стрельнет ненароком.

Татарин, улынувшись, отодвинул пищаль в сторону.

– Не бойся, не пальнет, – и помолчав, вдруг согласился: – хотя, впрочем, и кочерга раз в год пальнуть может.

Наутро, окружив осинник, загонщики, застучав колотушками, начали загон.

По сухой весенней траве, мелкому кустарнику и вечнозеленому мху стелился утренний туман.

Ибрагим выбрал березу, которая могла служить опорой для массивного ствола пищали, подсыпал сухой порох. Теперь судьба Сибири была в руках крещеного татарина. Если попадет он единственной пулей в лося, то посеет страх великий в племенах вогулов и остяков, а промахет – то не поверят вогулы в могущество белого князя и встанут супротив дружины Ермака на стороне Кучума.

Ибрагим вспомнил далекое детство. Улус на берегу реки Яман, впадающая в могучий Эртыс. Нападение кучумцев на их улус. Отца, который его, семилетнего мальчика, бросил в лодку и отпихнул ее ногой от берега.

Припомнил, как, вернувшись, увидел вырезанных людьми хана Кучума жителей улуса и как, добравшись до уже павшего Казанского ханства, оказался в русском стане стрельцов и боярских дружин. Как боярин Пашков подобрал его, объявил сыном боярским. Вспомнил, как при целовании креста на крещении Ибрагима он тихо шептал: «Будь здрав, Кучум, живи долго, не болей, смотри не помри, пока Ибрашка не вырастет и не найдет тебя».

Из раздумий его вывел легкий толчок в спину. Это Угор его предупредил о приближении стада. Приняв от вогула дымящийся фитиль, Ибрагим приготовился к выстрелу.

Макушки тоненьких берез и осин закачались в разные стороны, и на поляну вылетело стадо лосей. Впереди несся самец с огромными рогами.

Грянул выстрел. Облако порохового дыма заволокло обзор. Послышались приближаемые звуки дубинок и бубнов.

Дым рассеялся, и Ибрагим, тяжело вздохнув, присел на корягу.

Убитого лося на поляне не было.

– Кажись, промахнулся, – разочарованно промямлил он.

Прибежавшие загонщики, покачав головами, остановились.

Но опытные следопыты вместе с Угором быстро осмотрели кусты и тропу.

– Кровь! – крикнул Угор.

И все, собравшись вокруг татарина, присели на корточки.

– Коли кровь, догонять нужно! – воскликнул Ибрагим.

– Догонять будешь, пугать будешь, долго идти будешь, однако. А догонять не станешь, мало идти будешь, он сам ляжет, поэтому собак мы не берем, когда на лося ходим. Угонят его, а тащить назад нам, – тронув его за плечо, пояснил старый вогул.

Отдохнув около часа, охотники поднялись и пошли по следу. Крови на тропе становилось все больше и больше.

После двухчасового преследования охотники наткнулись на самца, который лежал в мелком осиннике без признаков жизни. Пуля калибром с яйцо горлицы пробила сбоку животному грудь, сломала ребро, прошла сквозь легкие и, перебив множество кровеносных сосудов, вышла навывлет, образовав огромную рваную рану.

Изумлению и восторгу вогулов не было границ. Охота стрелами и копьями давала, конечно, результат, но раненого зверя приходилось искать сутками, пока он не изойдет кровью и не ляжет.

– Слава белому князю! – заревел Угор. – Кто будет ему другом, тот получит в подарок огненное копьё! А супротив него пойдет, копьё его убьет, как лося!

– Слава! Слава! – подхватили вогулы.

Глава 50

ДВОРЕЦ КУЧУМА

– Господин, тебя срочно вызывает великий хан, – поклонившись, доложил начальник стражи.

Маметкул кивнул головой:

– Передай великому хану: я иду.

– Вчера ночью мне привиделся сон, Маметкул, – дождавшись, когда племянник сядет напротив и слуга нальет ему чай в пиалу, сообщил Кучум, – в мои покои ныне вошел старец в белых одеждах, с седыми усами и бородой. Он присел на подушки и произнес: “Здрав будь, великий хан. Завтра придет к тебе твой соглядатай и расскажет, что урусы строят корабли и собирают дружину супротив тебя. Но не верь словам обманутого хабарчи. Царь Иван затеял великую хитрость. Хочет рать казачью пустить в поход по Каме-реке до крепости, в честь царицы названной, на Волге. Да волоком переправив челны на Дон, покорить крепость Азов. А чтобы ранее никто не проведал замысел сей, велел слухи разносить, что идут казаки за камень тебя бить.

– Я дергал шнурок, – продолжал Кучум-хан, – но стража спала. Спала и ученая гюрза, которая стережет мой сон. Я не мог произнести ни единого слова. Язык мой окаменел.

Старец отпил чай из своей пиалы и продолжал:

– После моего ухода ты увидишь вещий сон про Китайскую стену, и тебе потом принять решение. Но прежде чем на что-либо решиться, подумай, посоветуйся с мудрецами и звездочетами. Можешь и про меня рассказать, и сон вещий поведай своим толмачам, из него они узнают истину. А в подтверждение моих слов завтра ночью пойдет лед на Эртысе. Не опасайся нападения со стороны Руси, зри на восток.

Маметкул посмотрел на пиалу, которая стояла на ковре, и подумал: не тронулся ли умом великий хан?

– После старец исчез, – продолжал великий хан, – и я увидел Великую Китайскую стену, которую видел, когда я еще маленьким мальчиком с дедушкой был в Китае. И я не узнал сию стену. Она была без бойниц, и не стена это была вовсе, а дорога, по которой тащили корабли волоком к морю множество рабов. Когда же пригляделся я, то не было у рабов надсмотрщиков, и не стегал их бичом никто. Распевая песни, тащили они, улыбаясь, корабли по дороге каменной. И одежды были на них урусов.

Когда же проснулся я, мне доложили, что вернулся Кутатай из-за камня и желает доложить о разведанных им сведениях. Доложил он, что в русском стане готовят восемьдесят кораблей и собирают войско в поход на Сибирь.

– Что это было? Растолкуй нам с Маметкулом, достопочтенный звездочет Салим! Какое решение принять мне? – обратился к увещавателю снов Кучум.

– О Великий хан! Лед тронулся! – доложил вошедший визирь, которому было поручено проверить слова старца.

***

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Никита подошел к старцу.

– Ты чаво это, отче? Не помри, как Вторак.

Гостомысл очнулся, обвел взглядом своды пещеры и произнес:

– Не хотел я тебя, молодого, посылать к Кучуму, не поверил бы он тебе. Пришлось мне самому идти на риск. Ходил. Нить жизненную по дороге рубили мою, изворачивался я. Аблай меч тот поднял, предатель он. Валихану потребно передать сие. А Кучум, кажись, поверил мне. Пойдет походом на Русь, уведет часть войска. И тогда будет русской рати легче в боях. Да и пока летал я по нити жизни, увидал предвидение: зарежет его дальний родственник Ибрагим, один оставшийся от рода Исенбая. Шагает Ибрагим нынче по стороне урманной, несет на груди крест греческий. Убьет он Кучума, знаю. Но на это нужны долгие годы.

А теперича постели мне, Никитушко, спать хочу, устал я, еле молвлю, – прошептал Гостомысл, заваливаясь на бок.

Никита, оглянувшись, вытащил из-под своей рубахи крестик.

Трижды поцеловав его, прошептал:

– Боже, спаси и сохрани, аж и сам я боюсь предвещения си, но уж не свернуть мне. Поди, точно нужен я для решения судьбы земли русской, а то бы как я из плену убог бы? Чародейство это.

Глава 51

Угор с Ибрагимом по протокам добрались до русла Оби. По великой сибирской реке шел ледоход. Огромные льдины, наползая друг на друга, с шумом и треском двигались к Северному Ледовитому океану.

– Руби ивняк, Ибрашка, шалаш будем строить. Пока лед не пройдет, не сможем мы плыть далее, – распорядился вогул.

Путники вытащили лодку на берег, развели костер и принялись строить временное жилище. Солнце припекало, разогретые работой, они сняли верхнюю одежду.

Вечером вогул, раздевшись, залез в ледяную воду и из ивовых прутьев в заводи смастерил завесу.

Он, сидя на берегу, дожидался, когда за нее войдет щука, и ловил ее в западне. Дальше выдавливал икру и выпускал рыбу обратно. Надоив с десятков рыбин, Угор палочкой принялся взбивать икру в деревянной миске, изредка ее подсаливая.

– Лепех в дорогу напечем и тут поедим, – пояснил он Ибрагиму, – тащи свою ложку.

– Скусно, – попробовав икру, похвалил друга татарин, – а мы жили на реке, но рыбу не кушали.

– Почему, знаешь?

– Нет.

– А я знаю. В голове у щуки крест из хрящей, а вам хрященное лакомство никак нельзя пробовать, – рассмеялся Угор, и уже серьезно добавил: – у щуки икра вкусная, только сухая она рыба, а нельма жирная, но ее сейчас не словить. Ты покушай, покушай, сил набирай. Грести нам с тобой, Ибрашка, супротив течения дней десять. Все руки измочалим. Пойдем низким берегом, тут течение слабее, а коли ветер подует попутный, то и парусок поставим, но при попутном ветре опять-таки будет волна шибко большая.

– Почему? – поинтересовался Ибрагим.

– Потому что ветер с севера, и течение на север. Вот и задирает волну, как на море-окияне. У нас же борта невысокие, вымокнем али челнок потопим.

– Ничего, я привычный. Почитай, на Волге семь годков в ярыгах³⁶ хаживал, куда меня боярин Пашков не усыновил.

– А как он тебя приметил-то?

– Под Казань насад³⁷ с солью из Астрахани притащили и встали кабалу наедать³⁸, ожидаючи, чем штурм крепости завершится. Купец-то наш персом был, ему что на Русь, что до Казанского ханства идтить, все едино, всюду вхож, как ужака скользкий, да и соль везде в цене.

– А далее-то что? Как боярин тебя приветил?

– Пришел я на парамойню³⁹ – портки да рубаху постирать. А тут вопли прачек на весь берег: “Вьюноша тонет! Сын боярский, Истома, погибает!” – ну я и сиганул с мостков в воду. Вытащил тогда его. Мне рубль дал боярин и к себе в конюхи определил. А когда Истома подрос, стал я ему братом названным, так как второй раз его спас, собой закрыв в походе, стрелу его помал.

– Как – помал?

Ибрагим, расстегнув ворот рубахи, показал шрам на груди:

---

³⁶ Ярыги – кличка бурлаков.

³⁷ Насад – судно повышенной грузоподъемности.

³⁸ Кабалу наедать – кормиться в долг судовладельцу.

³⁹ Парамойня – мостки для стирки белья.

– Так и помал.

Понюхав воздух и посмотрев на летающих в небе птиц, вогул наказал:

– Я спать пойду, а ты не дремай, костер жги. Хозяин рядом шастает. Оголодал он после спячки. Я ему рыбы накидал на берегу в проточке, на солнце она запахнет, он ее и найдет, зато нас не тронет.

– А почто медведь падаль-то ест?

– Так он на зиму брюхо травой набивает, а весной орет на весь урман – просрать не может, вот падаль-то и жрет для поносу, – рассмеялся Угор, влезая в шалаш, и, высунувшись, добавил: – правду сказать, сколь я из берлоги их не брал, у всех пузо пустое было. Просто, поди, орет да орет. Кто его, косолапого, знает. Коль подойдет, сам спроси, – хихикнул вогул и скрылся в шалаше.

И действительно, словно бы в подтверждение слов вогула вдалеке раздался рев косолапого. Ибрагим пододвинул поближе пищаль, вытащил саблю из ножен и, подбросив хворосту в костер, принялся сторожить сон товарища.

Приполярная ночь уже отступила, и световой день становился все продолжительней и продолжительней.

Медведь появился к полуночи.

Он долго бродил по сору⁴⁰, постепенно приближаясь к шалашу на берегу. Ветерок дул от воды, и косолапый, чувствуя запах дыма, не решался подойти к людям.

Ибрагим, взяв из костра головешку, поджег сухую траву. Прошлогодня трава вспыхнула, и огонь, раздуваемый ветром, пошел в сторону хозяина тайги. Медведь, встав на задние лапы, глянул на приближающийся пал и дал деру. Переплыв проточку, он скрылся в кустарнике. Пал же, дойдя до берега ручья, остановившись, постепенно затух.

Ибрагим, приметив место, откуда вспорхнула утка, пошел к нему. Разыскав гнездо, он собрал в шапку яйца и вернулся к костру. Положив яйцо на дно миски и крутанув его, он улыбнулся: крутое, спеклось.

Очистив от скорлупы и подсолив, Ибрашка с наслаждением впился желтыми зубами в яйцо.

Стемнело. Татарин успел уже натаскать хвороста, которого до рассвета должно было хватить. Медведь не появлялся.

Чтобы не задремать, Ибрагим вставал и периодически обходил шалаш.

Грохот идущего по Оби льда заглушал все иные звуки ночи, поэтому и крутил Ибрашка головой на все четыре стороны.

Вскоре начало светать, и он, взяв котелок, спустился к ручью. Зачерпнув в заводи водицы, осмотрел берег. Рыбы, разбросанной вчера по берегу ручья, не было. Зато на суглинке отчетливо виднелись огромные следы хозяина тайги.

Ибрагим, стараясь не шуметь, озираясь по сторонам, засеменял к шалашу.

Когда Угорка проснулся, они пошли посмотреть следы медведя. Стало ясно, как шел обратно Ибрашка. Вогул с разбега не смог попасть из следа в след татарина – так широко тот шагал.

Вогул в котелке поджарил икру, и вприкуску с утиными яйцами друзья-попутчики, запиная кипятком, заваренным на листьях, собранными татаринном, перекусили.

– Ты что за листья в кипяток кидал? – спросил в полдень Ибрагима вогул.

– На болотце собрал, когда за яйцами ходил. У меня еще остались, – достав из-за пазухи мешочек и высыпав листочки на ладонь, показал он их вогулу.

– Ты, когда что собираешь, мне показывай. Можно что-либо заварить да не проснуться вовсе. Вот я и думаю, пошто это я за утро раз семь за шалаш до ветра по-легкому сбегал. А

---

⁴⁰ Сор – заливной луг.

ты брусничный лист заварил! Он же ведь до ветра гонный, – и, похлопав друга по плечу, вогул вновь зашел за шалаш. Туда же вскоре прибежал и татарин.

– Давай-ка, Угор, посиди ты около костра, моя теперича очередь отдыхать.

***

Архип, присев на корягу, наблюдал за ледоходом. Основной лед уже прошел, и река несла отдельные льдины. Уровень воды медленно начал подниматься, затопляя прибрежную сторону. Вода в мелких водоемах, нагреваясь на солнце, манила рыбу на нерест.

Он отковал Ванюшке маленькую острогу, и шустрый пацан уже натаскал пол-ледника рыбы.

Сидя на берегу, Архип наблюдал, как мальчишка, высунув от азарта язык, караулит очередную щуку.

Подошла Ксения, присела рядом.

– Ты, Архип, не серчай. Но хочю задать вопрос тебе каверзный.

– Задавай.

– Мож, я баба кривая, коли ты на меня взгляд не ложишь?

– Не в этом дело, Ксения. Дал зарок я, убив Узун Бека за жену и сына своего, цельный год не касаться вашего брата. Но лед прошел, а значит и год тоже.

Архип игриво ущипнул Ксению за место, на котором она сидела. Та же, взвизгнув от неожиданности, глянула на Ванюшку, который, увлекшись ловлей рыбы, ничего вокруг не замечая, замер с поднятой острогой.

Отвесив легкий подзатыльник кузнецу, она, словно молодая девка, смеясь, побежала к избе.

Архип же, усмехнувшись в усы и медленно поднявшись, пошел следом.

Через час в избу ввалился Ванюшка и, поставив на пол корзину с рыбой, подозрительно взглянув на Архипа с Ксенией, сидевших за столом, спросил:

– А чего это вы такие румяные и разомлевшие, будто дрова весь день рубили?

Кузнец подмигнул Ксении, и взрослые дружно рассмеялись...

Глава 52

ДВОРЕЦ КУЧУМА

– Может, все-таки готовят поход на нас урусы? Вдруг царь Иван хитрость задумал? Ведь не зря же шептались в монастыре казаки с царским опальным советником Федором Колычевым, ой не зря, – покачав головой, еще раз усомнился Кучум-хан.

– Царь Иван объявил казаков ослушниками за уход с Ливонской войны. Приказано атаманов ловить сих, казни с пытками применять к ним. А станицы и хутора их на Волге да на Дону повелел пожечь. Так что не будет им подмоги от Москвы. А такую маленькую дружину мы и конями князя Пелымского Кихека перетопчем, коли сунутся. Боярин же, по прозвищу Умной, о котором ты, великий хан, сейчас вспомнил, преставился года два назад по воле Аллаха Всемогущего, – поклонившись, молвил Катагай.

– Ну что ж, тогда выступаем к Волге. Отобьем Казань, спустимся к Астрахани и создадим великий Сибирский каганат, – наконец-то решился Кучум.

– Ты будешь править миром, о великий хан! – поклонившись, произнес один из звездочетов.

– Мы загоним русского медведя в его берлогу и будем туда кидать кости, а он станет танцевать для нас на праздниках, – воскликнули еще двое мудрецов.

Лишь один племянник хана Маметкул оставался в раздумьях. Отважный воин молчал. Он знал хитрость и коварство русского царя, которому сжечь пару деревень на Волге, замучить на дыбах сотни три казаков ради достижения более великой цели было обыденным делом.

– А ты что молчишь, мой дорогой племянник? – обратился хан к Маметкулу. – Или не разделяешь наших помыслов?

– Разделяю, великий хан, но считаю, что гарнизоны Чиги Туры и Кашира нельзя трогать. Время нынче беспокойное. Ляхи не могут угрожать нынче Руси, денег нет на поход. Хан Гирей обескровлен. Ливония развалилась на мелкие княжества, так что царь и без казаков там обойдется. На восток смотрит хитрый Иван, на восток.

– Я смею считать, великий хан, – подал голос один из звездочетов, – русский царь знает положение в Османской империи. Двенадцатый султан Мурад Третий, вместо того чтобы управлять империей, предпочитает развлекаться с наложницами. Избавился он от пятерых братьев, обезопасив свой престол, и теперь увяз в грязи и разврате. Каждое назначение решается у него золотом, мздой и подлостью. Царь урусов видит это. Я думаю, что он строит и собирает корабли на Каме для похода на Азов. Тем более казаки девять лет назад уже грабили предместья Азова, взяли много пленных и даже захватили шурина султана.

Кучум медленно проговорил: – Если не выйдем на Казань этой осенью, не видать нам Сибирского ханства от Северного моря до южной Астрахани. С нами пойдут ногайцы, узбеки, вогулы. За нами поднимутся покоренные Московией народы Поволжья и Прикамья. Отобьем Казань, и перестанет Иоанн смотреть на восток. Потеряв свое могущество, потеряет он и Новгород с Тверью, которые уже давно мыслят, как уйти из-под гнета Московии.

Маметкул молчал.

– Я пошлю на Казань сына Алея и тебя, Маметкул. Сам останусь охранять покой моего ханства. А за верность твою и бескорыстность выделю десятую часть добычи.

– Слушаюсь, великий хан, – приложив ладонь к груди, поклонился племянник.

***

Вогул опустил весла только тогда, когда челнок уткнулся между небольшими береговыми валунами. На берег, тьявая, выбежали две лайки, но, узнав Угора, завиляли хвостами.

– Все, вставай, Ибрашка, добрались, – толкнул он спящего Ибрагима.

Вытащив на берег лодку, путники, собрав пожитки, двинулись наверх по логу к избе-кузне. Уже практически не темнело, приполярная белая ночь вступила в свои права.

Подойдя к избе, вогул дернул за ручку двери. Дверь в сени оказалась запертой. Он достал нож и, просунув лезвие в щель, отодвинул засов.

Тихонько пройдя в избу, шаман решил напугать спящего на печи Архипа.

– Ам! – прокричал он, схватив за ногу спящего на печке товарища.

– Бам! – раздалось в избе.

Это деревянное ведро-колода прилетело в лоб шутнику. Угор, распластав руки, рухнул на спину.

Татарин, топчась перед крыльцом, услышав шум, ринулся было в дом, но тут же отскочил прочь. На крыльце стояла разъяренная ведьма в белой до пят рубахе, с распущенными волосами, с откованной косой в руках

Не чувствуя ног, он быстро побежал к лодке, как бегал недавно от медвежьих следов.

Собаки ринулись за ним, хватая его за сверкающие пятки.

– Стой, дурень, Архип на охоте! Он наказал, чтобы я вас приветила, коли без него вернетесь, – закричала Ксения вдогонку Ибрагиму.

– Хорош привет, – сидя на полу, трогая растущую шишку на лбу, проворчал вогул. – Ты откуда тут взялась, злая ведьма?

– Ванюшка, сбегай в ледник, набери снега, пусть приложит, – разжигая лучину, улыбаясь, попросила Ксения сына. – Нечего под одеялом руками шастать нехристи всякой.

Вогул поднялся и, показав крестик, висящий вместе с амулетами, гордо заявил:

– Крещеный я теперича, тока никому не сказывай. Вовка я, Володимир, стало быть.

– А как теперича с шаманскими обрядами?

– Отец Иннокентий, который меня крестил, сказал, что одно другому не мешает. Сам разберешься. И татарин, который убежал на берег, тоже крещеный, – добавил Володимир и, выходя из избы, сказал: – Пойду позову, а то ненароком уплывет. Уж больно ты была на смертушку похожа в рубахе да с косой.

Глава 53

– Ты, Угорка, гляжу, говорить научился по-нашенски, будто дьякон чешешь! – улыбнувшись, положив огромные руки на столешницу, похвалил друга Архип, – а то все одно у тебя ранее было. Лодка мой, весла мой, я гребу себе домой. Глаз как белка попаду, на охоту я пойду.

– Так сколь мне скитаться по свету-то? Свою родную речь забудешь, а чужую выучишь. Вон, давеча, на стойбище Лорба воша, мужскую силу лечил вогулу, а как новый отросток у рогов оленя называется, запомятовал. И кажу на него пальцем.

– Так это проще пареной репы, Угорка, – улыбнулся Архип, – пантами си отростки называются. Из них снадобья китайские знахари готовят. Когда в полоне был, много рогов оленьих да сайгачьих через нас купцы китайские к себе везли. Большую деньгу за них давали. Потому и промышляли местные охотники сайгаками. Вот и брали на понт, стало быть. А нас, рабов, басурмане диким мяском частенько баловали. Сами-то они до конины да до баранины охочи более.

Архип поднялся и, вытащив из-за иконы тряпицу с рисунком, разложил ее на столе.

– Вот Кашир, Ибрагим. Тут главные ворота. Это первая стена, – водя пальцем, растолковывал он Ибрагиму план крепости, – тут вторая стена, башня с бойницами. Во внутри стан хана. Туды дорога для меня заказана. Оружье – луки да копья. Но каждый воин в доспехах и кольчуге. Стража на стенах днем и ночью бдит. Попарно дежурят на всех башнях. У первых ворот три десятка воинов службу несет. У вторых – два десятка. Вместе полусотня будет. Переключка у них все дежурство. К другим же сторонам крепости трудный доступ, так как обрыв крутой к речке спускается, и сама крепость на мысу стоит высококом.

– Благодарю тебя, Архип. Дюже ценное и полезное дело ты сделал, – пожав руку кузнецу, поблагодарил его Ибрагим, – я далее на Чиги Туру пойду, там еще кое-что разведая. Родственников своих ногайских кровей разыщу. На службу наймусь к ним, вдруг Кучум рядом будет ненароком.

– Ты что, порешить его задумал? Порежут же на куски! – удивился решительности татарина Архип.

– Отца и братьев моих зарезал Кучум-хан за то, что служили они верно сыну Бекбулата Сейдяку, племяннику хана Сибири Едигера. Я один уцелел и теперь отомстить должен. Вот и найду я своего дядю в Чиги Туре, чтоб ближе быть к хану Кучуму. Дай Аллах Кучуму здоровья, чтоб не заболел ненароком он, не упал с лошади и не зашибся. Говорят, болен он глазами шибко. Стареет. Боюсь, не успею в глаза ему плюнуть, когда смерть его настигнет от кинжала моего. Поэтому, Архип, не задержусь я тут. Отдохну малость да в путь.

– Я тебя до Тобола доставлю, – заверил друга вогул, – а там к купцам пересядешь. Все равно изба занята, на печь не пуцают, – потрогав шишку на лбу, пошутил Угор, – вдвоем грести легче, а обратно по течению и один вернусь. – И, взглянув на Ксению, которая расставляла миски на стол, добавил: – Может, и не один. Возьму да две жены куплю в Искере, что я, хуже Архипки, что ли?

Все разом засмеялись и, взявши ложки, принялись хлебать ущицу.

– Нельзя тебе теперича две жены, – вытирая руки о тряпицу, заявила Ксения.

– Это почему же?

– Крещеный ты нынче.

Вогул поперхнулся. Кузнец постучал кулаком ему по спине. Когда Угор наконец-то прокашлялся, то, вздохнув, заявил:

– Обманул меня отец Иннокентий, сказал, что все можно. Сказал, что одно другому не мешает.

И вся компания вновь залилась безудержным смехом.

***

Аблай вызвал к себе в юрту своего тайного советника Нуржана.

– Испей кумыс, дорогой Нуржан. Разговор у меня к тебе есть. Перехватил я голубя с посланием к Валихану от старцев, что живут на Орлиной горе, прозванной в народе Плохой Сопкой. Замыслили они хану Кучуму препоны чинить, – подавая пиалу, продолжал Аблай, – думаю, без волхвов в степи спокойнее станет.

– Я понял тебя, господин. Но не пойдут на сопку мои слуги, боятся. Туда с оружием ведь нельзя идти.

– Ведуны вновь собираются на заготовки к берегу Исиля. Там шалаш у старцев, и все лето они будут собирать травы и заготавливать рыбу.

Наступило минутное молчание.

Аблай умел ждать ответа.

– Господин, осенью они на Жаман Тау не вернуться, – поклонившись, подавая Аблаю пустую пиалу, пообещал тайный советник.

Глава 54

– Что это ты там в сени притащил? – поведя носом, поинтересовался кузнец.

– Я шкуру лосиную приготовил на сбруи. Выделаю ее, нарежу лентами, а ты подсоби мне серебро наклепать на сбруи. Я их в Кашире продам да домой что-нибудь привезу. Не с пустыми же руками плыть туда. Это тебе не пруды царские, чтоб порожними по воде шастать. Здесь Обь-река, без дела по ней не плавают. Соглядатаи у Кучума не дремлют, зараз выявят нас среди путников и купцов.

Вогул набрал из печи золы, расстелил куски шкур на полу, смочил волосяную сторону водицей и высыпал на них золу.

Растерев сырую золу по шерсти, он свернул кусочки шкур трубочкой.

– Дядька Угор, а что это ты тут колядуешь? – стоя за спиной вогула, поинтересовался Ванюшка.

– Шкуру травлю. Завтра вся шерсть слезет, и будет кожа гладкая. Уздечки смастерю из нее.

– Научишь меня уздечки мастерить?

– А пошто не научить? Зрей да запоминай. Коли вождедеешь мне помочь, возьми скрутки, в глину сырую зарой на берегу и накрой чем-нибудь, чтоб собаки не вырыли.

– Я камнями закидаю, в жизнь не отроют! – обрадовался Ванюшка, принимая у вогула свертки.

– Тяжелые они! Куды все сразу-то? – попытался остановить мальчишку Угор.

– Ничего, я жилистый, – похвастался Ванюшка и, пыхтя, понес шкуры на берег.

– Добрый помощник растет у тебя, Архип, – похвалил мальчика Ибрагим.

– Да, гляжу и не нарадуюсь. Когда меня копьём зимой ранили, совсем руку не мог поднять. Так он везде мне помогал. Дюже способный и хваткий малец, – смотря вослед Ванюшке, согласился Архип и добавил: – книжек выменял у купцов на шкурки, бубнит по ночам за столом с лучиной.

Товарищи вышли из кузни.

– Завтра огород собираюсь на склоне выкорчевывать и пахать. Поможете? – спросил у вогула и татарина кузнец.

– Раз надо, значит надо, – согласились они, – что садить-то будешь?

– Репу да рожь. Более и семян-то нету.

Угор хлопнул себя по лбу ладошкой:

– Вот голова садовая! Совсем запамятовал. Я же тебе тоже привез семян, которые ты давеча заказывал.

– А я в Кашире семена оугороса купил, может на склоне и не померзнут. Вон как там припекает, – взглянул на северный склон лога Архип и, улыбнувшись и кивнув в сторону Ксении, намекнул: – ей к осени соленьюшкие оугоросы как раз пригодятся.

Северный склон, в отличие от южного, уже очистился от снега. На южный склон лучи солнца почти не попадали.

Не думал Архип, что на выкорчевку участка уйдет пять дней. На шестой же, впрягши лошадь, поднял сохой кузнец первую борозду.

***

ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН

Исатай остановил коня. Он внимательно осмотрел берег Балхаша. Как предполагал воин, так и вышло. Джунгары, уходя от преследования, были вынуждены перебраться на полуостров Сарыесик. Капкан захлопнулся.

Переправиться через трехкилометровый пролив на другой берег они не могли, оставалось только принять бой. Полтысячи воинов спешили в ожидании прихода пятисот джигитов, которые обходили озеро с севера. Объединившись, они должны напасть на разведчиков монголоидов.

Оказавшись заблокированным на полуострове, Тэмуужин понял свою ошибку. Но он был отважным воином, и принимать неравный бой ему было не впервой.

В этот раз ему было приказано провести разведку до предместий Чиги Туры. Пользуясь неразберихой в стане кочевников, он изучил обстановку, подготовил почву для вторжения, выведал виды Кучум-хана на бесхозные Ногайские степи.

С наступлением рассвета джунгарин увидел приближающуюся тысячу Исатая.

Лошади шли шагом. Экономя силы перед боем, всадники придерживали их стремление перейти в карьер. Боевые лошади всегда отличаются нравом от остальных. Сливаясь воедино с воином, они понимают команды всадников при малейшем прикосновении колена или обуви. Сражаясь с врагом, всадники нередко наносят своим и чужим животным раны, поэтому узнать боевую лошадь по шрамам и рубцам нетрудно. Вот и у Разимурада, ехавшего плечо к плечу с Исатаем, жеребец был тоже помечен битвами. На лбу и шее виднелись рубцы от сабель. А правое ухо было срублено наполовину.

Многочисленные оводы, поднятые утренним солнцем, роем носились вокруг лошадей. Один из них залетел жеребцу в отрубленное ухо, тот дернулся влево и замотал головой, что и спасло Разимурада. Выпущенная джунгарская стрела вместо груди воина вонзилась в опущенный щит.

– Алга! – рявкнул Исатай и погнал своего коня в карьер.

– Алга! – взревели воины, следуя примеру командира.

Лучники же, спрыгнув с коней, принялись поливать стрелами противника.

Глава 55

Гостомысл, сидя у костра, рассуждал:

– Валихан отправил воинов на поиски джунгар. Аблай полностью занял сторону Кучум-хана, и, ведая, что Валихан поддерживает сына Бекбулата, Сейдяка, он непременно воспользуется этим случаем. Я постараюсь укрепить свое влияние на степняков. Последнее послание к Валихану не дошло. Голубь пропал. Возможно, почтовая птица погибла в когтях степного беркута, а может быть, и сбита чьей-то стрелой. Ежели казаки побьют Кучума и овладеют Сибирским ханством, то Кучум со своим войском уйдет в Исильские и Вагайские степи. Это понимает Аблай и заранее готовит себе почву. Но Кучум обязательно попытается объединить все племена Исиля и Вагая, уничтожить Сейдяка и его войско. И если ему это ему удастся, то ответный поход хана на казаков будет разрушителен. И тогда не удержать Сибирь русским, сгинут они или уйдут назад за камень, и все старания да жертвы станут напрасны. Один у нас сейчас попутчик – это Сейдяк, племянник Идигер хана. Сейдяк устраивает набеги на людей Кучума внезапно, так же внезапно и исчезает. Не в силах узбеку Кучуму, сыну бухарского хана Муртазы, покорить все народы земли Сибирской. Отвернулись от него степняки и татары. Вогулы перестали ясак добрым мехом платить, все норовят гнилье подсунуть, а добрую пушнину за камень тащат, русским продают. Давно жаждет Кучум северный народец под магометанство подвести, да никак не осилит задуманное. Как резали идолов, так и режут их рыбоеды. Как поклонялись чучелам самоеды, так и поклоняются.

Из раздумий Гостомысла вывел Никита, который подошел с охапкой травы и разложил ее на мешковине.

– На солнце не клади траву, отрок. А то все силы целебные выгорят, – посоветовал старец, присев подле Никиты, – я стану тебе пояснять, а ты запоминай да связывай в пучки травы.

– Рассказывай, отче. Давно о лечебной мураве поведать хотел.

– Ну, тогда запоминай, – отделяя первый стебелек, начал пестовать Никиту Гостомысл. – Вот это листья мяты, она волнения успокаивает, детишек от крика во сне отучает. А это лист земляники, он соль гонит, когда кости и суставы ноют.

Никита, отбирая листики в пучки и перевязывая нитью, слушал внимательно ведуна, запоминая названия и свойства трав.

– Девясил сия трава называется, – показывая лист, продолжал наставлять ученика старец, – он силу в походе и битве придает. Это крапива, она кровь чистит при ранениях гнойных и жаре сильном. А подорожник раны, язвы и почетуй лечит. Иссоп от одышки шибко подсобляет. Шалфей от зубной хвори помогает.

Никита перевязал пучками все принесенные травы и попросил:

– Расскажи, отче, какие еще ведаешь снадобья? Многому желаю научиться.

– А почто не поведать, слухай. Свекла заменяет кровопускание при потемнении в глазах и гуле в ушах, ковун кушают от болезни почек, морковь – для зрения, рябиной печень пользуют, редька кашель убирает.

Так и сидели они до заката. Старец все сказывал да сказывал про травы лечебные. А Никита слушал.

– Мне три жизни не хватит, чтоб запомнить все, что ты мне за один вечер поведал, – улыбнулся каменотес, укладываясь спать в кустах рядом с шалашом.

Гостомысл усмехнулся и произнес в бороду:

– А тебе и не нужно запоминать. Будет вскоре у тебя малец-помощник, и не на радуешься ты ему. Но это позже, Никитушка, ждут тебя испытания во славу Руси моей, исковерканной сумасбродцами.

Ведун прикрыл глаза, отблески пламени костра освещали его чело.

И понеслись пред его очами, словно табун диких лошадей, прожитые годы.

Он, князь и старейшина Новгорода, проводит вече.

А вот – скорбит над павшими в битве сыновьями.

Он стар, и с гибелью сыновей заканчивается родовая нить по мужской линии, а с ней и право княжения.

Вновь в памяти вихрем проносятся годы.

Гостомысл зрит старого волхва, который, наставляя, вручает ему шар серебряный:

– Не уйти тебе, княже, в мир отцов и дедов, покуда не сыщешь замену себе.

– Есть у меня замена. Внук мой, Вадим Хоробрый.

– Не примут его волхвы и князья Новгородские на княжение, так как крещен он в веру греческую.

– А Рюрик, сын моей дочери Умилы?

– Будет его род править долго, но тебя, княже, в миру они не заменят. Потому как нарушит слово княжее один из них, и лишится сей род власти, а тебе вновь придется искать замену себе. И до той поры, покуда не наладишь ты власть пращуров наших, истинную и непорочную, быть тебе, Гостомысл, смотрителем земли Словенов и Русов. Будут меняться князья, появляться самозванцы и лжепророки, но все они, придя к власти, отойдут от истины, которая обязует любить народ свой, как дитя боготворимое.

– Так что же мне, отче Веденей, сто веков по свету скитаться?

– Будет надобно – и более по земле ради земли нашей побродишь. В шаре, врученном тебе, сила богов наших. Береги его, это шар жрецов солнца. Его принесли из второго похода в Дравению. Особо его храни от волхва по имени Гаджи, ибо скитается он по свету, и, зная, что внутри шара капельки смолы каменной, кои жизнь продлевают, вожделеет овладеть им. А вот кто убьет меня, может узнать только отрок, коего найти тебе надобно чрез Никиту каменотеса.

Гостомысл дремал у костра.

Под утро от реки нашел туман. Чистый воздух передавал все звуки с особенной четкостью. Вон на реке плеснулась рыбка. Где-то захлопала крыльями проснувшаяся птичка. Вдалеке треснула ветка. Донесся чуть слышный хруст раздавленного грибка-поганки.

Никита вздрогнул. Приподнялся на локте, прислушиваясь. Тихонечко разбудил Гостомысла и старцев, спящих в шалаше:

– Вставайте, отцы непорочные, крадется кто-то. Железо сабельное на опушкебрякнуло, конь всхрапнул, удилами звякнуло, да ветки хрустнули под ногами не босыми.

***

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Ермак, сидя за столом, объявил атаманам и выборным есаулам:

– Значится, братья, уходим в Сибирь на Семен день, как и договаривались. Как колосья поспеют, уберут селяне урожай, и мы с провизией в путь-дорогу двинемся. Повелите своим людям талдычить, что идем разбойным делом на Азов, чтоб сбить с толку кучумовских соглядатаев. А пока струги готовьте, канаты плести казаков своих поставьте. Осенью поднимемся супротив течения по Чусовой для перехода на другую сторону хребта. Дело это зело тайное. Ведает проход меж гор один человек на ту сторону камня. Тут на Каме горы высокие, не протащить челны нам, а восточней же горы ниже будут. Там давно новгородцы пути пронюхали. А еще князь Пелымский Кихек нынешней весной нам шибко помог. Напал он на городки внезапно, будто из-под земли выскочил, да побив его и преследуя, взяли след мы и дошли до

незнакомой малой речки, которая не течет на Русь, а бежит в сторону сибирскую. Вогул, что давеча с Семеном приходил, молвил, что Кугуй-ручьём это место называется. Там и зазимует до ледохода. Челноки у нас в основном плоскодонные, и посему по первому снежку до Кугуй-места, как саночки, пойдут. Где лошаадьми, а где бурлацкой тягой в Кугуй-городок все челны и перетащим да припасы заготовим. А городок будем ставить для того, чтоб Пельмский князь думал, будто от него собираемся защищаться и для этого крепость закладываем.

***

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Из тумана показались три крадущихся пеших воина. Они шепотом стали совещаться, показывая руками своему начальнику виднеющийся в прибрежных кустах шалаш.

– Их нужно резать спящими, тогда они не успеют проявить колдовские чары, – напутствовал Нуржан своих головорезов.

И двое его верных нукеров, подняв копыя, бросились к шалашу. Нанося колющие удары сквозь ветки шалаша, они буквально изрешетили внутреннее пространство жилища волхвов, не оставляя шанса на выживание.

Один из убийц, встав на четвереньки, вполз в шалаш. Второй же нагнулся, чтоб последовать за ним.

И тут же острога Никиты воткнулась ему между лопаток. Громко захрипев, убийца завалился на бок. Каменотес перевернул его, наступил на еще трепещущее в предсмертных судорогах тело ногой и с хрустом выдернул острогу. Обежав шалаш, он ударил в лоб острием пещни первому головорезу, который пытался вылезти с другой стороны шалаша.

Нуржан выхватил саблю, чтобы ринуться на помощь, но внезапно обернулся на чей-то волевой голос:

– Зри на шар и считай! – проговорил откуда-то появившийся за его спиной старец, держащий серебряный шарик на цепочке, который, как маятник, раскачивался перед глазами Нуржана.

– Бир, еке, уч, – поддаваясь гипнозу, безвольно опустив саблю, принялся считать вслух тайный советник Аблая.

– Ты созерцаешь крепость Сузгун?

– Да. Это крепость любимой жены хана Кучума. Я узнаю это место.

– Что ты сейчас зришь?

– Любимая жена великого хана сидит в саду. Благородная Сузге занимается рукоделием.

– Иди к шатру и войди в него.

Нуржан, войдя в шатер, упал на колени.

Перед ним на троне сидел великий хан.

– Здравствуй, мой верный слуга Нуржан. За твою преданность я назначаю тебя начальником охраны этой крепости. Твое жалованье будет немереным.

– О! Благодарю тебя, великий! – ткнулся лбом в ковер тайный советник Аблая.

– Скажи, мой верный слуга, кто послал тебя убить волхвов?

– Мой господин Аблай, великий хан! – кланяясь, признался Нуржан.

– Я твой господин! Собака! – пнув по голове сапогом, в гневе вскричал Кучум.

– Ты! Ты! Великий хан! Не вели казнить! – задрожав от страха, взмолился Нуржан.

– Ступай и убей Аблая! Сау бол!

– Слушаюсь и повинуюсь! – выползая задом из шатра, кланяясь, забормотал новый начальник охраны.

***

Исатай вернулся домой с победой. Радости Ботагоз не было границ. Достархан в юрте ломился от яств. Были приглашены все уважаемые люди Исильской степи, организованы скачки и игры.

На праздничный той не приехал только Аблай. Его по неизвестным причинам зарезал его тайный советник Нуржан.

Когда убийце учинили допрос, он твердил одно:

– Меня послал великий хан Кучум. Я начальник стражи крепости Сузгун.

Только в последний момент, когда петля аркана, привязанного к седлу его жеребца, затянула ему горло, Нуржан вспомнил старца в белых одеждах. Жеребец от удара плетью поволок его на веревке в степь. И его душа отделилась от тела, которое, подпрыгивая на кочках, тащилось за скачущим жеребцом по земле, поднимая клубы степной пыли.

Глава 56

– Эко у тебя, отче, получилось с шаром на цепке. Как истукан басурманин стоял. Пал на колени душегуб, да лбом о землю биться принялся, а опосля задом, задом от тебя. Да прыг на коня – и след простыл, – удивился каменотес искусству колдовства Гостомысла.

– Это древнейший способ приковать внимание маятником, подчинить рассудок одного разуму другого. Издавна люди маятником врачевали умы гуманные и изуверские, – пояснил волхв, убирая свой шар под одежды.

– Поведай про это, отче, – попросил Никита.

– Давай-ка мы с тобой пока мертвяками займемся, а как следы в воду сгинут, так вечером и расскажу про силу камня и шара с маятником, – предложил Гостомысл.

Истяслав и Стоян уже сняли одежду с убитых и бросили в костер. Никита, взяв за окоченевшие руки, оттащил одного к берегу. После то же самое проделал с другим.

– Животы вспори, а то всплывут раньше времени. Степняки найдут их и на нас выйдут, – посоветовал Гостомысл.

– А ежели камень на шею? – предложил Никита.

– Всплывут и с камнем, коли газам деваться некуда. Животы, говорю, пори.

Каменотес, брезгливо морщась, исполнил указание старца и ногой столкнул трупы в воду. Мутные воды Исиля навеки поглотили следы происшествия.

– А лошади их? – поинтересовался Никита. – Что с ними делать?

– Стегни плетью, пусть в аул возвращаются. Там не до них уже. Горе в Аблаевом стане, большое горе, – усмехнулся в усы старец.

Вечером у костра Никита попросил Гостомысла поведать историю о маятниковом деле.

Стоян и Истяслав полезли в шалаш спать.

Оставшись вдвоем, учитель с учеником завели у костра разговор.

– Было это во времена давние. Жили на земле люди каменные.

– Почему каменные, отче?

– Средь камней они жили. Так как деревьев еще на земле было мало. А если и был лес, то далече, на высоких горах. Пропитание слало им синее море, по берегу которого они проживали. С земли нашей только что сошла вода. Вот и обжили людишки гряду каменную.

– А доселе, стало быть, и тут море было? – перебил Гостомысла каменотес.

– Было кругом одно море-окиян. И земля под водой лежала. Мать-кит родила трех китят. Токмо были оне уж шибко любознательными чадами да послушниками. Рассерчал на них отец-кит, хлопнул хвостом. В страхе забились отроки непутевые в щели да и застряли под землей. Отец уплыл, а матушка приносила им еды. Стало быть, подкармливала трохи. Вот и росли они. А по мере роста землю нашу и поднимали. Так вода и сошла с суши. Где раньше сошла, там уже лес вырос, где позже, там голый камень еще был. Вот каменные люди и грелись на камнях, которые красное солнышко за день нагревало, а в ночь заползали в расщелины, укрываясь водорослями сушеными. Не счесть, сколь веков прошло. Управляясь с камнем, многому научились эти люди, но особенно приноровились проверять честность и непорочность испытуемого. Поэтому не было среди них вражеских соглядатаев, доносчиков, изменников и завистников. Раз в год, завязав глаза платком, проходили они сквозь качающиеся на канатах камни-маятники. И коли человек был непорочный, не замышлял скверное, то под ритм барабанов проходил он сквозь раскачивающиеся на канатах камня, и вреда они ему не причиняли. А коли помыслом подлый был человек, то не мог он пройти – сбивали его камни.

Гостомысл подкинул хворост в костер, и сноп искр взметнулся в звездное небо.

– Где же теперича эти люди каменные, отче?

– Разошлись они по свету, от алчности и злобы людской уходя. Много тайн унесли они собой, чтоб их знания не попали в черные руки.

– А какие знания у них были, дядько Гостомысл?

– Да всевозможные, Никита, всякие. Вот и тайну обработки камня унесли они с собой. До сей поры люди не ведают, как каменные глыбы они обрабатывали до глади, стены воздвигали, пирамиды и храмы сооружали.

– А ты, отче, ведаешь?

– Что ты, милай! Я тоже легендами жительствоваю. Но многое про тех людей передается из уст в уста волхвами и поныне.

– Сказывай, отче. Все одно всю ночь бдить. А до рассвета далече, – попросил каменотес.

– Жили они, как я уж давеча глаголал, по берегу моря-окияна. Промышляли дарами моря. А чтоб выходить в море, нужны были челны морские. А лес-то добрый токмо в горах высоких рос. Его надобно было к морю доставить. Бревна на доски распустить. Челны построить. И не получалась у них сия затея. Трудно было сквозь заросли да по горам бревна нести. В горах трудно, а ближе к морю еще трудней. Бамбука заросли на сотни верст. Прорубят просеку, а дня два пройдет, глядишь, опять заросла. Вот и решили они корабли свои строить в лесу да волоком к морю тащить. Рассчитали их мудрецы, покумекали и приняли решение дорогу из камня вглубь возвести.

– Как волок с Волги на Дон? – догадался Никита.

– Ну, стало быть, волок и есть. Камень резали способом невиданным. Волна морская крутит колесо мельничное при приливе в одну сторону, при отливе в другую. Вода с песком плоскость зачищает, будто лед на озере. Каменотесы скалу размечают да заготовки ломают. Лихо и складно у них дело выходит. Просверлят дырочки алмазом и колышки сухие вбивают. Поливают водицей, колышки размокают – камень и лопается, да ровно так, как и задумали мастеровые. Опосля на шлифовку к морю. Вот и строили широкий да высокий волок, чтоб челны и струги катить по бамбуковым кольям к морю. Лес убывал, и приходилось волок постоянно достраивать. А где шла лесная добыча, городища образовывались. Корабли тогда в цене были, за моря продавались другим племенам, у которых леса не было. Богатели каменные люди. По морю в разные стороны ходили, товар меняли, свой предлагали. Другие племена поглядывали на них с вожделением. И все больше и больше становилось племен враждебных. То на волок нападут, то городище сожгут да людей в рабство угонят. С моря тоже начались набеги. Опасно стало дарами моря промышлять. Собрались вожди на совет и решили они увести свои племена в каменный мир. Поклялись вожди, что унесут с собой тайны работы с камнями.

– А какие тайны-то, отче? Теши себе да теши, – пожал плечами каменотес.

– Не скажи, Никитушка. Разве способен сегодня человек глыбу гранитную, весом в сорок быков, переместить с места на место? А они могли! Разве способен нынешний человек резать камень, как масло? А они резали.

Рассветало.

Никита сходил за хворостом. Подбросил его в огонь. Присел вновь и, задумавшись, с любопытством разглядывал свой лапот, по которому проснувшийся муравей тащил соломинку.

Гостомысл с любовью посмотрел на своего ученика:

– В корень зришь, отрок. В корень. В отрочестве мне сказывали волхвы про племя каменных людей, которое жило по соседству с царством шестиногих. Мураши тогда больших размеров были. Понимали люди и муравьи друг друга, ладили между собой.

Ведь те большими любителями сладкого оказались. А тля, переваривая сок растений, выращенных человеком, давала сахар. Да еще мураши эти личинок шелкопряда и грибочки обожали, добыть которых им было не под силу. Вот и ладили двуногие с шестиногими. Мураши

под землей себе строили дворцы и города, а люди – наверху. Даже на войну супротив неприятеля вместе ходили.

– Это как слоны в Индии? – переспросил Никита, аккуратно пересаживая муравья на землю.

– Ну, почитай, так. Только муравьи в пять раз сильнее слонов. Слон-то что? Он бревно подымает. А муравей больше своего веса ношу тащит. Слюна у них особая и навоз. Песок, как раствором, крепит. Кирпич с того замеса, словно каменный, стает. Ни огонь ему не страшен, ни вода.

– Видал я си дома мурашиные на юге, когда в рабстве был, – вспомнил Никита, – термитами их туркменские племена кличут, то есть концом света. Коли заведутся, то всю глиняную хату им сточат насквозь. Чихнет басурманин, а на него потолок и рухнет, – рассмеялся каменотес.

– Ну, пора нам братьев поднимать да почивать самим уже идти, – поднимаясь, изрек старец.

– Так куда же люди каменные делись?

– Да под землю и ушли, в города, мурашами-термитами построенные. Наверху опосля те земли другие племена заняли, а людям досталась от них в наследство только голая кожа, так как тысячу лет человеки кислицей муравьиной мазались, чтобы мураши их за своих принимали, вот весь волос-то и вышел, – зевнув, ответил Гостомысл, располагаясь на сене в шалаше.

– Это как ребеночка кумысом натирают и кобыла его кормит, ежели у бабы молоко кончилось? – догадавшись, переспросил Никита.

Но старец уже спал богатырским сном.

Глава 57

Архип, Ксения и Ванюшка стояли на берегу, глядя вослед челноку, в котором уплывали в дальние края татарин с вогулом.

Дождавшись северного ветерка и подняв парус, разведчики уверенно двинулись супротив течения, выбрав левый берег, где оно было не очень сильным.

Великая сибирская река гнала талые воды от Алтая, по пути впитывая в себя ручейки из болот, малые речки и, конечно же, обильные воды Иртыша.

Наверное, произошла историческая ошибка. После слияния двух могучих водных потоков люди поспешили дать название продолжению реки. И справедливости ради в Карское море должен впасть Иртыш. Но, видать, судьба была у Оби счастливее. Ведь слово «об» с фарси – это вода, а воды нынче действительно было много. Иртыш с китайского языка переводится Черная река, а какая же она черная, коль красота такая?!

Солнце теперь практически не садилось. Наступили северные светлые ночи.

Тем и отличается земледелие севера от южных широт. Если на юге период посадки и прогревания пахоты – ранняя весна, то на севере эта пора выпадает на середину лета. Но поздно посеянный будущий урожай успевает созревать за счет увеличенного северного дня. Синтез белка. Наши герои, конечно, не знали этот научный термин. И понимая, что семя в мерзлую землю бросать нельзя, ждали и проверяли прогрев почвы по старинке.

В один из июньских дней Архип решил проверить дедовским методом, прогрелась ли земля. Сняв портки, уселся на пашню голым задом, раскурлил трубку – подарок казаков.

Казаки давно переняли у турецких янычар курение, однако на Руси данная ересь преследовалась и считалась великим грехом. Курильщиков били кнутами, могли даже отлучить от церкви при повторном доносе.

Но государь далеко, а Бог высоко.

Выкурив трубку, он убедился, что сидеть ему было не холодно, значит, пора сеять, и кузнец, натянув портки да обстучав трубку о колышек, пошел к лабазу за семенами.

Вечером, как улегся зной, они втроем посадили три гряды репы, рожь и овес. Остальное решили досадить завтра.

Две лайки – Стрелка и Челнок – лежали в траве, наблюдая за работой хозяев. А когда усталые люди ушли отдыхать, они остались охранять огород от непрошенных гостей – двух кедровок. Птички-воровки, прыгая на ветках, дожидались своего часа.

Утром Архип, выйдя из избы, ахнул:

– Вот шельмы!

Все гряды были истоптаны лапами собак, которые ночью, охраняя хозяйское добро, гоняли кедровок по огороду.

– Давай-ка мы плетнем огорожим да чучела поставим. Иначе перетопчут все собаки. Они же, кроме оленей, ничего в жизни не видали, вот и ругать их нечего, – заступилась за собак Ксения, увидев, как Архип снимает с крюка вожжи.

Три дня они дружно рубили молодняк для плетня, вкапывали сосновые колышки. Ванюшка же смастерил четыре чучела. Нарядив их в старое тряпье, на руки прикрепил палочки, которые при ветре, качаясь и ударяясь друг о дружку, издавали стук, отпугивающий кедровок и ворон.

– Огород ведь поливать нужно, а от реки в гору не набегаешься, – сидя вечером на крыльце, вздохнула Ксения.

– Завтра поищем. Может, ручей какой под землей идет. Тут слои шамотной глины пластами лежат, а между ними вода к реке живунит. Вот ежели сыщем водицу, то мы и колодец в

логу выкопаем, и баньку рядом поставим. А еще глины для кирпича на печь парную заготовим, что от рытья колодца останется, – заверил глава семейства.

Утром Архипа разбудил визгливый лай собак. Выйдя из избы, он увидел большую бударку у берега и поднимающихся по логу людей в остяцких малицах.

– Жара на дворе, а вы, как бояре, в шубах ходите, – улыбнувшись, пошутил кузнец, признав знакомого остяка, с которым зимой еле ушли от волков.

Но людям было не до шуток. Наперебой кланяясь и выставляя впереди себя корзинки с дарами, они затараторили что-то на своем языке.

Подойдя к знакомому остяку, Архип, обняв его, предложил:

– Проходи, Пайза, гостем будешь. И родичей своих зови. Хочешь, в кузню пойдем, а не хочешь, так юрта Угоркина свободна.

– Пойдем юрта, там хорошо. Там говорить будем, – кивнув, согласился остяк.

Когда расселись в яранге, остяк без предисловий обратился к Архипу:

– Эти люди проделали долгий путь по воде, чтобы задать тебе, белый шаман, вопросы. Остяки знают, что ты можешь громом и молнией убивать людей и зверей. Ты умеешь гнуть железо. И ты один ведаешь, когда вернется белый князь, которого три жизни назад выгнали узбеки и татары. Хан Кучум призывает наших людей идти в войско к нему. Но ежели белый князь – наш родич, мы не дадим ему воинов.

– Вернется ваш белый князь следующей водой, когда пройдет зима и река унесет лед. На знаменьях будет его облик. Тогда вы и узнаете, что это ваш князь вернулся, – подав икону, прихваченную собой из кузни, пояснил Архип.

Остяки, бережно передавая икону друг другу, рассматривали ее, общаясь между собой на финно-угорском наречии. Они верили, что произошли от белого оленя, а значит, и князь их должен быть белым.

– Ты покажешь им чудо, окромя грома и молнии? – поинтересовался Пайза.

– А пошто не показать? Пойдем. Я как раз воду искать на склоне собрался, – согласился Архип.

– Не может на горе вода быть, она наверх не течет, – не поверили приезжие.

– Поживем, познаем, – улыбнулся коваль.

Когда выходили из юрты, хитрый остяк напомнил:

– Ты мне нож обещал, когда от волков отбились. Пайза не забыл.

– Помню, помню. Отковал я его тебе еще зимой, как только рука зажила.

Ванюшка сбегал за двумя ивовыми веточками, срезанными в виде уголков.

Архип взял веточки в вытянутые руки и пошел по ложбине лога. В одном месте веточки, как живые, скрестились друг с дружкой. Ванюшка тут же вбил колышек. Кузнец зашел с противоположной стороны, и вновь выпрямленные веточки, качнувшись, сошлись вовнутрь на том же месте.

– Тут и будем копать.

Остяки, рассевшись на косогоре, недоверчиво поглядывали за работой Архипа, поедая куски отваренной нельмы, принесенной Ксенией на подносе.

Ванюшка, принимая деревянные ведра, наполненные глиной, высыпал шамот в кучу и пустые ведра снова подавал кузнецу.

Архип вылез по бревну наверх.

Он выкопал яму уже выше своего роста. Воды все еще не было. Прилег отдохнуть. Лежа на спине, грызя стебелек травинки, он, закрыв глаза, рассуждал:

– Вроде, как и в пустыне у степняков, все сделал как надо. И лоза показала место. Этих еще, ходоков, принесло на мою голову. Чудо им покажи и шамана белого! Не будет воды – поколочу всех семерых, чтоб, как еноты, домой возвратились с кругами синими под глазами. Вот и будет им чудо!

Разморившись на солнышке, Архип задремал.

Пригрезился ему луг дивный. И по цветам полевым приближается к нему человек в белых одеждах. Пригляделся Архип. Так это ж Никита! Улыбается, видно, рад встрече с другом: «Почто, Архипушка, невесел, почто головушку повесил? Копни вбок в своем колодце по локоть на восход, и пойдет водица. Нельзя отступать, великое дело за нами. Опустить руки – дадут Кучуму воинов остяки, больше врагов будет супротив казаков. Найдешь воду – поверят в белого князя самоеды».

Кузнец очнулся.

Солнце уже сошло к реке.

Остяки собирались в обратную дорогу.

– Давай нож, мы уходим, – потребовал Пайза, присев на корточки около кузнеца.

– Сейчас схожу за ним. Только в колодец спущусь за лопатой и пешней, – пообещал

Архип.

Ткнув два раза пешней на восход, он почувствовал, что попал в мокрую глину. В пробрину хлынула струйка воды.

Белый шаман еле успел выкинуть инструмент и подняться по лабазной лестнице. Вода, наступая ему на пятки, мигом наполнила колодец до половины.

Остяки, увидав такое чудо, принялись торопливо кланяться, восторженно заголосив на своем языке.

Глава 58

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

– Ну-ка, Семен, поведай нам про битву при Молоди. Как там крымчаков наголову вы разбили. Да про хитрости их военные растолкуй атаманам и есаулам, – попросил Иван Кольцов.

Семен хитро прищурился, взял сахарок из миски, повертел его в руках и, бросив в рот, начал рассказ:

– Нелегкая доля выпала воинам. Многие сложили буйные головы. Десять лет назад задумал крымчак Девлет Гирей покорить Московию и объявить себя государем всея Руси, а князя великого, Иоанна, к клятве на верность ему привести, как когда-то было при хане Батые. Но для этого надобно Кремль захватить, который он год назад не смог взять. Тогда отстояли мы Кремль и монастыри под началом воеводы Ивана Бельского. Спалил в тот год Девлет Гирей Москву, набрал полна более десяти тыщ душ и ушел себе восвояси.

– Да как же он засечную линию-то без боя прошел? – удивился Никита Пан.

– Про хитрость татарскую речь и веду. Обманул тогда Гирей царя нашего, прислав гонца с грамотой, что якобы идет он на Русь помочь царю в войне Ливонской. Вот и крался к Москве, пока его хитрость не распознали, а когда разгадали его коварство, то поздно было, – разъяснил Семен и продолжил: – На этот год собрал султан войско бесчисленное. Двенадцать туменов только своих крымчаков да ногайцев. Османский халиф Селим ему тоже помощь оказал, прислав семь тыщ отборных янычар, которых в Европе, как чумы, боятся. Вот все полчище этой саранчи и двинулось на Русь, да растянулось, как змея, на многие версты. Подойдя к Оке, расползлось по берегу, чтобы запутать, значит, где переплываться бродом станут. Но куды оне ни сунутся, а все там наши пушки их сечкой встречают. Осерчал Гирей и послал на прорыв двадцатитысячный отряд вброд через Оку во главе с ногайским ханом Тебердеем Мурзой.

Семен озорно подмигнул и переставил один кусочек сахара через щель в столешнице, обозначающую реку, а другой, поменьше, незаметно положил в рот:

– Ивана Шуйского полк да двести детей боярских погибли под копытами конницы Тебердея Мурзы. Разметали ногайцы заслон. Сам же Гирей переправился западней у речки Протвы и принял бой с полком Никиты Одоевского. Полегли и там тысяча двести воинов русских, но дали время нам засадой стать войску татарскому, – вздохнул Семен и, проглотив следующий кусочек сахара, продолжил: – Воевода опальный, Михайло Воротынский, что был начальником пограничной стражи, приказал своему другу, опричному воеводе Дмитрию Хворостинскому, бить татарский обоз из засад, жечь телеги с порохом, выючную скотину выбивать, чтоб, дойдя до Москвы, нечем было стрелять Гирею.

А Гирей, опосля переправы через Оку, совсем обнаглел. Двинулся он к Москве без опаски. Растянулась его рать аж на пятнадцать верст. Совсем нюх потеряли татары, даже про охранение походное забыли.

Семен разложил в ряд кусков девять сахара, изображая обоз. Но его рассказ неожиданно прервал Ермак. Выставив на стол миску с кедровым орехом, он предложил:

– Показывай на орехе, а то ты так весь сахар у меня сожрешь.

– Жалко что ли? – ухмыльнулся Семен, смекнув, что его разоблачили.

– Не жалко, а убывает, – собирая сахар в миску, рассмеялся Иван Кольцов и добавил: – показывай на орехах, плут сладкоежкин.

– Сели мы в засаду. Идут мимо татары на Москву лентой нескончаемой, как тараканы после пожара до другой хаты. Растянулись они от речки Пахры до села Молоди. Мы уж и выпатся успели, покуда обоз появился. Волы и быки арбы тащат, на которых бочонки с поро-

хом да ядрами, рогожею укрытые, лежат. Пушек штук двести на возах. Два василикса стенобитных упряжка из шести быков тянет.

Изготовились мы, да как пальнем разом с пищалей и пушек. Ибрашка со своими татарами стрелами зажженными засыпали обоз. Тут и началось. Порох рвется, волю орут, крымчаки в панике мечутся. Рабы в разные стороны ринулись. А мы поливаем этот кишмиш гаремский из пищалей, – грохнув по столу кулаком и собрав со столешницы рассыпавшиеся орешки в ладошку, положил их в карман своих шароваров Степан, – а как султан понял, что остался без пороха и не взять ему без пушек Москву белокаменную, так совсем озверел. Развернул он все свое войско поганое на нашу засаду. Мы только и успели уйти за два холма. Тама-ка и окружили нас Гирея всадники. Вот это холм, – перевернув миску из-под орешков и ткнув в нее пальцем, пояснил Семен, – а вокруг крымчаки, – рассыпал по столу оставшиеся орехи казак, – токмо вот не учли одно нехристи. Гуляй – город успели мы возвести. Поставили бревенчатые щиты к телегам и встали за ними. В чистом поле раздавили бы они нас, как клопов. А за укрытием – не тут-то было. Пищали у нас новые, запалы кремневые, пушки для боя сечкой заряжены. Ну и вот, как дали мы по коннице этим дробом, так первые двести конников в дырки от бубликов и превратились. Далее стрельцы, высунувшись из-за бревен, да вторую атаку отбили. Ринулись крымчаки вновь, а их ждал второй залп стрельцов, которые к бойницам подошли опосля первых. Далее третьи стрельцы у бойниц поменялись. А опосля казаки вновь залп дали.

– А пушки-то почему не били? – спросил атамана Никита Пан.

– Так пушкам остыть треба. Пока не прогорят искры и остатки в стволе, нельзя заряжать вновь. Спешка, Никита, нужна только при ловле блох да при поносе. А тут дело пушкарное. Разорвет всех, кто рядом стоит.

– Нам всем учесть это тоже нужно при походе за камень. У нас пушки и пищали с Нарвы доставлены, английские, многих ратников обучать нужно, прежде чем доверить им орудие, – рассудил Ермак.

Иван Кольцов, подперев голову кулаком, хитро улыбнувшись, вставил свое слово:

– За что ты и люб мне, Ермолай Тимофеич, так за смекалку твою и познания. Недаром тебя Ермаком кличут, то бишь котлом чугунным. Варит у тебя котелок, ой как варит!

– Сам ты Кольцо – дырявое ухо, – беззлобно парировал атаман и пояснил: – Не за ум прозвали меня котлом чугунным – ермаком, а за то, что выдержал я однажды удар палицей, шапка казачья удар притупила. Я потом, осерчав, этого шляхича до седла разрубил. Он так на две половинки и развалился. Тогда атаманы и пошутили, что голова у меня, как котел, чугунная. Так и прилипла кличка.

Сидящие за столом атаманы и есаулы громко рассмеялись.

Когда смех утих, Семен продолжил:

– Татары прут и прут. Ужо и наших много от стрел их погибло да ранено. Поглядел Гирей, что не может конница его к стенам Гуляй-города подойти из-за множества трупов лошадей и татар. Тогда послал он на приступ пеших янычар. Хан давно мог бы, забросав горящими стрелами, устроить пожар и разнести нашу крепость в щепки, так как бочки с порохом кругом стояли. Но не мы ему были нужны, а наши припасы огненные. Не в Крым же ему посылать обоз за зельем этим.

Потерял Гирей и Тебердея Мурзу, его подстрелили в одной из конных атак. Янычар мы отбили. А ночью пришел к нам на подмогу атаман Черкашенин.

Но прорвались утром янычары за укрепления. Как саранча в плохой год, лезли они по трупам своих сородичей. Завязалась драка внутри. И Гирей бросил всех на крепость, радуясь победе. Но Михайло Михайлович хитер был и засадным полком ударил им в спину. Побежали татары до Оки. Ох и нарубался я тогда, две недели сабельку не мог держать в руке, до того ладонь набил мозолью и в кровь разодрал, – завершая рассказ, Семен показал ладонь с зарубцевавшимися шрамами. – Гирей домой улег, и от ста двадцати тыщ всего десять с ним в Крым

вернулось. Михайло Воротынский героем народным стал, в честь его все церкви молебны отслужили. А через год вновь в опалу попал по доносу завистников.

Атаман Никита Пан встал, разжег новую лучину.

– Да уж и не нужна она, лучина-то, рассвет на дворе. Пошли по хатам, братья. Выходим через два дня, отдохнуть надо, – предложил Ермак.

Глава 59

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

Никита кисточкой аккуратно отмыл в речной воде табличку. Разглядывая ее на солнце, рассмотрел очертания воинов, которые вели битву с черепахами.

Подойдя к Гостомыслу, показал ее и спросил:

– Дивная таблица. Неуж люди когда-то с черепахами биться могли?

Волхв, аккуратно взяв глиняную фреску, пояснил:

– Александр Великий ведет битву с черепашиным племенем. Аллегорично это, отрок. То бишь иносказательно. Но суть в том, что дыма без огня не бывает. Жрецы древние их резали, дабы славу его увековечить. Показывая, что победа над персами и другими народами великое значение имела для рода человеческого. Такое же великое, как в древности противостояние живородящих с яйцекладущими, выживание рода человеческого в том диком мире.

– А разве было такое, отче?

Гостомысл, поставив котелок с водой на угли для ухи, продолжил:

– Было это в давние, давние времена, когда поднятая суша земли только зарождалась. Киты – те, которые нашу землю держат, живородные и молоком своим деток вскармливающие. Вот и надобно было отстоять сию сушу, на которую подались твари яйцекладущие. Боги, создав человека, послали его на землю. Но трудно пришлось роду людскому, поскольку земля кишела тварями. Особо донимали огромные черепахи, которые каждое лето выползали из морских вод тьмою на берег, клали яйца, уничтожали посевы и нападали даже на людей. Вот и получалось, что в термитных домах, брошенных мурашами, да на каменных стенах – волоках – только и можно было укрыться от напасти такой. В заросли же горные тоже не сунешься, там ящеры да аспиды кишат. Но нашли способ каменные люди, как прожить в том страшном мире. Обратились жрецы и волхвы к богам. И сказали боги:

– Как сойдут в море после кладки чудовища, выкапывайте яйца и бейте их. А вылупившихся не успевши побить, ждите через две луны обратно. Приплывут они на кормежку, малые, только что народившиеся, на берег. Они-то и есть самые опасные, голодные, не то что взрослые особи. Тут и битву с ними чините. Мясо их, в морской воде вымоченное, впрок сушите. Скорлупу мельчите на пыль для строительных плит. А содержимым яиц мурашей потчуйте. Те же вам слюну да навоз отдадут для замеса. Вот и получатся прочные плиты, с камнем равные.

Старец, увидав, что вода в котелке закипела, спустил в нее рыбу. Достав из котомки щепотку соли, подсолил. Взбитую в миске икру медленно вылил туда же и, помешав варево, продолжил:

– Говорят, что даже приручил человек черепах, как лошадей и коров, чтоб пользу приносили.

– Какую пользу могут принести эти твари, отче? – спросил, усмехнувшись, Никита.

– Хоть тяговую. Прицепят на веревках камень точеный, да и тащит ее черепаха к месту строительства, только корыто с сеном успевай передвигать у нее перед носом. У нас и таблички с рисунками где-то были такие. Но жили рядом и твари летающие, и ползающие по земле. Победил их род человеческий. А вот себя победить не смог. Разделились народы на царства. И каждый правитель норовил побить другого царя да завладеть землей и добром его. И только каменные люди жили в мире и согласии.

Когда же они под землю уходить стали, многие из мастеров славных, которые пожелали остаться на земле, подались в разные стороны, унося с собою тайну камнеукладывания. Встречали их фараоны и цари с радостью. Умельцев, возводящих пирамиды да храмы, ставили пор-

финоносцы на опричное кормление. А тех, кто им пищу нес, от налогов и податей освобождали. Хоронили с почетом у подножья пирамид, ими воздвигнутых. Такое рабам тогда не позволялось. Каждый день пригоняли крестьяне две дюжины быков да четыре дюжины овец, дабы прокормить армаду строителей, чтоб ни в чем они не нуждались. Строились пирамиды по образу термитника: с продувными коридорами, оконцами, водотоками да тайными комнатами, чтоб и в зной прохладно было, и в стужу тепло, а врага встретить ловушками да лабиринтами. Но велика подлость мира сего. Из вольных людей превратились они в рабов бесправных. Волхвов же жрецы местные изводить стали. Обратились оставшиеся к богам и услышали их повеление:

“Через восемь лун поспорятся два ветра, не поделив море, и в гневе погонят воды в разные стороны. Идите туда и пройдите на другую сторону земли, а как коснутся той тропы копыта конницы фараоновой, посланной в погоню, так ветра и перестанут делить море, потому что бесполезная затея – дуть на воду”.

Вот и ушли последние зодчие каменного дела, унеся тайну свою на другую сторону земли. Память же о давней жизни хранят волхвы до сих пор. А когда Александр Великий покорил половину варварского мира, изготовили они фрески с изображением битвы Александра Великого с черепахами, с трехногими драконами, с летающими химерами и с дикими людьми – людоедами, чтобы возвеличить подвиги его. По четыре таблички в разные концы света разнесли. Каждая такая табличка огромных денег стоит. Продав ее, можно два тумена наемников пять лет содержать. Поэтому люди алчные по свету рыщут в поиске их. Ведунов, хранящих наследие предков, под нож изводят, а чтоб скрыть черные деяния свои, обвиняют нас в ереси. Вот почему мы в степи кыргызской и обитаем – весьма разорили бы бояре да князья наш клад.

Волхв подал миску Никите:

– Отведай, отрок, пока не остыла ушица.

– А почему степняки рыбу не кушают? – спросил каменотес, отхлебнув варево.

– Так у них ложек нет, – пошутил Гостомысл, слегка стукнув по лбу ложкой своего ученика.

***

Иван Кольцо, лежа на печи, шептался с Никитой Паном:

– Если одолеем Кучума, объявим царство самостийное. Будем жить по нашим законам вольным. Пошлем послов к государю с подарками и грамотой о мире и соседстве.

– И встретят послов твоих кнутами царскими. Сдерут шкуру, а дары поделят меж боярами, – усмехнулся Никита Пан.

– Не посмеют на посла другого государства руку поднять. Я сам с обозом пойду.

– Ты сначала Кучума одолей, вольнодумец, впереди обоза забегаешь.

– И одолею. Вот ужо и до истока речки добрались, до последней деревни русской. Ледостава дождемся, и по ледку да снежку наши челны до Кугуй-реки через камни перетащим, ровно как саночки на масленице.

– Твоими устами да мед хлебать. Все-то у тебя, Иван, гладко получается. И царство зачнешь, и Кучума одолеешь, и вольницу казацкую создашь в Сибири. Смотри, чтоб губа не треснула. Спать давай, скоро петухи запоют, – укрываясь тулупом и отворачиваясь от товарища, пробурчал Пан.

– И царство вольное создам, и к царю послом поеду, – не унимался Кольцо, но в ответ раздался богатырский храп Никиты.

***

К осени Архип, наняв в помощники двух остяков, поставил баню.

Угор сдержал свое слово и вернулся к первому снегопаду с женой, которую выменял в Искере у богатого вогула за седло и уздечку. Женщина была его возраста, с ребенком – с шестилетней девочкой.

– Ванька, я тебе забаву привез, – крикнул вогул из лодки, разглядев на берегу удившего рыбу мальчика.

– Пошто тетка на греблях, а не ты?

– А я что, виноват? Коли она на тумране играть не умеет, – ответил Угор и, вставив в рот губо-язычный инструмент, купленный на базаре, ударил пальцем по медному билу.

– Бяууу, бяуу, бяууу, – зазвучала заунывная мелодия.

Ванюшка помог затащить лодку на берег. Подал руку женщине, потом помог сойти на берег девочке.

– Айда наверх, качелю покажу около избы, – предложил он.

– Айша, – согласилась девочка.

Подбежав к избе, дети остановились около смастеренной качели.

– Садись, качну тебя, – предложил Ванюшка.

– Айша, – согласилась девочка, садясь на дощечку.

– Что? Нравится? – раскачав новую подружку, спросил мальчик.

– Айша.

– Э, да ты по-нашенски не хрюкаешь! – догадался Ванюшка.

– Айша, – громко рассмеявшись, повторила девочка.

– Имя у нее Айша, мальчик. А меня тетя Рамиля звать, – погладив Ванюшку по косматым волосам, пояснила женщина, приехавшая с вогулом.

Архип с Угором перенесли вещи из лодки.

– Холодает уже. С рассветом иней выпадет. Скоро река встанет. Давай-ка избу строить, куда помощники не ушли к себе на стойбище. Они в твоём чуме живут, – предложил Архип.

– А успеем? – недоверчиво спросил вогул.

– Успеем. Бревна есть, скатаем за пять ден. Для печи кирпичи мы с Ванюшкой еще летом обожгли. Коли нужно, еще помощников покличем. Эти двое за десять наконечников для стрел вона какой сруб скатали, – рассмеялся кузнец, показывая на новенькую баню, и добавил: – да и жить нам эту зиму придется, как я гляжу, по-хански: бабий дом, мужицкий дом. Ксения рожать собралась к ледоставу. Им на зиму новая изба и пригодится, а мы уж с тобой да с Ванюшкой и в кузне перезимуем, – Архип дружески хлопнул Угора ладонью по спине.

– Девочка у вас народится, – взглянув на прошедшую мимо Ксению, заявил вогул.

– С чего это ты взял? – удивился кузнец.

– Когда мальчика носят, лица у баб сухие, носы как сучки острые, ну, вроде пня елового. А она, наоборот, румяная, круглощекая. Точно кызымка⁴¹ родится, – уверенно заявил шаман.

---

⁴¹ Кызымка – девочка.

Глава 60

МОСКВА

Находившиеся в царской палате бояре потупили головы. Послы Кучум-хана, не выпрямляясь, задом поползли к дверям.

Иоанн рвал и метал. Он, вскочив с трона и не обращая внимания на жуткую боль в ногах, раз пять прошелся по палате, трясущимися руками вбивая в пол посох.

– Разбой устраивать, сучьи дети! Супротив моего соизволения идтить! Задирать и баловать за моею спиною? Как курам, головы порублю! Шкуру спущу с этого выводка казачьего! А у Строгановых все привилегии и жалования, ранее даденные мной, отниму! Вона что послы татарские мне принесли! Не оне виновные в набегах вогуличей на грады наши! А казаки задиром своим накликали сию беду! А хан Сибири дружбу желает с нами водить да дары шлет! Меха только три тысячи штук передал! – тыча в лица думных бояр ханской грамотой, кричал в гневе государь.

Государь тяжело опустился на престол из красного дерева.

Немного помолчав и глянув на татарских послов, скорчившихся у входа, Иоанн промолвил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.